

Министерство образования и науки Российской Федерации
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова
Научно-исследовательский институт олонхо

Е. И. Избекова

**ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В ОЛОНХО:
СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА**

Якутск
2014

УДК 398.22(=517.157)+811.512.157'367.627

ББК 82.3(2Рос=Як)+81.2Як-2

ИЗ2

Утверждено научно-техническим советом университета

Рецензенты:

к.п.н. *М. Т. Гоголева,*
к.филол.н. *А. А. Кузьмина*

Избекова, Е.И.

Числительные в олонхо : структура и семантика : монография / Е.И. Избекова. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2014. – 152 с.

ISBN 978-5-7513-2018-8

Книга посвящена комплексному исследованию лингвистической системы числительных в олонхо — их структуры и семантики. Числительное в результате долгой абстрагирующей роли мышления приобрело общее абстрактное значение и в ходе своего развития наполнилось дополнительным сакральным символическим смыслом. В зависимости от исторического или мифологического характера эпосов функционирование числительных носит внутренний смысловой характер, теряя свое конкретное значение и являясь понятийным символом в тюрко-монгольских эпосах.

Монография в определённой мере углубляет понятие эпического языка, уточняет сущность эпических числительных.

Книга адресована фольклористам, эпосоведам, лингвистам, студентам гуманитарных вузов, а также всем, интересующимся языком олонхо.

УДК 398.22(=517.157)+811.512.157'367.627

ББК 82.3(2Рос=Як)+81.2Як-2

© Избекова Е.И., 2014

ISBN 978-5-7513-2018-8

© Северо-Восточный федеральный университет, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Введение	6
ГЛАВА 1. Особенности употребления числительных в олонхо.....	14
1.1. Числительные в олонхо (квантитативный анализ)	14
1.2. Функционирование числительных в эпических традициях народов.....	17
1.3. Предметы, объекты, явления, определяемые числительными	28
1.3.1. Природный мир	29
1.3.2. Эпические объекты и мир вещей.....	36
1.3.3. Обитатели Верхнего, Среднего, Нижнего миров.....	45
1.3.4. Эпическое время и эпическое пространство	51
1.3.5. Абстрактные и прочие понятия	52
1.4. Основные типы связи числительных с определяемыми словами	55
1.5. Числительные, употребляемые в функции различных частей речи	57
1.6. Функции (назначения) числовых величин в эпосе (общая классификация)	60
ГЛАВА 2. Семантика чисел в эпосе олонхо	74
2.1. Сакральные числа, связанные с ранними представлениями предков якутов и тюрко-монгольских народов.....	74
2.1.1. Ритуальные предметы и объекты	82
2.1.2. Неритуальные предметы и объекты	89
2.2. Эпическая семантика числительных в эпосе олонхо	95
2.2.1. Понятие эпической множественности	96
2.2.2. Числительные, поэтизирующие (положительно усиливающие) качество определяемых предметов.....	100
2.2.3. Числительные, характеризующие (усиливающие) отрицательные качества	101
2.2.4. Числительные, характеризующие размер, величину, силу, мощь и другие качества эпических героев.....	105
2.2.5. Числительные, характеризующие эпическое пространство	112
2.2.6. Числительные, характеризующие эпическое время	117
2.2.7. Числительные в качестве постоянного эпитета	125
Заключение	132
Список сокращений	135
Литература	137
Приложения	147

Предисловие

Олонхо – великое творение духовного наследия, венец словесного искусства якутского народа.

В последние годы мы переживаем новый период изучения якутского героического эпоса, который характеризуется широким размахом, более высоким научно-теоретическим уровнем и более глубоким осмыслением самого текста, самой фактуры олонхо. Проведены несколько конференций, в том числе международных, вышли интересные монографические труды (например, Л.Л. Габышевой, В.М. Никифорова), ряд содержательных сборников научных трудов, где задействованы и молодые.

Перед нами очередная монографическая работа Е.И. Избековой, написанная, казалось бы, на узкую и частную тему, оказавшаяся достаточно содержательной и интересной.

Работа написана на материале известных олонхо, скрупулезно собранных автором, и потому вполне репрезентативном. Материал этот задействован, творчески обработан и преподнесен умело, наглядно, с привлечением выразительных примеров. Это обстоятельство следует подчеркнуть, так как во многих работах, как это ни странно (ведь все признают, восхищаются богатством языка олонхо!), наблюдается скудость фактического материала и на этой основе авторы пытаются делать далеко идущие выводы.

Исследователь подходит к вопросу широко и основательно. Числительное – это такая часть речи, которая, имея первоначально лексические единицы с вполне конкретными значениями, в результате долгой абстрагирующей роли мышления приобрела общее абстрактное значение и в ходе своего развития приобрела различные дополнительные сакральные, символические смыслы. И потому эти числа стали излюбленным средством языка в фольклорных творениях различных народов мира.

Автор крепко усвоил положение, по которому язык олонхо – это хорошо сложенная структурная и лексико-семантическая система, где, как бы ни были гротескны фантастические преувеличения, все взаимосвязано и взаимобусловлено, нет ничего случайного и лишнего. Весь сюжет, вся система

эпоса вертится вокруг идеального героя – богатыря айыы и достойных его красавиц – куо, воплощающих идеальные понятия народа о красоте, физическом и нравственном совершенстве, об олицетворении несокрушимой мощи, и при всем этом мастерски используется числовая характеристика в сочетании с наименованиями народной метрологии типа былас, харыс, кёс, тон күөс бастына. При этом числительные не имеют реальной семантики, а употребляются для усиления фантастических величин, придания эпическому образу сакрально-символического значения или как художественный прием аллитерационно-ассонантного звучания слов в строке.

Таким образом, большим достижением работы является широкий взгляд, системное отношение к языку фольклора. Числительные – это не какие-то внешние привнесения, а органические, крепко спаянные и необходимые изобразительные средства олонхо. Такой взгляд дал возможность более достоверно и убедительно раскрыть лексико-семантические особенности, функциональную нагрузку числительных в языке олонхо.

Необходимо особо отметить хорошее знакомство с литературой, касающейся данной проблемы. Автор умело использовал важнейшие теоретические положения таких известных ученых, как Д.С. Лихачев, В.М. Жирмунский, В.Я. Пропп, Б.Н. Путилов, В.З. Панфилов, С.Ю. Неклюдов, М.П. Селиванов, А.В. Кудияров, А.П. Хроленко, В.А. Бахтин и многих других, не говоря о том, что приведены и работы якутских фольклористов, начиная с И.А. Худякова, а при сравнительной характеристике числительных задействованы многие исследования тюрко-монгольских фольклористов. Отрадно, что теоретические положения ученых в основном подтверждаются материалами языка якутского фольклора («действие совершается в пространстве, а времени реального совсем нет» (Пропп), «слияние пространственных и временных примет» (Бахтин), «хронотоп пути или передвижения» (Кудияров), «фактически невысказанное дальнейшее расстояние – косвенный хронотоп» (Кудияров), «эпическая эпоха – идеальная старина» (Лихачев).

Таким образом, работа Е.И. Избековой – это еще один шаг к исследованию и осмыслению поэтики якутского героического эпоса. Внимательное изучение этого труда будет поучительным для якутских фольклористов, особенно молодых.

П.А. Слепцов, д.филол.н.

ВВЕДЕНИЕ

Имена числительные являются самостоятельной частью речи, обозначающей число, количество, порядок предметов. По мнению многих ученых, числительные восходят к словам с конкретным предметным или иным значением и являются продуктом абстрагирующего мышления.

Количество как абстрактная категория прошло долгий путь развития. Считается, что «чувственное восприятие» того или иного конкретного множества предметов явилось исторической предпосылкой возникновения категории количества [Панфилов, 1977, с. 284]. На начальном этапе категории количества устанавливалась лишь равночисленность, или равномощность конкретных множеств предметов. На следующем этапе происходило выделение некоторых множеств конкретных предметов в качестве эталона, по отношению к которым устанавливалась равночисленность всех других, что привело к возникновению понятий об определённых количествах, т.е. чисел [Там же]. Наиболее подходящим предметом для обобщающих операций, так называемым эталоном, была признана пятипалая человеческая рука. Общеиндоевропейская система основывается на пятиричном цикле [Огибенин, 1968; Мьяль, 1973].

Процесс подобного выделения предполагает обозначение понятий особыми замещающими знаками, при помощи которых они закрепляются в сознании в качестве абстракций. Например, числительное ‘пять’ во многих языках мира образовано от слов со значением ‘пядь, ладонь, рука’ [Кондратов, 1978, с.130].

В этой связи интересно рассмотреть этимологию близкого нам общетюркского числительного *bir* ‘один’. Г. Рамстедт сопоставлял общетюркское *bir* ‘один’ с монгольским *buri* ‘всё, все, каждый’ [Рамстедт, 1957, с. 65]. А.Н. Самойлович полагал, что числительные ‘один, пять, десять’ в тюркском языке имеют общее происхождение от слова *bilek* ‘нижняя часть руки’. Так, одной и той же лексемой обозначалось при единстве «простое (простая единица), другое единство, подразумевающее число пальцев одной руки, и, наконец, третье, относившееся к числу пальцев на двух руках» [Самойлович, 1927, с. 146].

Э.Р. Тенишев указывает на другой путь происхождения числительного ‘один’, связанный с существительным ‘палец’: «палец, как нечто легко выделяемое и способное противопоставляться другим пальцам и организму в целом, может осознаваться и как ‘единица’, ‘один’» [Те-

нишев, 1978, с. 110-111]. Данное положение полностью согласуется с предложением Я.А. Чанышева, который сопоставляет общетюркское числительное *бир* 'один' с др.-тюрк. *беру* 'сюда' и тат. *бирге* 'ближний' и приходит к выводу о том, что в образовании числительного 'один' участвовало слово, указывающее на близкий к говорящему объект. Это положение косвенно подтверждается ссылкой на индоевропейские языки: русск. '*первый*', санскр. *prathama*, лат. *primus*, гот. *fruma* 'первый' и лат. *prius* 'раньше', нем. *vor* 'перед, прежде' имеют общую основу *per (e)* 'ближний, ранний' [Чанышев, 1985; Гарипов, Чанышев, 1982]. В своих статьях Э.К. Эрнитс отмечает, что числительное 'один' во многих языках восходит к местоимениям, указывающим на близкий к говорящему объект ('этот вот'), и предполагает, что *bi-* в тюркском числительном 'один' можно сопоставить с киргизским указательным словом *береги / береку* 'вот этот', и приходит к выводу о существовании когда-то указательного местоимения *b-* с передним гласным. Элемент *-ra* он сопоставляет с показателем местно-направительного падежа *-ra /-ra* в древнетюркском [Эрнитс, 1973; 1987].

Ученые считают, что человечество очень медленно овладевало счётом [Берман, 1954, с. 17]. По мнению Б.А. Фролова, математические понятия начали складываться в первобытном обществе с древнекаменного века [Фролов, 1974а, с. 93].

Возникнув на самых ранних стадиях человеческой истории, процесс счёта сопровождал человека и развивался вместе с ним. Человек при помощи числа осваивал время и пространство, приобретал естественнонаучные знания, математические навыки, систематизировал астрономические наблюдения.

По мнению А.Т. Хроленко, отвлеченность числа стала одной из основных причин того, что ему стали приписывать свойства, которыми оно первоначально не обладало [Хроленко, 1975, с. 38]. Количество случаев, когда число приобретает сверх своего основного значения некоторые добавочные – культурно-типологические, очень велико [Лотман, 1970, с. 58]. В числе заключено «некое упорядочивающее начало, с помощью которого можно соединить в какие-то группы различные предметы и явления реального и мифологического мира, наводя между ними связующие мосты (например, три категории времени – прошлое, настоящее, будущее; четыре стороны света – север, юг, восток, запад и т.д.)» [Жуковская, 1987, с. 242].

Понимание числа как символа закрепилось в древнейшем пласте лексики – топонимах. Лев Успенский замечает, что в топонимах «по отношению к числу в умах людей существовал целый сложный комплекс предвзятых отношений, примет, суеверий» [Успенский, 1969, с. 3]. Числительным, содержащимся в якутских топонимах, посвящена книга Багдарына Сюлбэ [1998].

Условность числа, которую оно приобрело в итоге десемантизации*, отразилась во многих культурах и религиях мира [Топоров, 1980; Кириллин, 1988, 2000; Иванов В.В., 1968; Сыркин, Топоров, 1968; Жуковская, 1987; Семека, 1968; Завадская, 1968; Аммосова, 1994; Быконя, 1998 и др.].

Как известно, в фольклоре произошел синтез исторических, этнических, культурных и эстетических элементов [Праведников, 1993, с. 17]. «Второй план», так отчётливо наметившийся в первобытном искусстве, мифологии, бытовых представлениях, не мог не отразиться в устном народном творчестве, основанном на многофункциональном слове [Хроленко, 1981, с. 130-131]. Под «вторым планом» Хроленко понимает переносное значение слова, своеобразный потенциальный символизм, в котором нашли отражение древнейшие представления человека.

Употребление числительных в произведениях устного народного творчества интересовало многих отечественных и зарубежных исследователей. Так, ещё в XIX веке А.А. Потебня заметил особенность функционирования числительных в украинском фольклоре [Потебня, 1968, с. 423].

Немецкий славист Вильгельм Вольнер в конце XIX века защитил диссертацию на тему «Исследования народного эпоса великороссов», где анализируется художественный строй былин, и в числе прочих «своеобразная магия чисел» [Хексельшнейдер, 1981, с. 120].

В своих научных изысканиях в начале нашего века обращались к числительным в народных песнях и болгарские слависты [Орешкова, 1911; Иванова, 1921].

Числительные в жанрах русского фольклора стали объектом исследования лингвофольклористов из Курского пединститута (рук. А.Т. Хроленко). Так, были изучены числительные в лирических песнях, в современных советских частушках, былинах, пословицах и поговорках [Хроленко, 1972 а, б; 1975].

---

* Десемантизация явилась результатом крушения архаичных традиций [Праведников, 1993, с. 16].

Исследователи отмечают жанровую обусловленность использования числительных в фольклоре [Хроленко, 1975, с. 42; Давыдова, 1978, с. 26; Новичкова, 1984, с. 154 и др.], а также то, что числительные в фольклоре выполняют «не только и не столько информативную, сколько эстетическую, художественную функцию» [Хроленко, 1975, с. 42]. В последние годы появилась интересная работа С.П. Праведникова, где подытоживаются все предыдущие знания по числительным в русском фольклоре, углубляется рассмотрение числительных в жанровом аспекте, анализируется устойчивость фольклорных числительных в пространственно-временном аспекте [Праведников, 1993]. Наряду с вышеназванными исследованиями на материале русского фольклора, числительные становились объектом рассмотрения и в фольклорных произведениях других народов. Так, в диссертации М. Жураева на базе узбекских народных сказок прослеживаются исторические основы, анализируются поэтические функции магических чисел [Жураев, 1987]. Анализу подвергались функции числительных в мифопоэтических текстах якутского олонхо [Габышева, 1988], хакасского героического эпоса [Субракова, 1978], калмыцкого героического эпоса «Джангар» [Жуковская, 1980; Пюрбе-ев, 1993, с. 65-70]. Изучались роль числа в героическом эпосе монголов [Sagaster, 1981; Неклюдов, 1984] и шире – в монгольской культуре в целом [Жуковская, 1987; 1988], символика чисел в башкирском языке [Муратова, 2009], символика чисел в русской, английской и французской языковых картинах мира [Осипова, 2008], нумерологические фразеологические единицы в английском и татарском языках [Гизатуллина, 2004]. Так, Н.Л. Жуковская приходит к выводу, что «числа, числовые наборы имеют, помимо своей основной счётной функции, ещё и дополнительное символическое, ритуальное, выражающее определённую традицию значение» [Жуковская, 1988, с. 131].

В архаичных традициях числа могли использоваться в ситуациях, которым придавалось сакральное, «космизирующее» значение. Тем самым числа становились образом мира и отсюда – способом его периодического восстановления в циклической схеме развития, преодоления деструктивных хаотических тенденций [Топоров, 1980, с. 5]. Всё вышесказанное в полной мере отражается в якутской эпической традиции.

Начиная с XIX века, путешественниками, исследователями, теми, кто хоть раз соприкасался с якутским эпосом, единодушно отмечается

уникальность языка олонхо, его лексическое богатство [Серошевский, 1993, с. 569-592; Худяков, 1969, с. 365-368; Пекарский, 1959, с. 4; Виташевский, 1914, с. 449-466; Короленко, 1953, с. 285; Кулаковский, 1979, с. 380; Ойунский, 1962, с. 117; Сивцев, 1970, с. 93; Васильев, 1973, с. 98; Эргис, 1974, с. 204; Пухов, 1975, с. 416-419; Слепцов, 1989, с. 5-6]. Понятие о богатстве языка складывается из совокупности его разнообразных компонентов.

В якутском языкознании изучение языка фольклора – новое направление лингвистических исследований. В 1989 году П.А. Слепцовым впервые были выдвинуты наиболее важные актуальные проблемы линвофольклористики как нового направления лингвистических исследований, лежащих на стыке смежных наук. Так, в статье «Язык олонхо: лексика, семантика» исследователь дает общую лексико-семантическую характеристику языка олонхо, а также толкование так называемых «темных мест» фольклорной лексики [Слепцов, 1989, с. 5-23; 1991, с. 95-102]. В его монографии «Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм» отдельная глава посвящена языку фольклора, где автор приходит к выводу, что «язык якутского фольклора в начальный период становления современного литературного языка и его норм выступал в качестве истока, по мере дальнейшего развития норм литературного языка язык фольклора превращается в источник обогащения» [Слепцов, 1990, с. 238].

В работе Л.Л. Габышевой выявляется система семантических противопоставлений в олонхо и классификация числительных внутри пространственно-временного цветового континуума, связанного с мифологическими представлениями древних якутов [Габышева, 1986]. Далее ею на материале якутского фольклора рассматриваются своеобразные мнемонические программы фольклорных текстов и сюжетов, мифологические классификации и другие информационные структуры устной коллективной памяти [Габышева, 2009].

А.В. Кудияровым на материале якутского эпоса «Кулун Куллустуур», шумерско-аккадского эпоса о Гильгамеше и русских былин была рассмотрена эпическая универсалия – хронотоп, т.е. особая поэтико-стилевая категория, охватывающая способы и средства выражения пространственных и временных взаимоотношений в их единстве. Из множества видов хронотопов в эпосе исследователь выбрал путевой хронотоп [Кудияров, 1991].

Н.А. Аханянова в статье «Поэтический синтаксис олонхо и характер эпической эпитетации» определяет функции определительных сочетаний и их место в художественной ткани устных произведений [Аханянова, 1991]. В другой её статье рассматривается фольклорная фразеология с солярно-лунарной символикой и предлагается другое семантическое толкование приведённых словосочетаний [Аханянова, 1994].

Семантическая структура заимствованного прилагательного *куруубай* рассматривается в статье Г.Е. Жондоровой. Автор приходит к выводу, что, попав в якутский язык, прилагательное приобрело новый оттенок значения [Жондорова, 1994].

Собственные имена персонажей якутского олонхо были предметом исследования Н.И. Филипповой [1974 б; 1978]. Г.В. Попов [1991] рассмотрел этимологию некоторых имён богов и ключевых слов якутской мифологии, которая целиком отражается в олонхо.

Поскольку язык устного народного творчества (в т. ч. олонхо) до сих пор продолжает оставаться одной из наименее изученных сторон якутского фольклора, то глубокое и всестороннее изучение свойств слова в олонхо, его сочетаемости, художественно-образительных возможностей становится наиболее востребованным. Среди выразительных языковых средств народной поэтики особо значимыми являются имена числительные, составляющие обширный пласт фольклорной лексики. Наиболее широкое, яркое применение они нашли в олонхо. Следует отметить, что количество специальных трудов о месте и роли числительных в фольклоре разных народов незначительно. Поэтому автор данной работы предпринял попытку проанализировать использование имён числительных в якутском эпосе олонхо, поскольку исследование в этом направлении позволит глубже понять поэтические особенности языка олонхо, постигнуть животворные традиции народной фантазии и нагляднее представить специфику древнейших мировоззренческих представлений, понять своеобразие народной психологии, общее и особенное в духовной культуре разных народов. Данная монография – это первая попытка описания эпических числительных как лингвофольклористического феномена (назначение числовых величин, их художественно-эстетические функции, предметы, объекты, явления, определяемые числительными, семантика чисел в олонхо и т.д.). В ней впервые проведён частотный (квантитативный) анализ функционирования числительных в олонхо. Имена числительные также исследованы

в культурно-этнографическом контексте. Установлена мифологическая сакральная символика, отраженная в эпических числительных. Выявлены некоторые закономерности в семантике эпических числительных, определена сочетаемость числительных в олонхо.

В число анализируемых войдут количественные числительные, так как именно в них понятие числа находит отражение в наиболее чистом виде, именно они образуют «стержень, вокруг которого группируются другие виды числительных», и обозначают «количество, число, то есть отвлеченный результат счета» [Супрун, 1990, с. 582].

В качестве иллюстративного материала привлечены слова, не входящие в разряд числительных, но так или иначе связанные с количеством или счетом.

Монография в определённой мере углубляет понятие эпического языка, уточняет сущность эпических числительных. Наблюдения и полученные выводы способствуют разработке теоретических вопросов языка олонхо. Её результаты могут быть использованы в следующем:

– при дальнейшей разработке сопоставления числительных олонхо с числительными в других жанрах национального фольклора – песнях, сказках, пословицах, загадках, исторических преданиях и т.д., что поможет выявить жанровую обусловленность применения числительных в фольклоре;

– в сопоставительных анализах эпических текстов разных народов с целью выявления национально-культурной специфики применения числительных и вместе с тем особенностей картин мира у разных народов;

– при составлении словаря языка олонхо;

– в вузовском курсе устного народного творчества, этнолингвистики;

– при проведении спецкурсов и спецсеминаров по проблемам языка фольклора.

Основными методами исследования послужили описательный, основанный на непосредственном наблюдении языковых фактов и их сопоставлении; метод контекстного анализа; приемы количественных подсчетов, идентификации; методы компонентного, дистрибутивного, диахронического анализа.

К работе были привлечены наиболее ранние тексты олонхо из «Образцов народной литературы якутов» (ОНЛЯ) и имеющиеся академические издания олонхо. Для квантитативного (количественного) анализа были использованы восемь текстов олонхо:

1. Эр Соџотох // Уваровской А.Я. Ахтыгылар / сост. Ю.И. Васильев. – Дьокуускай : Кинигэ изд-та, 1992. – 56 с.

2. Тойон Ньургун Бухатыыр // Образцы народной литературы якутов, собранные Э.К. Пекарским / запись со слов Н. Попова. – Ч. I, вып. 2. – СПб., 1908. – С. 81-112.

3. Өлбөт Бэргэн // Образцы народной литературы якутов, собранные Э.К. Пекарским / запись со слов Н. Абрамова. – Ч. I, вып. 2. – СПб., 1908. – С. 113-147.

4. Ньургун Боотур Стремительный : богатырский эпос якутов / текст К.Г. Оросина; ред. текста, пер. и комм. Г.У. Эргиса. – Якутск : Госиздат ЯАССР, 1947. – 410 с.

5. Тимофеев-Теплоухов И.Г. Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур : Якутское олонхо / зап. В.Н. Васильева; подг. текста Э.К. Пекарского, Г.У. Эргиса; пер. А.А. Попова, И.В. Пухова; вступ. статья И.В. Пухова, Г.У. Эргиса. – М. : Гл. ред. вост. лит-ры, 1985. – 608 с.

6. Захаров Т.В.-Чээбий. Ала Булкун: Якутское олонхо / запись В.Н. Васильева; подг. текста Э.К. Пекарского, Н.В. Емельянова; пер. Г.В. Баишева-Алтан-Сарына. – Якутск, 1994. – 104 с. (Образцы народной литературы якутов. – Вып. 2).

7. Кыыс Дэбилийэ : якутский героический эпос / сказитель Н.П. Бурнашев; зап. С.К. Дьяконова; подг. текста П.Н. Дмитриева, В.В. Илларионова, Л.Д. Нестеревой; пер. Н.В. Емельянова, П.Е. Ефремова, С.П. Ойунской; вступ. ст. Н.В. Емельянова, В.Т. Петрова. – Новосибирск : Наука, 1993. – 328 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

8. Модун Эр Соџотох : якутский героический эпос / сказитель В.О. Каратаев; магн. запись, подг. текста В.В. Илларионова; пер. П.Е. Ефремова, С.П. Ойунской, Н.В. Емельянова; вступ. ст. Н.В. Емельянова, В.В. Илларионова. – Новосибирск : Наука. Сиб. издат. фирма РАН, 1996. – 440 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

В качестве иллюстративного материала были привлечены примеры из других олонхо, для сопоставления – данные из фольклорных сборников других народов (см. Список сокращений).

Глава 1. ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ОЛОНХО

1.1. Числительные в олонхо (квантитативный анализ)

Устное народное творчество «неравнодушно» к числу [Хроленко, 1975, с. 38]. Прежде чем приступить к анализу числительных в олонхо, обратимся к И.А. Оссовецкому, который считает, что «специфика языка фольклора заключается не только в том, что в нём употребляются формы, неизвестные в обиходно-разговорном нехудожественном языке, но и в том, как сконцентрированы те или иные факты языка, какова степень их "загущенности" сравнительно с языком не фольклора, какова степень преимущественного употребления тех или иных фактов языка в соответствии с художественным заданием, какова сравнительная частотность одних и тех же языковых фактов в фольклоре и не фольклоре» [Оссовецкий, 1975, с. 73].

Выявим так называемое «числовое пространство» (термин А.Т. Хроленко [1972 а, с. 76]) олонхо. Примеры из восьми олонхо извлечены путём сплошной выборки. Всего же зафиксировано 3171 употребление числительных (прил. 1). Выявлено 41 количественное числительное натурального ряда от единицы до одного миллиона; три дробных числительных: *анар* 'половина' и заимствованные из русского языка *чиэппэр* 'четверть', *балтараа* 'полтора'; четыре порядковых числительных: *бастаки* 'первый', *үһүс* 'третий', заимствованные из русского языка *пиэрибэй* 'первый', *торууй* 'второй'; а также счетные слова *үгүс* 'многий, многочисленный' [ЯРС, с. 450], *абыйах* 'малый' (по количеству) [Там же, с. 31] *үтүмэн* 'много' [Там же, с. 459].

На долю числительных от одного до десяти в якутском языке приходится приблизительно 90,2% от общего количества словоупотреблений. Для сравнения: в русской былине употребление чисел от одного до десяти составляет 61%. Таким образом, можно говорить о преиму-

щественном употреблении малых чисел в якутском олонхо, в былинах же, помимо чисел первого порядка, часто используются и большие числа. Так, в анализируемых олонхо отмечаются: в «Ала Булкун» – 565 словоупотреблений; в «Эр Соботох» – 75; в «Тойон Ньургун Бухатыыр» – 131; в «Өлбөт Бэргэн» – 199; в «Дьулуруйар Ньургун Боотур» – 275; в «Кулун Куллустуур» – 1178; в «Модун Эр Соботох» – 393; в «Кыыс Дэбилэй» – 355.

Мнение о том, что устное народное творчество «неравнодушно» к числу, можно подтвердить примерами из олонхо: так, по нашим подсчётам, числительные попадают в среднем приблизительно в 12,8 стихотворных строк олонхо. Если допустить, что в одной стихотворной строке олонхо содержится в среднем 2-3 слова, то частота употребительности имени числительного во всем словарном составе олонхо составит 3,13%. Согласно подсчётам В.Д. Воскресенского, в художественных произведениях русской литературы частота его употребительности – 1-2% [Воскресенский, 1957, с. 51]. В художественных произведениях якутской литературы этот показатель приблизительно равен 1,28%*. Таким образом, по сравнению с произведениями художественной литературы, имена числительные в олонхо употребляются в 1,5-3 раза чаще.

Следует отметить, что соотношение числительных во всем словарном составе олонхо достаточно стабильное на протяжении длительного времени. Так, в самом раннем олонхо «Эр Соботох», записанном в 1848 году, оно составляет приблизительно 3,2%, т.е. в среднем одно числительное встречается в 12 строках; в олонхо «Модун Эр Соботох», записанном в 1982 году, – приблизительно 2,5% (одно числительное встречается в 16 строках), в «Кыыс Дэбилэй», записанном в 1941 году, приблизительно 2,8% (в 14 строках в среднем зафиксировано одно числительное). Следует добавить, что данное соотношение остается стабильным и с увеличением объема текста. Так, в самом кратком по объему олонхо «Эр Соботох» А. Уваровского (примерно 2340 словоупотреблений,

---

* Подсчёт производился в произведениях Н.Е. Мординова «Сааскы кэм» (в 41580 словах встречено 540 числительных, приблизительно 1,298%), Н.А. Лугинова «Чынгыс хаан ыйаабынан» (в 32116 словах — 465, приблизительно 1,44%), К.С. Эверстова «Туман буолбут таптал» (в 38016 словах — 431, приблизительно 1,133%).

около 900 стихотворных строк) одно числительное зафиксировано в 12 стихотворных строках, что составляет 3,2% от общего словарного состава. Напротив, в самом объемном олонхо «Кулун Куллустуур» (11130 стихотворных строк, примерно 27825 словоупотреблений) одно числительное встречается в среднем в 9,45 стихотворных строках, что составляет 4,2% от общего словарного состава данного олонхо.

Не все числительные употребляются одинаково часто. По частоте употребительности числительные от одного до десяти составляют примерно 90,2%. Это и понятно, так как они начинают числовой ряд и являются узловыми. По итогам анализов выстроены графики функционирования наиболее употребительных имен числительных в рассматриваемых восьми текстах олонхо (прил. 2, рис. 1-8), а также график усредненной величины функционирования количественных числительных (прил. 2, рис. 9). Графики выстроены по единому образцу: по горизонтальной оси каждого из них отмечены все числительные, встретившиеся в рассмотренных нами источниках, по вертикальной оси – количество их употреблений. Всем графикам присуще наличие «пиков», то есть случаев преобладающего употребления числительных в текстах. В четырех из восьми олонхо наиболее частотным является числительное *үс* `три`, в двух из восьми – *тобус* `девять`, и два олонхо из восьми предпочтение отдают числительному *абыс* `восемь`. Наиболее частотные числительные (только количественные) внесены в сводную таблицу (прил. 1), которая позволяет выделить числовой ряд олонхо.

По частоте употребления на первом месте стоит числительное *үс* `три`, зафиксированное 693 раза (21,85%). За ним следуют числительные *тобус* `девять` – 584 раза (18,42%), *абыс* `восемь` – 488 раз (15,39%). Значительно уступают им числительные *икки* `два` – 288 случаев (9,08%), *сэттэ* `семь` – 225 (7,09%), *биир*, *соботох*, *ангардас* `один` – 252 (7,95%), *түөрт* `четыре` – 126 (4,35%), *алта* `шесть` – 87 (2,74%). Из числительных второго и т.д. порядка нами зафиксированы как наиболее употребительные *тобус уон* `девяносто` – 59 раз, *отут* `тридцать` – 48 раз, *түөрт уон түөрт* `сорок четыре` – 27 раз, *уон икки* `двенадцать` – 26 раз, *сэттэ уон* `семьдесят` – 25 раз, *абыс уон* `восемьдесят` – 18 раз, *түөрт уон* `сорок` – 11 раз, *сүүс* `сто` – 10 раз, остальные же числительные употребляются крайне редко, эпизодически.

Принято считать, что фольклорное понимание количества строится на оперировании двумя категориями: «много» и «мало». В олонхо в подавляющем большинстве случаев числительные не показывают количества. В значении «много» числительные зафиксированы, но незначительно. Справедливости ради следует подчеркнуть, что количество в олонхо выражается с помощью не только числительных, но и грамматических средств, т.е. таких слов, как *чиэптэр* `четверть`, *үгүс* `много`, *абыйах* `мало`, *ангаар* `половина`, *үтүмэн* `очень много, тьма`.

Итак, на основе краткого квантитативного анализа можно сделать вывод о том, что олонхо «неравнодушно» к числу. По нашим подсчетам, числительные встречаются в среднем в 12,8 стихотворных строках. Частота употребительности имени числительного во всем словарном составе олонхо составляет 3,13%, тогда как в произведениях художественной литературы эта цифра в три раза ниже. Употребительность и сочетаемость с существительными в текстах олонхо – довольно стойкое явление, оно стабильно независимо от времени и увеличения объёма текста олонхо.

Исходя из полученных результатов, можно говорить об отборе и предпочтительности употребления некоторых числительных. Наиболее частотными для олонхо являются числительные *үс* `три`, *тобус* `девять`, *абыс* `восемь`. Значительно уступают им *сэттэ* `семь`, *икки* `два`, *биир*, *соботох* `один, единственный`.

1.2. Функционирование числительных в эпических традициях народов

Среди выразительных языковых средств народной поэтики видное место занимают имена числительные, в которых «особенно отчётливо отразились и становление абстрагирующего мышления, и следы древнейших представлений человека» [Хроленко, 1974, с. 40].

Обратимся к сводной табл. 1: здесь числовой ряд наиболее активно функционирующих числительных олонхо сопоставляется с известными нам данными из эпосов других народов.

Таблица 1

**Числительные, наиболее активно функционирующие
в фольклорных произведениях разных народов***

Эпосы	Числительные																					
	1	2	3			7	8		12			30	40		70		90					
Олонхо																						
Хакасек.			3			6	7	9	12			30	40		50	60	70	100				
Узб.			3	4	5	6	7	9			14	30	33	40		70	90					
Кал-мышк.	1		2	3	4		7	8	10	12			33	49		70	80	90	100	108	6012	
Монг.			3	4			7		10													
Бурятск.			3				7	9			13	23		44		70	80	90			600	100000
Былины	1	1,5	2	3	4		6	7	9	10	12		30	40							500	1000

* Данные взяты из работ О.В. Субраковой [1978, с. 18], М. Жураева [1987, с. 141], Н.Л. Жуковской [1980, с. 207], Г.Ц. Пюрбеева [1993, с. 66], С.П. Праведникова [1993, с. 31], R. Sagaster [1981, p. 232]

Из табл. 1 видно, что «излюбленные» числа эпосов в основном совпадают. Но, как будет видно непосредственно из наших примеров, при употреблении имен числительных в фольклорных произведениях будет проявляться национально-культурная специфика.

Итак, 'один', 'два' принадлежат к началу числового ряда, являясь необходимыми компонентами любого счёта, и этим обусловлена их высокая частотность [Праведников, 1993, с. 33]. По нашим наблюдениям, частотность числа 'один' в якутском эпосе может определяться ещё и использованием его в качестве неопределённого члена – *некий, какой-то*, который в то же время сохраняет значение единичности. В олонхо есть выражение: *биир кыыс дьахтарга сытаан тутулла сылдыбат киибин* 'не такой человек, чтоб ходить на поводу у (одной) девушки', также повторяется выражение *биир сарсыарда, биир киэһэ*, что означает 'в некое утро, в некий вечер, однажды'. Кроме этого, числительное 'один' «может употребляться между определением и определяемым в определённых сочетаниях... В этом случае утрачивает свое реальное значение, полностью подчиняясь закону грамматики, приобретает функции своеобразного интонационного знака в поэтической речи» [Субракова, 1978, с. 19]. Применительно к *единице* специалисты отмечают, что в монгольском эпосе это число не имеет особой семантики, и утверждают справедливость положения Н. Поппе, который считал, что роль чисел в эпосе – вспомогательная, они входят в состав гипербол, и вообще их использование подчинено законам аллитерации [Жуковская, 1987, с. 243; Порре, 1962]. Тем не менее, в якутском эпосе числительное *один* имеет некую эпическую семантику, о которой будет сказано ниже.

В русском фольклоре числительное *два* обладает широкой сочетаемостью: *девушки, соколы, кони, шатры, богатыри, братья* и другие. Отмечается, что оно является «своеобразным лирическим сигналом идеи любви, дружбы, братства» [Хроленко, 1975, с. 40]. Заметим одно принципиальное отличие былины и олонхо. Главное действующее лицо любого эпоса – богатырь. В олонхо богатырь в одиночку вступает в бой со злыми силами, угрожающими племенам Среднего мира, тогда как в былине чаще всего их может быть двое, трое, реже девять, двенадцать, сорок. Причём, два, три богатыря сражаются, несут службу по охране рубежей, принимают участие в пирах, отправляются за данью и на

выручку товарища. Картина резко меняется, когда богатырей – девять, двенадцать, сорок. Такие сочетания означают некую силу, находящуюся в состоянии бездействия, т.е. с их помощью высказыванию придаётся негативный оттенок [Праведников, 1993, с. 78]. Такое отличие былины от олонхо, вероятно, объясняется тем, что былина – историческое, т.е. более или менее реалистическое произведение. А олонхо по своей типологии – наиболее архаическое, мифологическое произведение.

Наибольшая частотность числительного *два* в калмыцком эпосе объясняется использованием его в «значении союзов *и, да*» [Тодаева, 1976, с. 133]. *Эн бид хойр ода харх цаг болв билтэл* ‘видно, настало время встретиться ему и мне’ [Там же, с. 457]. Это явление характерно для всех тюрко-монгольских эпосов, где, исходя из синтаксического строя языка, многие формы знаменательных слов стали употребляться для выражения связей между единицами [Грамматика..., 1982, с. 471]. В якутском эпосе *икки*, как и в монгольском, часто выступает в качестве соединительного союза.

Также в якутском и монгольском эпосах число *два* проявляет себя в различных парных смысловых понятиях, прежде всего в бинарных оппозициях – «правый-левый», «мужской-женский», «верх-низ», «белый-чёрный», «счастье-горе», «злое начало-доброе начало» и т.д. Этим положением объясняется использование числительного *один, два* в якутском эпосе, где ‘один’ символизирует злое начало, является постоянным эпитетом *абаасы* – богатыря Нижнего мира, который всегда изображается одноглазым, одноруким, одноногим, а ‘два’ является эпитетом земных существ. Так, эпитет *двуногий* является абсолютным синонимом понятия ‘человек’ (земной). Задача бинарных оппозиций – «помочь мифологическому и реальному освоению и осмыслению предметов и явлений внешнего мира с помощью самой простой и в то же время чёткой формы – дихотомической классификации» [Жуковская, 1987, с. 243].

Среди единичных числительных русского эпоса выделяется числительное *полтора*, которое входит в постоянное сочетание *полтора ведра*: «...*Наливай-ко чару зелена вина. Ты не в малую стопу – да полтора ведра*». *Полтора* выступает как своеобразный полисемантический элемент. Исследователи отмечают связь между идеей «половины» и идеей «предельности» [Хроленко, 1976, с. 28]. В якутском эпосе это число

заимствовано из русского языка, встречается редко. Зафиксировано в выражении благодарности: *балтараа насыыба*, 'полтора спасибо'. Выбору этого числительного способствовали, по всей вероятности, и звуковая гармония, и то обстоятельство, что *полтора* – это целое плюс ещё половина, т.е. таким образом подчёркивается большая благодарность.

Как следует из табл. 1, *три* популярно во всех рассматриваемых эпосах: в русском, тюркском и монгольском. Тройственные числа определяют очень широкий круг разных предметов, явлений, понятий, поэтому трудно объединить их по какому-нибудь единому признаку. Тем не менее, преимущественное использование числа *три* – это область представлений, связанных с понятием времени, которое отмечается во всех рассматриваемых эпосах. Длительность боя, пира в честь победы, ожидания и т.д. определяется преимущественно тройственными числами. А в тех случаях, когда расстояние измеряется необходимой затратой времени, числовым выражением пути оказывается также тройственное число.

Триада присутствует там, где повествуется о мифологических существах, предметах, обладающих чудесными свойствами. В этих случаях числом *три* определяется количество самих существ, предметов или количество присущих им признаков. Такое определение встречается во всех рассматриваемых нами эпосах.

Троекратное повторение священных обрядовых действий характерно для монгольского эпоса: *три раза прочитать священное заклинание; трижды подуть на пригоршню белого песка и подбросить его вверх к небу; три раза обойти храм, дворец, ставку... и трижды поклониться; трижды переступить через стрелу* и т.д. [Пюрбеев, 1993, с. 67], а также для якутского олонхо: *троекратный поклон, троекратный обход чего-либо по ходу солнца, троекратное окропление кумысом священного огня* и т.д.

В русском, калмыцком эпосах, узбекском фольклоре триада встречается в виде трёхкратного препятствия или испытания, которым подвергается герой [Праведников, 1993; Жуковская, 1980, с. 208; Жураев, 1987, с. 19].

Универсальные трихотомические понятия, такие, как членение мифологического пространства на мир подземный, земной и небесный, присущи древнейшим эпосам: олонхо, калмыцкому, монгольскому и хакасскому. Также в эпосах отмечаются некоторые реалии, связанные с числом *три* и возникшие из древнейших мифологических представлений

или в ходе культурно-исторического развития того или иного народа. Это представления о трёх душах человека у народа саха (үс кут) и производное от него, широко бытующее в олонхо выражение о трёх человеческих тенях. Сюда можно отнести и присущее только монгольскому народу «осмысление и познание окружающего мира, осуществляемого с помощью трёхчленных схематических комбинаций: *три богатых (земля богата, многознающий человек богат, многодетный человек богат); три бездонных (небо бездонно, мудрость бездонна, глупость бездонна и т.д.)*» [Жуковская, 1987, с. 244].

Тройственные числа в эпосе часто присутствуют не в чистом виде, а как бы в пропущенном сквозь призму десятичной системы счёта. *Тридцать, тридцать три, триста* часто обозначают предельную множественность. В русских былинах числительное *тридцать* имеет смысловой оттенок длительного ожидания, плавания, прибытия откуда-то из-за моря синего [Хроленко, 1975, с. 40-41].

Число **четыре** в эпосах главным образом отражает представления, связанные с количественно-пространственным освоением мира и Вселенной. Устойчивое сочетание *четыре стороны света* отмечается во многих эпосах. Идея четырёх сторон прослеживается и в других сочетаниях: *четыре материка, сорок ханств в четырех сторонах* («Джангар»), *дорога, что во всех четырёх углах...* (былина), *четыре неба, четыре Сибири* (олонхо) и т.д.

Помимо этого, в «Джангаре» в качестве компонента устойчивых именных словосочетаний число *четыре* обозначает единицу традиционного фольклорно-эпического членения предметов: *вечные четыре времени года, четыре вида скота: лошади, верблюды, крупный рогатый скот и овцы, четыре черных копыта, четыре буддийских монастыря* и т.д. [Пюрбеев, 1993, с. 67].

В узбекском фольклоре это число обозначает совершенство эпического пространства: таковы описываемые в узбекских народных сказках курганы, царские дворцы, светлицы дев, конюшни колдуний [Жураев, 1987, с. 11].

В тувинских героических сказаниях число *четыре* входит в состав постоянного эпитета при обозначении особого камня для совершения обрядов. *Дөрбелчин кара даш каптаазынныг* `четырёхугольный черный

камень-каптазын` – своеобразный алтарь для возжигания пахучих растений обрядового назначения. Такое описание исторически реально: так, в XIX веке был найден большой жертвенный камень в форме куба с углублением для воскурений в центре его верхней части (см.: комментарий 53 [Тувинские..., 1997, с. 549].

В якутском эпосе *четыре* обозначает 'множество': *түөрт саха* 'четыре якута', т.е. все якуты, всё человечество; *түөрт Сибиир* 'четыре Сибири', т.е. все страны. Кроме этого, эпитет *түөрт атахтаах* 'четырёхногий' является абсолютным синонимом эпического коня. В сочетаниях с наименованиями народной метрологии числительное служит для обозначения эпических размеров: *түөрт былас моой 'шея в четыре обхвата'*, *түөрт харыс туоралаах 'шириной в четыре пяди'* и т.д. Также исследователями отмечается, что число *четыре* входит в состав названия Нижнего мира: *нэс түөртүгэн* 'медлительная преисподняя'. Составное слово *түөртүгэн* исследователи переводят как 'четыре пропасти (бездны)' [ПЕК, стб. 2881; Габышева, 1988, с. 87].

Число *шесть* (*алты*) выражает множественность и наряду с числами *семь*, *девять*, *двенадцать* и др. является одним из традиционных в фольклоре хакасов (см. комментарий 141 [Хакасский..., 1997, с. 431], *алты тазор арагазын* 'шесть тазоров вина', *алты сілеке идісуулбалап* 'туши шести холощенных баранов' [АХ, стб. 152].

Число *семь* зафиксировано во всех эпосах. В тюркском, монгольском эпосах оно выполняет преимущественно сакральную функцию. *Семь* несет сакральную семантику в описании отсчёта времени, пространства, эпических объектов, ритуальных предметов и т.д. В монгольском эпосе самый популярный образ – это образ «Семи старцев», или «Семи богов», т.е. семи видимых звёзд созвездия Большой Медведицы [Жуковская, 1987, с. 249].

Как отмечают исследователи, в русском эпосе божественная символика, некогда присущая числу *семь*, угасла. Теперь число обозначает неопределённую множественность. Семь цветов спектра обусловили появление оценочного эпитета «семишёлковый», т.е. узорчатый, яркий [Хроленко, 1975, с. 40; Новичкова, 1984, с. 150].

Для сравнения: числительное *блы* 'семь' занимает исключительно важное место в языке произведений адыгского фольклора, в том числе

эпических сказаний: «семь нартских братьев», «семь женщин» (в значении `семь нянек, воспитывающих молодого нарта`), «семиглавое чудовище», «семиглавый великан», «расстояние в семь криков», «ниже седьмого слоя земли» имеют символический смысл в эпических сказаниях [Кумахов, Кумахова, 1998, с. 175]. Символика числа *семь* проявляется в мифологических традициях: общеадыгское божество Созреш (Созерес) – идол в виде обрубка дерева с семью сучьями, который покровительствовал земледелию, в абхазской мифологии – бог скотоводства *Айтар* (*Айтыр*) представляют в семи лицах, семидольным: *Семь Айтыр, семь Айтыр, в семи местах соединены, семь крепостей вокруг них...* [Там же, с. 175-176].

К семи восходит наиболее часто повторяющийся в «Джангаре» числовой прием $7 \cdot 7 = 49$, который всегда указывает на временной срок [Пюрбеев, 1993, с. 68], например, на продолжительность поединка, который может длиться *сорок девять суток* [Хабунова, 2006, с. 141]. Маудгальяна в течение *сорока девяти* суток читает буддийскую сутру, чтобы воскресить мать из ада [Хамаганова, 2004, с. 291-300]. Можно предположить, что число *сорок девять* в эпосе «Джангар» появилось под влиянием буддизма.

Удесятёрённые варианты – числа *шестьдесят* и *семьдесят* в бурятских героических эпосах-улигерах чаще других употребляются для обозначения возраста персонажей [Тулохонов, 1991, с. 27]: *Она оставила сторожить дом своих улусных людей: старика семидесяти лет, старуху восьмидесяти лет* [АМ, стб. 2766].

Восемь активно функционирует в якутском эпосе олонхо и в «Джангаре». В наших подсчётах по частоте употребительности числительное *восемь* в якутском эпосе занимает третье место. Исходя из мифологических воззрений народа саха, в олонхо *восемь* является эпитетом основных объектов эпического мира: *абыс шилээх сабалаах Аан ийэ дойду* `восьмипредельная, восьмиокраинная Мать-Земля`, *абыс хартыгастаах... халлаан* `восьмиярусное небо`, *абыс салаалаах Аар кудук мас* `восьмиветвистое дерево Аар Кудук` и т.д.

Хотя *восемь* в калмыцком эпосе употребляется намного реже (занимает лишь девятое место), тем не менее, как отмечают исследователи, истоки числа восходят к древнейшей китайской астрологии, где

словосочетание с помощью числительных *восемь*, *девять* и *двенадцать* выполняет роль оберега. Под совместным покровительством этих чисел находится «жизнь человека не только в ее нынешнем проявлении, но и в будущих перерождениях» [Жуковская, 1987, с. 251]. Одним из наиболее частотных, включающих в свой состав число *восемь*, в «Джангаре» является число *сто восемь*, сакральное значение которого появилось в монгольской культуре с распространением буддизма. Так, у Джангара есть *стовосьминожный золотой трон*, *стовосьмикомнатный дворец*, *башмаки со стовосьмислойной подошвой*, *сто восемь мелодий гимнов* и *сто восемь колокольчиков* [Пюрбеев, 1993, с. 70].

В тувинском героическом сказании число *восемь* может передавать представление о числовой полноте, совершенстве, например, про повзрослевшего коня говорится: *сес диштиг* (букв.: стал конем с восемью зубами), т.е. повзрослел, стал полнозубым.

Сес диштиг мал болган

Он алды конун санап,

...чедшикен сер-чалыы кула аът бооп

Полнозубым конем стал...

Шестнадцать подпруг одну за другой затянул –

Молодым взрослым ...конем стал` [БКБШ, стб. 301].

Девять популярно во всех эпосах, кроме «Джангара» и эпоса монголов. В якутском эпосе сакральной «девяткой» обозначаются мифологическое небо – *тобус халлаан`девять небес`*, мифологические особо почитаемые объекты – *тобус тамторболоох тойон сэргэ`с девятью выпуклыми украшениями господин сэргэ (коновязь)`* т.д.

В былине число *девять* имеет значение собирательности – «девять от одного корня», десять как бы противопоставляется родственному союзу, например, девять сыновей – опора и защита Соловья-разбойника: *«А нас веть деветь сыноф, десятой батюшко»* [Новичкова, 1984, с. 149]. В русском фольклоре возникновение `девятки` связывают с идеей рождения или возрождения. Так, в обрядовой практике при крещении ребёнка *«к ушату, наполненному водой»*, прикрепляли *девять* свечей [Там же, с. 149].

В монгольской культуре *девять* – одно из значимых чисел, ассоциируется с «родимыми пятнами». Предки монголов с целью предотвра-

щения различных неприятностей совершали сложный обряд «очищения родимого пятна» [Жуковская, 1987, с. 251]. Однако в калмыцком эпосе это число менее популярно. По данным текстологического исследования, проведенного Б. Тодаевой, число *девять* занимает в нем лишь десятое место. В песнях «Джангара» – 28 случаев употребления «девятки» (для сравнения: популярная «двойка» использована 386 раз). Причём, «девятка» зафиксирована чаще всего в сочетании числительных – наименований сотен, тысяч, десятков и сотен тысяч миллионов [Тодаева, 1976, с. 132-134].

Десять вслед за «двойкой» – наиболее высокочастотное число в «Джангаре» [Тодаева, 1976, с. 132]. Как отмечают, это число связано с древними мифологическими воззрениями монголоязычных народов, его сакрально-магическое значение усилилось в эпоху буддизма: *десять чёрных грехов, десять добродетелей, книга десяти священных заклинаний* и т.д. [Пюрбеев, 1993, с. 66-68]. В былине быть *десятым* или *десятой* в семье – к несчастью: Чайна, «девица девяти братьей», оказывается причиной раздора между двумя семьями [Новичкова, 2001, с. 93]. Десятый год оказался роковым для Добрыни: зеленщица Маринка превратила его в тура – десятого по счету [Там же, с. 94]. В якутском эпосе *десять* употребляется крайне редко, в основном в формулах, определяющих эпические габариты героев олонхо, в сочетании с терминами народной метрологии: *ун ылар харыс ‘десять пядей (больших)’, уон арсыын ‘десять аршинов’* и т.д.

Следующее число, которому в эпосах отводится значительная роль, – *двенадцать*. В монгольской культуре оно связано с двенадцатилетним животным циклом. Отсюда *двенадцать* является, как было указано выше, основным священным числом. Так, в «Джангаре» оно присутствует в следующих сочетаниях: *двенадцать отборных богатейрей-приятелей (друзей), бердыш с двенадцатью лезвиями, двенадцать языков пламени, поводья, плетенные в двенадцать слов, синее сандаловое копье с двенадцатью развилками* [см.: «Джангар»..., 2004, с. 474] и т.д. В былине *двенадцать* несет в себе идею законченности, определенности. Имеет положительное оценочное значение: *двенадцать пряжек золота красного, двенадцать лебедей, двенадцать креченей входят в состав дани, которую необходимо уплатить царю Ботеяну от Киева;*

двенадцатиглавый змей – последний, которого побеждает богатырь. В богатырской заставе из двенадцати богатырей присутствует идея заступничества, защиты от врага [Новичкова, 1984, с. 148-149]. С двенадцатилетним периодом связаны мотивы замещения (сыном места отца), возмещения чего-либо (дани за двенадцать лет), это период, в течение которого происходит формирование богатыря, вызревание конфликта, разрешающегося критической ситуацией [Новичкова, 2001, с. 89].

В калмыцком эпосе часто отмечается число 6012 – это количество богатырей Джангара.

*В своем золотисто расписном дворце
Вместе со своими шестью тысячами двенадцатью
Солнцеподобными верными богатырями
За аракой блаженствует Джангар* [Песнь..., стб. 20].

Иногда эта цифра может присутствовать в описании их коней [Тодаева, 1976, с. 134]. В якутском эпосе двенадцать по частоте употребления занимает 12-е место. При развитии сюжета оно обозначает различные понятия, чаще всего расстояния, время: *уон икки куннук сир`расстояние, преодолеваемое за двенадцать дней`, уон ордуга икки хонук`двенадцать дней и ночей`* и т.д.

К числительным более высокого порядка, которые часто отмечаются в эпосах, относится число **сорок**. В узбекском фольклоре *сорок* – число с сакральным значением, как правило, обозначает крайний срок [Жураев, 1987, с. 13].

Узловым числом для счета противников в былинах является число *сорок*: *У Батыги силы сорок тысящей* [Новичкова, 2001, с. 99]. Исходя из традиционной русской метрологии, в былине числом *сорок* обозначают предельное количество и предельное качество [Праведников, 1993, с. 53]. Сорок пуд – сорок раз по сорок фунтов, в былинах эта мера является обозначением всего богатырски тяжелого. Если речь идет о глубине погребя, то *сорокасаженный* оказывается синонимом эпитета *глубокий* [Новичкова, 1984, с. 152]. Самый щедрый эпический подарок: *сорок сороков черных соболей* [Хроленко, 1975, с. 41].

В олонхо это число встречается редко. С помощью чисел *сорок* и *сорок четыре* в якутском эпосе обозначается неопределенное множество. Так, дом богатыря имеет сорок окон с четырёх сторон: *түөрт өттүгэр*

түөрт уон түннүктээх дьуэ; сопровождает Верховное божество божественная свита из сорока четырех тойонов: *түөрт уон түөрт добуолу тойоттор (добуһуоллуулар Үрүг Аар Тойону)*; эпическая ночь описывается так: *түөрт уон түөрт сүүрэр сулус тимэхтээх... түүн бараан ийэ* 'тёмная ночь с сорока четырьмя пуговицами блуждающих звёзд'.

В некоторых песнях ойратского и калмыцкого эпосов ряд богатырей являются обладателями *девяноста девяти* достоинств, доблестей. В «Джангаре» богатырь смуглолицый Санал Строгий имеет девяносто девять доблестей, он по уму не уступает Алтан Чэджи, по храбрости-отваге – Алому Хонгору, по вежливости – Мингьяну [Овалов, 2004, с. 70].

Большие числа – *пятьсот, тысяча* – часто встречаются в былине. По признанию исследователей, это своего рода индекс чрезвычайно большого множества. Они обозначают чаще всего несметное количество денег: *пятьсот рублей, тысяча рублей* [Праведников, 1993, с. 68].

Итак, «излюбленные» числа эпосов в основном совпадают. Но при детальном анализе обнаруживается отличие их внутренней смысловой нагрузки. Имена числительные в эпосе теряют свое конкретное значение и являются своеобразным символом, указывающим на те или иные понятия. Сакральность числительных свойственна тюрко-монгольским эпосам, тогда как в былинах это почти не проявляется.

1.3. Предметы, объекты, явления, определяемые числительными

Полностью соглашаясь с Б.Н. Путиловым, который пишет: «Вопрос, что представляет собой эпический мир, неотделим от вопроса, как он описывается в эпосе» [1999, с. 27], и понимая, что понятие «эпический мир» сопряжено с понятием «эпический язык», «трактуемым... как упорядоченная система правил и ограничений, способов организации текстов и передачи эпической информации, описаний и характеристик, сохранения и раскрытия эпической семантики» [Там же, с. 27], в ходе анализа мы попытаемся раскрыть в той или иной степени эпический мир олонхо.

Для того, чтобы лучше понять природу использования числительных в олонхо, нам нужно выявить круг явлений, предметов, объектов и т.д. и то, с какой частотой выделяет их эпос олонхо, снабжая их определениями-числительными, в том числе в качестве постоянных эпитетов. Для этого определяемые понятия сгруппируем по следующим лексико-тематическим группам:

- 1) природный мир (небесная сфера, земной ландшафт, водная среда, природные явления, флора и фауна);
- 2) эпические объекты, мир вещей (место жительства, дом/усадебя, домашняя утварь, оружие, украшения, одежда);
- 3) обитатели Нижнего, Среднего, Верхнего миров (люди, божества и абаасы);
- 4) эпическое время и пространство;
- 5) абстрактные и прочие понятия.

Этот перечень установлен на основе просмотра всех текстов и практически целиком исчерпывает сумму определяемых в них понятий.

1.3.1. Природный мир (небесная сфера, земной ландшафт, водная среда, природные явления, флора и фауна)

Древний якут с присущей ему обращённостью к природе в эпическом тексте наиболее часто описывает природный мир, который, как известно, «составляет не только фон, но и основную сферу изображения» в произведениях устного народного творчества [Алиева и др., 1977, с. 75].

Природный мир условно разделим на три подгруппы:

1. Небесная сфера, земной ландшафт и водная среда, которая представлена лексемами *халлаан* (небо), *сир* (земля), *дойду* (страна), *муора* (море), *урэх* (речка), *күн* (солнце), *хайа* (гора), *таас орой* (вершина горы), *булгуннах* (холм), *байбал* (океан), *далай* (глубокий водоем), *көлүйэ* (озеро), *тумул* (мыс) и т.д.

Тут уместно привести справедливое высказывание Т. Цивьян, согласно которому эти существительные «почти теряют собственное конкретное лексическое значение и приобретают значимость и соответственно новые валентности в пределах некоторой замкнутой, жёстким образом организованной системы» [Цивьян, 1973, с. 13]. В нашем случае

пространство замкнуто эпическим миром. Например, *небо* не воздушное пространство вообще, а замкнутое эпическим миром пространство и т.д. Перечисленные выше существительные являются ключевыми в создании образа эпического мира. Природа в олонхо – это объект поклонения – традиция, восходящая к древним мировоззренческим представлениям. Отсюда неподвижность, статичность ключевых природных объектов, наделение их самой разнообразной эпитетикой, в том числе числовой. По подсчётам исследователей, только в одном олонхо «Ньургун Боотур» П.А. Ойунского «эпическое небо наделяется более чем 130 эпитетами – от простых однословных до составных, включающих до 17 слов, и в них задействовано 150 лексических единиц» [Слепцов, 1990, с. 208]. По нашим наблюдениям, вышеназванные существительные сочетаются с числительными *абыс* (восемь), *тобус* (девять), *ус* (три), *сэттэ* (семь).

Наиболее частотными являются выражения, относящиеся к эпическому небу, которое характеризуется как *ус хартыгастаах* (трехъярусное), *сэттэ хартыгастаах* (семиярусное), *абыс хартыгастаах* (восьмиярусное), *тобус хартыгастаах* (девятиярусное). Или: *абыс халлаан* (восемь небес), *тобус халлаан* (девять небес), *үһүс халлаан* (третье небо) и т.д. Согласно древним воззренческим понятиям, небо – обиталище богов, относится к божественным, почитаемым объектам, состоит из нескольких ярусов. Отсюда, эпическое небо сочетается с числительными *ус*, *сэттэ*, *абыс*, *тобус*, которые являются сакральными символами.

Следующим объектом, при описании которого присутствует числительное, является эпическая страна *дойду* (может иметь варианты *Сир дойду*, *Аан дойду*, *Аан ийэ дойду*, *Сир ийэ буор дойду*). Так же, как и эпическое небо, понятие *страна* не употребляется в его прямом, реальном значении. В эпосе перед нами предстают образы божественной (Верхний мир), подсолнечной (Средний мир) и подземной страны (Преисподняя). Числительное чаще всего определяет подсолнечную страну, которая характеризуется как *абыс ишлээх-сабалаах Аан ийэ дойду* ‘восьминачальная, восьмипредельная Мать-земля’. Эта конструкция наиболее частотная, т.е. относящаяся к разряду постоянных эпитетов.

Помимо *ишлээх-сабалаах* (имеющий начало и предел), эпическая страна характеризуется еще и эпитетами *биттэхтээх* (с подпорками, скрепами), *киспэлээх* (с обручами):

Сэтгэ биттэхтээх... Сир ийэ дойду –

`С семью скрепами... мать земля` [КД, стб. 1633].

Алта киспэлээх... Аан ийэ дойду.

`С шестью обручами... изначальная

мать земля` [Там же, стб. 75].

Также встречаются выражения: *абыс дойду* (восемь стран), *тобус дойду* (девять стран). Числовые характеристики при этом не соотносятся с реальными математическими величинами, а показывают некое множество. *Ус аан дойду* 'три мира' выражает всю Вселенную, все страны.

Солнце. Одно из основных объектов поклонения древнего якута – *кун 'солнце'*, имеет множество эпитетов, в том числе и постоянных. Но эпитетов, состоящих из числительного или включающих в свой состав числительное, определяющих данный объект, нами не замечено. Но есть эпические формулы*, где через солнце определяется нечто особенно прекрасное. Числительное, включаясь в состав формул, несёт качественно-гиперболизирующую функцию. Рассмотрим формулу описания внешности красавицы олонхо:

Тобус кун холбоспутун курдук, толбонноох ньуурдаах

Ус кун үөрдүспүтүн курдук, үтүөкэннээх дьүһүннээх.

Подобно девяти солнцам, соединившимся в одно,

с ослепительным лицом,

Подобно трём солнцам, соединившимся в одно,

с прекраснейшим ликом` [ДьДь, с. 66].

Следует отметить, что сама формула является оценочным эпитетом, определяющим красоту эпической Куо.

Водная среда эпического мира представлена лексемами *муора* 'море', *байбал* 'океан', *далай* 'море, большой глубокий водоем', *көлүйэ* 'озеро', *өрүс* 'река', *үрэх* 'речка' и т.д.

Ус үөстээх күүлээн көлүйэтэ 'имеющий три русла, быстротечный водоём'. В качестве компонента эпитета здесь выступает производное прилагательное на *-лаах (-таах)*: *үөстээх* 'имеющий аорту, русло', *өрөһөлөөх* 'имеющий ярусы', *бүүрүктээх* 'имеющий кайму' и т.д.

---

* Мы придерживаемся терминологии А. Хроленко, согласно которой это «прележный по объёму устойчивый словесный комплекс» [Хроленко, 1978, с. 55].

Числительные в процессе функционирования приобретают особое значение. В.В. Виноградов писал: «Слова и выражения в художественном произведении обращены не только к действительности, но и к другим словам и выражениям, входящим в строй того же произведения. Правила и приёмы их употребления и сочетания зависят от стиля произведения в целом. В контексте всего произведения слова и выражения, находясь в тесном взаимодействии, приобретают разнообразные дополнительные оттенки, воспринимаются в сложной и глубокой перспективе целого» [Виноградов, 1954, с. 18]. Так, числительные *үс*, *эттэ*, *абыс*, *тобус*, обозначающие сакральную символику, дополнительно приобретают устрашающий оттенок: *Абыс үөстээх Араат байабал* ‘Восьмипроточное (о восьми руслах) Арат-море’ [ПЕК, стб. 3160]. Перед нами образ немисливо огромного Арат-моря, что имеет восемь русел. Или: *Үс өрөһөлөөх көбөрөр күөх муора* ‘Трёхъярусное синью синеющее море’ [МЭС, стб. 1919], *Үс бүүрүктээх өлүү көлүйэтэ* ‘Трижды окаймленное озеро смерти’.

Характерной чертой употребления этих существительных является то, что эпический водоем – чаще всего место испытания выносливости богатырей, место побоищ. Возможно, поэтому эпитет-определение имеет устрашающий оттенок.

Итак, природа в эпосе специфически обобщенная, условная. Объекты природного мира наделяются образными эпитетами-определениями, в составе которых имена числительные. Числительные имеют сакрально-символическое значение. В контексте приобретают иногда дополнительный оттенок (об этом см. в гл. II).

2. Природные явления представлены лексемами *холорук* ‘вихрь, ураган’, *этин* ‘гром’, *чабылбан* ‘молния’, *түүн* ‘ночь’ и т.д.

Природные явления предвосхищают, сопровождают какие-либо грозные события.

В олонхо мифические существа Верхнего мира – шаманы, удаганки, герои олонхо, превратившиеся в птиц, или их боевые кони – преодолевают фантастические расстояния при полете. Прилет их в Средний мир всегда сопровождается страшными раскатами грома, сверканием молнии и свирепым ураганом:

*Тус илин диэкилтэн
Көтөр кынаттаах күтүр улахана...
Абыс таталбалаах аан хара холорук аргыстаммыт,
Тобус күүстээх туман хара холорук добуһуолламмыт,
Уулаах хара былът олбохтоммут
Үс сүүдлэр этинг дьүөрэлэммит
Абыс сааллар чабылбан дьалбыырдаммыт,
Үс сытыы сындырыыс кымньыыламмыт...
... Көтөн дьүлуруйан кэлбит.*

*`Прямо с востока
Огромных размеров птица...
Восьмикратным, буйным ураганом,
Деятикратным грозным вихрем сопровождаемая
Имеющая грозные тучи под сиденье
Тремя разными громами сопутствуемая (следуемая)
С кнутом из восьми низвергающихся молний
Тремя пронзительными плетями стегаемая...
Стремительно прилетела` [АБ, стб. 1465].*

При описании этих грозных явлений одними из ярких выразительных средств являются числительные, основная функция которых – усилить зловещий образ. Используются числа *үс* (три), *сэттэ* (семь), *абыс* (восемь), *тобус* (девять) и очень редко – *түөрт* (четыре).

3. Флора и фауна. В ней довольно чётко усматривается обращенность к числительным. Лексико-тематическую группу (ЛТГ) условно разделим на две подгруппы:

- 1) мифические животные и мифические растения;
- 2) существительные, обозначающие птиц, животных и растения (в реальном, прямом значении).

В описании мифических животных и мифических растений почти всегда присутствуют традиционные эпические числа *үс* (три), *сэттэ* (семь), *абыс* (восемь), *тобус* (девять), редко используются *түөрт* (четыре), *биэс* (пять), а при описании внешности мифических существ – преимущественно числительное *үс* (три).

Олонхо изобилует мифическими существами: *үс сиринэн туос ала уот Мобой кыыл* – ‘в три опояски желто-пегий огненный Могой зверь’;

Абыс салбааһыннаах Өлүү Өтүмэх кыыла ‘восьмисуставный зверь погибель-Ётүмэх’ [КД, стб. 522], *үс сиринэн бөрүлүү бөхчөбөр өлүү хара суора* – ‘трехгорбый черный ворон гибели’ [КК, стб. 2189], *үс хос тимир чыллырыыт түүлээх бар кыыл* – ‘огромная птица Бар, имеющая в три ряда чешуйчатые железные перья’ [ДьДь, с. 159], *үс сиринэн бөрүлүү бөкчөбөр Үөрүктэй Тимир Бөбүлүк эмээхсин* – ‘трехгорбая дряхлая старуха Юёрнюктэй Тимир Бёгюлюк’ [КК, стб. 3182], *үс хаардаах Үнкүү Битик диэн үүт мабан ат* – ‘трехравый молочно-белый конь Юнкюю Битик’ [КК, стб. 8844] и т.д.

В олонхо присутствуют мифические растения, в названии которых участвуют числительные, – это, прежде всего, священное дерево, растущее в Среднем мире, где гнездится дух-хозяйка земли – *Аар Кудук Мас*, фонетические варианты: *Аал Кудук Мас*, *Аал Луук Мас*, *Аал Дууб Мас*. В различных вариантах описания этого дерева присутствуют определительные конструкции, обязательным элементом которых является числительное:

Аан ийэ дойдуларын

Хаба ортоугар

Абыс салаалаах

Аар Кудук мас үүммүт эбит.

‘На самой середине

Изначальной матушки-земли

Растет, красуется, оказывается,

Восьмицветвистое священное древо

Аар Кудук Мас’ [НБС, стб. 161].

Постоянный эпитет священного дерева – *абыс салаалаах* ‘восьмицветвистое’ – встречается во всех текстах олонхо.

Для сравнения, в алтайском эпосе «Маадай Кара» имеется вечноживое дерево, созданное божеством Юч-Курбустаном, это дерево олицетворяет величие и богатство страны Алтая. *Семиколенный вечный тополь* является благодетелем людей, под его сенью находят отдых чудесные птицы и животные.

На вершине семиколенного тополя

Две одинаковые, с конскую голову, золотые кукушки,

Днем и ночью гулко кукуя,

Перекликаясь сидят... [МК, стб. 68-71].

Следующим объектом является мифическая трава. Рождение богатыря Айыы может происходить на мифической траве о девяти стеблях: *тобус салаалаах локуора куөх окко (оройунан түстэ)*. Числительное выступает как сакральный символ этого процесса: в Средний мир пришел не просто человек, а посланный верховным божеством сверхчеловек со сверхзадачей.

Рассмотрим вторую подгруппу, куда входят существительные, обозначающие животных и растения в прямом, реальном значении. В олонхо они используются для обозначения выражения других понятий, явлений.

Как известно, при детализации описания и повествования в олонхо одно понятие, явление может быть выражено через другое. Причем может быть выражено через наиболее приближенные к древнему человеку предметы и понятия. В этом смысле «ходовыми» являются слова из ЛТГ – названия животных и растений, которые в сочетании с числительными создают гиперболизированный образ.

Перечислим животных, птиц и рыб, в сравнении с которыми в олонхо обозначаются другие значимые понятия: *обус* ‘бык’, *хахай* ‘лев’, *кыталык* ‘стерх’, *туруйа* ‘журавль’, *сырбан эһэ* ‘свирепый медведь’, *буур тайах* ‘лось-самец’, *сур бөрө* ‘серый волк’, *ат* ‘лошадь’, *ыт* ‘собака’, *сылгы* ‘конь’, *кунан обус* ‘молодой бык’, *байтаһын биэ* ‘кобылица’, *атыыр сылгы* ‘жеребец’, *аллаах ат* ‘резвая лошадь’ и т.д. Например: *икки байтаһын биэ курдук ньылбэк* ‘колени, как две кобылицы’, *алталаах сылгы саба сомуок* ‘замок (размером) с шеститравного жеребца’ и т.д.

Необходимо отметить, что в данном случае числительные выбираются достаточно произвольно. Например, кулак богатыря Тимир Чыбыстаана описывается следующим образом:

Алталаах ат баһын саба

Алтан дьаакыр сутурук,

‘Словно голова шеститравной лошади,

[У него] кулак – медный якорь...’ [АБ, стб. 8141].

Как было видно из многочисленных приведенных выше примеров, числительное *алта* ‘шесть’ не является сакрально значимой величиной. В данном примере выбор пал на числительное *алта* по двум причинам: 1) кулак большого размера ассоциативно сравнивается с головой взрослой (шестилетней) лошади; 2) исходя из аллитерационно-ассонансного созвучия слов.

Рассмотрим следующий пример: в описании пола в доме абаасы используется существительное *сордон* `щука`, по представлениям якутов, хищная рыба:

*Тобус сордон балык уорҕаларын
Умсарыта ууран кэбиспит курдук
Тимир килиэ муоста.*

*Пол из цельного железа,
Напоминавший спинки*

Девяти щук, сложенных вместе` [КК, стб. 3171].

В этом примере выбор пал на числительное *тобус* `девять`, исходя из следующих обстоятельств: во-первых, по закону созвучия слов из числительных первого десятка наиболее сходным, близким по звуку к слову *муоста* является числительное *тобус*. Во-вторых, выше мы говорили, что в якутском эпосе числительные *ус*, *сэттэ*, *абыс*, *тобус* выступают как сакрально-значимые величины. Таким образом, можно предположить, что в данном примере при помощи числительного *тобус* `девять` дается дополнительная информация о том, что хозяин дома *абаасы* – мифическое существо. Числительное придает образу эмоционально-экспрессивный оттенок.

Итак, олонхо при описании мифических существ, явлений прибегает к помощи традиционных эпических чисел – *три*, *четыре*, *восемь*, *девять*, а в остальном числительные выбираются достаточно произвольно, исходя из аллитерационно-ассонансного созвучия слов.

1.3.2. Эпические объекты и мир вещей

Известно, что у сказителя-олонхосута – панорамное отражение пространства. После детального описания окружающей природной среды взор сказителя устремляется к близлежащим объектам, описание которых начинается с огромного двора-усадыбы. Далее описывается дом со всеми его деталями, а после этого – утварь. В эту группу мы включили оружие и снаряжение героев, одежду и украшения.

Эта группа наиболее многочисленная, с охватом максимального количества лексем-существительных, вступающих во взаимоотношения с числительными. Это и понятно, так как жилище, вещи, окружающие

героев, персонажей олонхо, так или иначе вовлекаются в повествование олонхо, и наделяясь эпитетами, они не только характеризуют героев, но и создают уникальный, неповторимый красочный мир олонхо.

Но тут следует отметить, что словосочетания с эпитетами-числительными чаще всего ситуативные. Устойчивых сочетаний, т.е. «представляющих собой исходную (“ядерную”) единицу фольклорной фразеологии», в том числе постоянных эпитетов, мало [Хроленко, 1978, с. 54].

Рассмотрим жилище богатыря, которое представлено следующими лексемами: *ураһа* ‘ураса’, *балабан* ‘юрта’, *дьиз* ‘дом’, *олбуор* ‘двор’, *сэргэ* ‘коновязь’, *чуулаан* ‘кладовка’, *кириэптэс* ‘крепость’, *бабаарына* ‘поварня’, *ампаар* ‘амбар’, *халбан* ‘дверь’, *аан* ‘дверь’, *дьизэл* ‘дверь’, *оһох* ‘печь’, *түннүк* ‘окно’, *модьобо* ‘дверной порог’, *муоста* ‘пол’, *баһана* ‘столб’, *тирээбил* ‘подпорка’, *тулааһын* ‘подпорка’, *уорук* ‘эпический дом, жилище богатырей’.

Понятно, что для того, чтобы показать простор и масштабность эпического жилища, сказитель очень часто прибегает к помощи числительных. Используются традиционные *үс* (три), *сэттэ* (семь), *абыс* (восемь), *тобус* (девять), а также числительные второго десятка – *түөрт уон* (сорок), *түөрт уон түөрт* (сорок четыре), *сэттэ уон* (семьдесят), *абыс уон* (восемьдесят), *тобус уон* (девятьсто). Десятичные числительные востребованы, чтобы эффектно показать множество и огромные размеры. Так, долина, предназначенная для жительства, или золотая ограда жилища героя простираются на сорок *кёс**:

*Төгүрүмтэтэ түөрт уон
Көстөөбүнэн төгүрүйбүт
Кыһыл көмүс олбуор...
‘Золотая ограда,
протянувшаяся
на сорок кёс` [КК, стб. 1666].*

Дом богатыря имеет с четырех сторон по сорок окон: *түөрт өттүгэр түөрт уоннуу түннүктээх* [ӨБ, с. 114], сорок комнат: *түөрт уон хостоох кыһыл көмүс дьиз* ‘дом из золота в сорок комнат’ [КК, стб. 1681]. Дом этот о восьмидесяти внушительных боковых столбах, о девятьсто

* Кёс – мера длины, равная примерно десяти километрам.

крепких средних столбах, о ста толстых лиственных матицах: *көй кииннэрэ, көмүс уйалара абыс уон аар маџаналаах, тоџус уон чуор тулааһыннаах, сүүс бөдөн тиит үһүөлээх* [ӨБ, с. 114] и т.д.

Как видно из этих примеров, во-первых, используются в основном удесятеренные варианты традиционных эпических числительных, что придает образу дополнительный мифический оттенок; во-вторых, числительные подбираются по аллитерационно-ассонансному созвучию: *абыс уон – маџана; тоџус уон – тулааһын; сүүс – үһүө.*

При описании деталей жилища с использованием числительных обращает на себя внимание эпическая формула, иносказательно характеризующая тяжесть двери жилища богатыря айбы: *абыс киһи аҥаппат алтан халџаннаах* – '[имеет] медную дверь, которую не могут открыть восемь человек' [ЭС, с. 47].

В разных олонхо функционируют варианты этой формулы, где *халџан* 'дверь' может выражаться синонимами *аан* и *дьиэл*:

Абыс саџахтаах эһэ тириитэ бүрүөһүннээх

Сэттэ киһи кыайан сэгэппэт,

Лип хаан дьиэллээх...

Абыс киһи арыйа тарпат,

Аарыктаах халџаннаах,

С обивкой из восьми лучших медвежьих шкур

Почтенная дверь,

Семи человекам не открыть её...

Дверь с звонцами такая, что

восьми человекам не приоткрыть [ӨБ, с. 114].

Дьиэл – дверь в юрту, урасу [ЯРС, с. 130]. В старину дверь представляла собой раму, обтянутую шкурой животных, и называлась она 'дьиэл' [Саввинов, 1992, с. 34].

При рассмотрении данной ЛТГ наблюдается характерное явление эпического повествования – определительные конструкции, организованные по принципу художественной вариации, с обязательным использованием числительных.

«Вариация – это повторение уже сказанного другими словами. Она представляет собой как бы семантическую аллитерацию, повторение значения в различных вариациях...» [Стеблин-Каменский, 1978, с. 15].

Тобус хос чуллурууттаах чуулаанга:

Абыс хос аарыма ампаарга,

Сэттэ хос ситэри кириэппэскэ,

[кистээн... шиппит... мааны кыыстара]

‘В потайном девятислойном чулане,

В просторном восьмислойном амбаре,

В неприступной семислойной крепости

[спрятанную-вскормленную... дочь]` [КД, стб. 1707].

В данном вариативном фрагменте, строящемся на параллелизме, где «каждый из синонимов (они могут быть и подлинными, языковыми или, очень часто, контекстуальными) сохраняет своё значение и вместе с тем создает и поддерживает общий контекст» [Убрятова, 1970, с. 203], эпитетные двучлены, подобранные на основе аллитерации (*Тобус хос чуулаан, абыс хос ампаар, сэттэ хос кириэппэс*), означают одно – ‘потайное место’. Причём, как отмечает П.А. Слепцов, «синонимы не просто повторяют и поддерживают одну и ту же мысль, а углубляют, уточняют, характеризуют понятие или предмет с различных сторон, и тем самым поэтический образ развивается как бы по спирали» [Слепцов, 1986, с. 80], т.е. «каждая последующая вариация обогащает предыдущую» [Солоухин, 1982, с. 85].

Но вместе с тем эпитет, выраженный числительным, в текстах олонхо может иметь под собой исторически реальную основу: *ураса* (летнее жилище якутов) в олонхо имеет постоянный эпитет – *үс курдаах* или *үс курдуулаах* (с тремя опоясками). Такое жилище действительно имело место в историческом прошлом [Носов, 1954, с. 20].

Үс курдуулаах моҕол ураһа

‘С тремя опоясками большая ураса` [КД, стб. 436].

Могол ураса – летнее жилище постоянного типа, сооружалось из берестяных полотнищ на остове из столбов и жердей. Высота урасы зависит от количества опоясок-жердей, горизонтально связывающих остов жилища (см.: коммент. 436, [КД, с. 300]):

Абыс муннуктаах тимир бабаарына ампаар

‘Восьмиугольная поварня-сруб` [КК, стб. 3158].

По утверждению исследователей, в строительной традиции коренных народов Сибири и Центральной Азии имели место многоугольные,

в том числе восьмиугольные, срубные сооружения. Исследователь Ф.Ф. Васильев пишет, что восьмиугольный срубный дом с бойницами сохранился в местности Бадымты Эмисского наслега Амгинского улуса [Васильев, 1995, с. 125].

Итак, наряду с традиционными эпическими числительными, при описании жилища, усадьбы богатырей используются удесятеренные варианты тех же эпических числительных – *отут*, *түөрт уон*, *сэттэ уон*, *абыс уон*, *тобус уон*, но подбираются они по закону аллитерационно-ассонансного созвучия. На основе аллитерации и параллелизма могут образоваться определительные конструкции, где обязательным компонентом является числительное, чаще всего *тобус*, *абыс*, *сэттэ*. Но эти определительные конструкции – вариативные ряды – означают одно и то же понятие. Числительное-эпитет подбирается на основе созвучия с определяемым существительным-синонимом.

Домашняя утварь представлена следующими наименованиями, которые определяются числительными: *кулүүс* ‘ключ’, *сомуок* ‘замок’, *болгуо* ‘крица’, *олуур* ‘засов’, *лаабыс* ‘лабаз’, *олох* ‘стул’, *наара* ‘нара’, *остуол* ‘стол’, *биһик орон* ‘кровать-люлька’, *кырабаат орон* ‘кровать’, *биһик* ‘люлька’, *сыарба* ‘сани’, *тоһоҕо* ‘гвоздь’, *оһох* ‘печь’, *оһочо* ‘лодка’, *туу* ‘верша’, *илим* ‘сети’, *ардыаах* ‘верша’, *хамыйах* ‘ложка’, *сири иһит* ‘большой сосуд’, *чороон* ‘сосуд для кумыса’, *солуур* ‘ведро’, *быһах* ‘нож’, *биздэрэ* ‘ведро’, *хатат* ‘огниво’, *кэриэн ымыйа* ‘кумысные жбаны’.

В подавляющем большинстве существительные ЛТГ «Мир вещей» сочетаются с традиционными числительными *үс* (три), *сэттэ* (семь), *абыс* (восемь), *тобус* (девять) и namного реже – с числительными *алта* или *алталаах* (шесть, шести лет), *икки* (два), *түөрт* (четыре).

Ритуальные вещи, культовые предметы наделяются сложными эпитетами, в составе которых присутствуют сакральные числа *үс*, *сэттэ*, *абыс*, *тобус* (это будет рассмотрено во II главе).

Рассмотрим простые (не ритуальные) вещи. Посуда богатыря настолько громадна, что состоит из нескольких соединенных частей: *үс сүһүөхтээх биздэрэ* ‘трёхколенчатое ведро’, *үс салбааһыннаах солуур* ‘трехсоставной котел’.

В данных примерах число *үс* используется как художественный прием гиперболизации.

Использование числительного *сэттэ* (семь) при описании предметов, вещей эпического мира в основном выполняет качественно-гиперболизирующую функцию: *сэттэ тыллаах сэрэмээт кур* – ‘кожаный пояс с семью пряжками’; *сэттэ дьэбиннээх тэрээк сүгэ* – ‘ржавый в семи местах топор’; *сэттэ систээх тимир биһик* – ‘железная колыбель с семью опорами’.

Рассмотрим подгруппу оружия и снаряжения, которая представлена следующими лексемами: *куйах* ‘кольчуга’, *ох* ‘стрелы’, *болот* ‘меч’, *булаайах* ‘колотушка’, *сүлүгэс* ‘дубина’, *мээчик* ‘мяч’, *кымньыы* ‘кнут’, *үөрбэ* ‘заостренный кол’, *өргөн* ‘длинный ремень’, *тэһиин* ‘поводья’, *дөйбүүр* ‘опахало’ и т.д. При описании этих предметов почти всегда употребляются числительные. При этом оружие характеризуется по весу, по величине, по внешней форме, по качеству материала, из которого он сделан:

1) оружие богатырей настолько массивно, что им может пользоваться только богатырь, наделенный недюжинной силой: *отут нууттаах тиистээх тимир кымньыы* ‘тридцатипудовый зубристый железный кнут’, *биэс уон бууттаах мэрилиир тимир мээчик* ‘пятидесятипудовый железный ревуший мяч-ядро’, *тобус уон бууттаах тимир чомпо сүлүгэс* ‘девятипудовая железная палица’, *биэс бууттаах саабылаан батас* ‘пятипудовая пальма’ *ус буут үнүү* ‘трехпудовое копье’ и т.д. Сочетание меры веса *пуд* (16,3 кг) с числительными, чаще всего второго порядка, дает гиперболизированный образ доспехов богатыря;

2) фантастические размеры доспехов богатырей показываются при помощи развернутого образного сравнения, где числительное указывает на возраст животного, с частями тела которого сравнивается тот или иной предмет. Так, колотушка шаманки – величиной с переднюю ногу упитанной восьмитравой кобылицы, отрубленную вместе с восемью ребрами:

[Удабан дьахтар]

Абыстаах байтаһын биэ

Абыс ойбоҕостоох ангаар холун саҕа

Кырыылаах сылбаран маҕан булаайабынан

Билиги былытын быһа сотон кэбистэ

[Шаманка]

Глянцево-белой с острыми краями колотушкой

Величиной с переднюю ногу

Упитанной восьмитравовой кобылицы,

Отрубленную вместе с восемью ребрами.

Рассекла надвое свое облако [КК, стб. 1034].

Ала Булкун имеет огниво величиной с голову шеститравовой лошади:

Алталаах ат саба алтан чабаан хататынан,

...уоттарын отуннулар.

При помощи огнива величиной с голову шеститравовой лошади

...костер разожгли [АБ, стб. 6140];

3) оружие богатырей имеет необычную форму, устрашающий внешний вид: икки өттүнэн бишлээх хааннаах дьэс кыдаайы болот`двух-лезвийный окровавленный красно-медный огромный меч`, үс кырыылаах куйах`трехгранная кольчуга (щит)`, үс (абыс) сиринэн салаалаах, алта сиринэн буоBURалаах кымньыы`восьми-трехразвилистый с перехватом в шести местах кнут (плётка)`, абыс саһаан усталаах, тобус кырыылаах тимир үөрбэ`длиною в восемь сажений, девятитгранная железная пика`, абыс кырыылаах тимир үөрбэлээх сардаана ох саа`стрела-сардаана с восьмигранным железным наконечником`абыс кырыылаах хара дьизэрнкэй үнүү`восьмигранное черное проворное (рвущееся к бою?) копье` и т.д. Числительное придает образу оружия устрашающий вид;

4) оружие богатырей характеризуется качеством материала, из которого оно сделано: нож богатыря выкован из идеально чистого железа. Прежде чем получить чистое железо, расплавляют болгуо (крица, кусок железа весом 8-12 кг, якутской кустарной выплавки (см.: примеч. 80 [НБС, с. 393]) тридцать раз. При описании этой подгруппы числительные несут качественно-гиперболизирующую функцию.

Немногочисленная по составу подгруппа «Одежда и украшения» представлена следующими наименованиями: бэргэнэ`шапка, этэрбэс`торбаза, үтүлүк`рукавицы, сон`пальто, ытарба`серьги, кур`ремень, которые определяются числительными.

Описание одежды богатырей, как и доспехов, гиперболизируется посредством числительных и тем самым характеризует хозяина: богатырь имеет девьяностопудовую крепкую железную торбазину, пятидесяти-

пудовую рукавицу-перчатку, девяностопудовую шапку, сделанную из девяти скрепленных железных брусков, в талии перетянут сыромятным ремнем с семью пряжками, на его шею намотан ошейник с погрешушками, сделанный из тридцати кусков железа:

Тобус уон бууттаах

Тимир тирэх этэрбэһи

Тобугун харабар диэри

Туруору тардынан кээспит;

Алаас сыһыы быһабаһын саба

Тимир халаат хомуһуолу

Хам анньынан кээспит,

Түөрт уон тиһи тимэбинэн

Тимэхтэнэн кээспит,

Сэттэ тыллаах тимир сэрэмээт курунан

Ыгыта тыытынан кээспит.

Бис уон бууттаах

Тимир биристээнки үтүлүгүн

Курун тиит быһабаһын саба

Куорай далаан илиштигэр

Дыраччы анньынан кээспит.

Отут болгуонан аттаран онгорбут

Хобо моойторугун

Лохсоччу уурунан кээспит.

Тобус болгуонан аттаран онгорбут

Тобус уон бууттаах

Тимир куогуйа бэргэһэни

Бэскитигэр диэри

Сэксэччи уурунан кээспит.

Сверху натянул

До коленной чашечки

Девяностопудовую крепкую

Торбазину железную;

Халат-камзол на нем

Шириной с половину поля-елани,

Надет в обтяжку,

Застегнут подряд

*На сорок пуговиц;
Он туго перетянут
Сыромятным поясом с семью железными пряжками.
Кое-как натянул он
На огромную загребущую руку свою
Длиною с половину сухостойной лиственницы
Пятидесятипудовую рукавицу-перчатку.
Туго обмотал шею свою
Ошейником с погремушками,
Сделанным из тридцати
Скрепленных кусков железа.
На голову напялил он набекрень
Девяностопудовую шапку свою, сделанную
Из девяти скрепленных железных брусков`
[КК, стб. 3326-3350].*

Шуба богатыря изображается как восьмигранная и железная:

*Очуллаан Чочуллаан бухатыыр
Абыс кырылылаах тимир куйах сонун...
Сулбу бизрэн уһулла
Богатырь Очуллан Чочуллан
Стремительно снял свою
Восьмигранную железную шубу-панцирь... [АБ, стб. 6108].*

Девушки-прислужницы одеты в телячьи шубы тобус толугурдаах торбос тириштэ сон (досл.: запаршивевшие в девяти местах шубы из телячьей шкуры):

*Тобус толугурдаах
Торбос тириштэ сонноохтор
Бытырыыс курдук баттахтаахтар,
Атах сыгыннаах кыргыттар...,
Девять босоногих девок
С нечесаными свисающими космами,
Одетые в шубы
Из шкур запаршивевших телят,... [КК, стб. 3061-3064].*

Итак, одежда персонажей – это информативная категория, с помощью которой в эпическом тексте дополнительно характеризуются персонажи олонхо.

1.3.3. Обитатели Верхнего, Среднего, Нижнего миров (люди, божества, абаасы)

При характеристике эпических персонажей активно используются числительные. Наиболее часто взаимодействуют с числительными существительные, обозначающие людей – персонажей Среднего мира. В олонхо наиболее частотным является понятие люди (множество людей), которое выражается словосочетаниями: *сэттэ (тобус) омук* ‘семь (девять) народов’ *абыс айыы аймаҕа* ‘восемь добрых духов’ *ус (абыс, уон икки, отут ус, отут тобус) биис ууһа* ‘три (восемь, двенадцать, тридцать три, тридцать девять) племён’ *ус (икки, түүрт, биэс) саха* ‘три (два, четыре, пять) якутов’, *икки атаһ биистэрэ* ‘племя двуногих’. Это обстоятельство подтверждает известный тезис о типологической древности олонхо как эпоса родового строя.

Повествование олонхо может начинаться эпической формулой:

*Былыргы дьыл быдан мындаатыгар
Урукку дьыл кулан уорҕатыгар,
Түүрт Саха төрүү илигинэ,
Ус Саха үөскүү илигинэ,
Икки Саха итиллэ илигинэ,
Куруубай хааннаһ Кулун Куллуштуур
диэн үөскээбитэ үһү.*

*На далекой вершине давних лет
На отдаленном хребте минувших лет,
Когда четыре якута еще не родились,
Три якута еще не явились на свет,
Два якута еще не были вскормлены,
народился, говорят, богатырь по имени
Строптивый Кулун Куллуштуур` [КК, стб. 1-7].
В ней, когда четыре якута еще не родились,
Три якута еще не явились на свет,
Два якута еще не были вскормлены.*

Это обычный для мифологического эпоса мотив, относящий действие к «первоначальным временам», когда на земле еще не было людей. «Четыре якута, три якута, два якута», т.е. выражение *ус саха, түүрт*

саха, икки саха – все якуты, в данном случае означает не реальное количество, а общее понятие множественности [Строптивый ..., 1985, с. 579]. Также можно интерпретировать выражение *абыс айыы аймаба*, которое означает 'все добрые духи' – также: 'люди-якуты' [ПЕК, стб. 40]:

*... аранас куба манган халлаан
арбаһын кэтэбигэр
абыс айыы аймаба...
...олороллор үһү
...за хребтом желто-белого неба
живут, говорят,
восемь племен айыы [ТНЬБ, с. 84].*

И если существительные *саха, айыы аймаба, омук, икки атах биистэрэ, ааттаахтар* преимущественно сочетаются с числительными первого десятка и служат для обозначения множества, то сочетание *биис ууһа* не избирательно в выборе числительных, может сочетаться как с числительными первого десятка, так и второго:

*Аллараа абыс биис ууһугар
Айалангы онгорбуттарын иннигэр,
Үөһээ үс биис ууһугар
Үгсүү түһэрбиттэригэр...
`За то, что нижним восьми племенам
такую страшную беду
Они причинили,
Верхним трем племенам
Жалоба на них была послана...' [МЭС, стб. 3359].*

или:

*Үүһэ отут тобус биһин ууһа бары
киирэн өтүөхтээн көрөллөр эбит бу дойдуну,
Аллараа сүүрбэ сэттэ биһин уустара бары
Өнгөйөн көрөллөр эбит бу дойдуну,
Орто дойду отут үс биһин уустара бары
Өнгөйөн көрөллөр эбит бу дойдуну.
`В вышине все тридцать девять племен
Осматривали эту страну,*

*Нижние все двадцать семь племен
Оглядывали эту землю,
Среднего мира все тридцать три племени
Все толпой обходили эту страну* [НБС, стб. 9].

Словосочетание *үс биис ууһа* ‘три племени’, т.е. ‘все племена’, может быть постоянным эпитетом, так же, как и *үс саха* ‘три якута’, т.е. ‘все якуты’, *үс дойду* ‘три страны’, т.е. ‘все страны’:

*Үүттээх үүчээн эттээх
Үс биис ууһа...
‘Добрый нрав имеющие
Люди трех племен...’* [КД, стб. 18].

Достаточно часто с числительными взаимодействуют существительные, обозначающие отдельных людей, которые представлены лексемами, относящимися к следующим категориям: а) к мужскому полу: *бухатыыр* ‘богатырь’, *дьөһүөлдьүт* ‘прислужник’, *күн дьөһүөлдьүт уолаттар* ‘солнечные парни-прислужники’ *тойон* ‘господин’, *ойууттар* ‘шаманы’, *субан уол* ‘парень (холостой)’ *эр бэрдэ* ‘добрый молодец, лучший из мужей’, *киһи* ‘человек’, *хара күлүктээх ураанхай* ‘с темной тенью уранхай (якут)’, *уол оҕо* ‘мальчик’, *туруйа уолаттар* ‘парни-журавли’, *уол* ‘мальчик’, *уолан киһи* ‘молодой человек’, *тимир киһи* ‘железный человек’, *кубулҕаттаах уолаттар* ‘лукавые парни, или парни-оборотни’; б) к женскому полу: *хотун* ‘госпожа’, *дьахтар* ‘женщина’, *кытарах дьахтар* ‘бесплодная женщина’, *кыыс оҕо* ‘девушка’, *кыыс* ‘девочка’, *кыталык кыыс* ‘девушка-стерх’, *арыалдьыт кыыс* ‘девушка-прислужница’, *удаҕаттар* ‘шаманки’, *дьабыл дьахтар* ‘бесплодная женщина’, *абааһы кыргыттар* ‘девушки-абаасы’, *кыыс кытарахтар* ‘бесплодные девушки’. В табл. 2 приведены персонажи олонхо, живущие соответственно в Верхнем, Среднем, Нижнем мирах.

Таблица 2

Персонажи олонхо, живущие в Верхнем, Среднем, Нижнем мирах

	Мужской пол	Женский пол
Верхний мир	<p><i>үс дьөһүөлдьүт</i> `три парня прислужника` <i>үс кун дьөһүөлдьүт уолаттар</i> `три солнцеликих парня-служителя` <i>үс айыы дьөһүөлдьүт бухатырыра</i> `три богатыря-служителя` <i>үс бодуол тыыннаах Аар тойон</i> `с знойным (?) дыханием господин Аар Тойон` <i>тобус уон кубульдьаттаах бухатыыр уолаттар</i> `парни богатыри о девяности превращения` <i>алта атыыр дьылба суруксуттар</i> `шесть (небесных) писарей властного Рока`</p>	<p><i>сэттэ изийэхсит хотуттар</i> `семь госпожей-покровительниц` <i>абыс айыһыт хатыттар</i> `восемь госпожей-создательниц` <i>абыс айыы сиэнэ</i> `потомок восьми покровителей` <i>тобус изийэхсит оҕото</i> `ребенок девяти покровителей` <i>абыс албаастаах абааһы кыргыттар</i> `девки-абасы с восемью уловками`</p>
Средний мир	<p><i>үс бухатыыр</i> `три богатыря` <i>сэттэ эр бэрдэ</i> `семь добрых молодецов` <i>абыс уон киһи</i> `восемьдесят человек` <i>үс хара күлүктээх ураанхай</i> `с тремя тенями уранхай` <i>соҕотох тойон</i> `единственный господин` <i>тобус ойуун киһи</i> `девять шаманов` <i>тобус ойууттар</i> `девять шаманов` <i>тобус туруйа уол</i> `девять юношей журавлей` <i>тобус уол</i> `девять парней` <i>тобус уолан киһи</i> `девять молодых людей` <i>тобус дьиз оруолдьута</i> `девять домашних прислужников` <i>тобус уон субан уолаттар</i> `девяности холостых парней` <i>тобус субан туруйа уолаттар</i> `девять юношей-журавлей` <i>тобус субан туруйа оһуолдьут</i> `девять сопровождающих юношей-журавлей` <i>тобус уолан киһи</i> `девять молодых людей` <i>абыс кырыылаах тимир киһи</i> `железный человек с восемью гранями`</p>	<p><i>абыс удабан дьахтар</i> `восемь женщин удаганок` <i>абыс удабаттар</i> `восемь удаганок` <i>абыс кыталык кыыс</i> `восемь стерхов-девушек` <i>абыс кыыс</i> `восемь девиц` <i>абыс кыыс дьахтар</i> `восемь женщин-девушек` <i>абыс дьиз арыалдьыта</i> `восемь домашних прислужниц` <i>абыс уон дьабыл кыргыттар</i> `восемьдесят бесплодных женщин` <i>абыс кыыс кыталык</i> `восемь девушек-стерхов` <i>абыс кыыс кыталык арыалдьыт</i> `восемь девушек-прислужниц` <i>сэттэ кыыс кытарах</i> `семь нерожавших девиц`</p>

	<p><i>икки атахтаах киһи</i> `двуногий человек` <i>икки илишлээх киһи</i> `человек с двумя руками` <i>икки харахтаах киһи</i> `человек с двумя глазами`</p>	
<p>Нижний мир</p>	<p><i>соботох сордоох сото</i> `с одинокой злосчастной голенью` <i>биир илишлээх киһи</i> `однорукий человек` <i>абыс кырылылаах уодай хааннаах тимир киһи</i> `великорослый восьмигранный железный человек` <i>биир илишлээх лизэй</i> `однорукий леший`</p>	<p><i>соботох атахтаах (абааһы кыһын атамаана)</i> `одноногая (чудище-девка абаасы)` <i>соботох харахтаах (абааһы кыһын атамаана)</i> `одноглазая (чудище-девка абаасы)` <i>үс абааһы кыһа</i> `три девки-абаасы`</p>

Как видно из табл. 2, достаточно часто с числительными сочетаются существительные, обозначающие персонажей из Среднего мира. Причем, второстепенные персонажи (слуги, прислужницы) нарекаются числительным-эпитетом чаще, чем основные герои. Характерной чертой является то, что чётное число *восемь* выступает эпитетом лиц женского пола (сопровождающих алгысчита – девушек, женщин или удаганок), а нечётное число, девять чаще всего – эпитетом лиц мужского пола (юношей, мужчин, шаманов).

Таким образом, подтверждается мнение Л.Л. Габышевой о том, что в олонхо противопоставление (девять – восемь) интерпретируется как указание на мужское и женское начало [Габышева, 1988, с. 82].

Числа могут удесятеряться: *тобус уон субан уолаттар, абыс уон дьабыл дьахталлар добуһуолаан...* `сопровождают девяносто холостых (невинных) парней, восемьдесят бесплодных женщин...` [ӨБ, с. 144].

Примечательно, что в различных архаичных традициях интерпретация числовых отношений как мужское и женское начало – весьма характерное явление. При этом нечётные числа связаны с мужским началом (динамичность, активность), а чётные – с женским (устойчивость, инертность) [Топоров, 1980, с. 25; Иванов, 1987, с. 179-185]. Применительно к русскому фольклору пишут следующее: «Регулярное в

фольклоре противопоставление мужского и женского можно передать рядами и парами слов-соответствий... Предмет, обладающий свойством мужского (женского), становится носителем мужской (женской) производящей силы. Ему приписывается способность магического влияния и магической передачи свойств человеку» [Червинский, 1989, с. 156-157].

Таким образом, числа *девять (восемь)* являются носителями мужской (женской) производящей силы, они способны магическим образом влиять на нас и передавать нам некую магическую информацию. Также можно отметить противопоставление чисел *единицы и двойки*, которыми в качестве эпитета нарекаются обитатели Нижнего мира – абаасы и Среднего мира – человек (подробно это будет рассмотрено ниже). Персонажи Верхнего мира, божества и их прислуга, разные мифические существа проявляют тяготение преимущественно к числу *три (үс)*, и этим как бы подтверждаются их чудесные свойства, необыкновенные качества: верховное божество имеет эпитет в одних олонхо *үс бодуол тыыннаах*, – ‘с знойным (?) дыханием’ (*бодуол* – эпитет с неясной семантикой), в других – *үс үкэр тыыннаах*, где *үкэр* – ‘нежный, тихий’ [ПЕК, стб. 3110], т.е. ‘с нежнейшим дыханием господин Юрюнг Аар Тойон’.

По трое появляются в олонхо небесные богатыри, парни-служители: *үс айыы дьөһүөлдүт күн дьөһүөлдүт бухатыыр уолаттар* ‘три небесных солнцеликих богатыря’; *үс күн дьөһүөлдүт уолаттар* ‘три солнцеликих парня-служителя’ и т.д.

Интересно отметить, что при описании богатырей числительное *восемь* является олицетворением грозной силы и привносит в описание устрашающий оттенок. Так, богатырь из Среднего мира Очуллаан Чочуллаан в олонхо «Ала Булкун» превращается в восьмигранного со зверным (кровожадным) обликом железного демона:

*Абыс кырыылаах уодай хааннаах,
Дьэбин сырайдаах, күп дьүһүннээх,
Атыыр абааһы уолун ааттаах бэрдэ буола.
‘Со ржавым лицом, с сердитым обликом
В восьмигранного кровожадного громадину
В сына абаасы превратился’ [АБ, стб. 4570].*

Причём, эпитет *восьмигранный* может использоваться при описании и богатырей айыы, и богатырей абаасы:

*Абыс кырыылаах
Муус мээдьэ харытынан
Туора сырбатта.
`наш человек) чуть подался в сторону
И наотмашь ударил
Восьмигранной, твердой, как лёд,
Рукой своей` [КК, стб. 3531].
Көстүбэт уолун күтүр бэрдэ
Абааһы уолун ааттаах бэрдэ...
Абыс кырыылаах, анньыы тумустаах
Килэгир тимир киһи...
`Громадный сын невидимого,
Страшный сын абаасы...
С восьмигранным, протыкающим клювом
Железный человек` [АБ стб. 3000].
Абааһы бухатыыра
Абыс кырыылаах
Соботох сототунан
`с единственной восьмигранной ногой,
страшный демон...` [АБ стб. 3210].*

Интересно отметить, что и в современном литературном языке эпитет *восьмигранный* характеризует человека необычного, очень энергичного: *киһи абыс кырыылааба* ‘удалой, разудалый’ [Нелунов, 1998, с. 231].

1.3.4. Эпическое время и эпическое пространство

Следующей областью, где при описании применяются числительные, является эпическое пространство и эпическое время.

Эпическим временем отмечаются отдельные эпические события – это рождение и взросление богатыря, поездка (полет) персонажей, схватка (бой, поединок) с неприятелем, богатырский сон, свадьба, ысыах (пир), игры-соревнования, ожидание чего-либо, кого-либо и т.д.

Числительное при определении вышеперечисленных событий сочетается в основном с нижеследующими конкретными наименованиями

отрезков времени: *хонук* ‘сутки’, *төгүрүк суукка* ‘круглые сутки’, *ый хонуга* ‘сутки месяца’, *сыл* ‘год’, *төгүрүк сыл* ‘круглый год’, *түүн* ‘ночь’, *түүннээх күн, күннээх түүн* ‘ночь и день, день и ночь’, *үйэ* ‘век’, *күөс быстынга* ‘время, необходимое для того, чтобы сварился горшок мяса’, *тон күөс быстынга* ‘время, необходимое для того, чтобы сварился горшок мерзлого мяса’ и т.д.

Итак, в олонхо происходящие события так или иначе определяют временем. Но временные отрезки определенной продолжительности обретают заранее обусловленное значение и выражаются в основном при помощи сакральных чисел *үс, сэттэ, тобус*. Справедливо мнение Т. Цивьян, согласно которому «числовые характеристики фольклорного времени и пространства могут быть описаны не более, чем в рамках оппозиций большой/маленький, близкий/далёкий, длинный/короткий и т.д., но не соотносятся с реальными математическими величинами...» [Цивьян, 1973, с. 13].

Эпическое время и пространство – взаимообусловленные явления. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп [Бахтин, 1975, с. 234-235]. Более подробно эти понятия рассмотрим в следующей главе.

1.3.5. Абстрактные и прочие понятия

Исходя из наших примеров, мы выделили в отдельную ЛТГ отвлеченные и прочие понятия, представленные лексемами *баас* ‘рана’, *көрүү* ‘взгляд’, *дьүһүн* ‘облик’, *хаан* ‘кровь’, *бокулуон* ‘поклон’, *пасыыба* ‘благодарность, спасибо’, *күлүк* ‘тень’ и т.д.

При определении вышеназванных понятий используются числительные, а выражения являются в основном традиционными формулами. Например, взгляд в олонхо выражается формулой:

Кыталык кыыл...

уун утары үс өргөстөөбүнэн

сыт-сытытык дьөлө көрөн олорон...

’Птица стерх...

Трэхдүчүстүм острым взглядом

прямо взглянула [на Ньургуна] [НБС, стб. 290];

ус өргөстөөбүнэн

өтөрүтэ көрөн баран...

*`острым, как трехгранная пика,
установился взглядом` [КД, стб. 2190].*

Здесь числительное *три* употреблено в значении «сильно» или «очень». Через множество обозначается интенсивность. Об этом говорил В.Я. Пропп [1976, с. 96].

Используемое при описании облика (внешности) красавицы числительное *ус* (три) также усиливает её красоту:

*ус күн үөрдүспүтүн курдук үтүөкэннээх дьүһүннээх
`подобно трём солнцам, соединившимся в одно,
с прекраснейшим ликом` [ДьДь, с. 66].*

В целом данное выражение является украшающим эпитетом.

Күлүк (тьень) постоянно присутствует при описании человека:

*ус хара (бараа) күлүккэр
унэ-сүктэ, сүгүрүйэ олоробун...
`к трём тёмным теням твоим
с мольбой на коленях я обращаюсь` [КД, стб. 2540].*

Баас – рана. В схватке богатырей степень превосходства одного богатыря и состояние его противника иногда даются формулой, рисующей зримые картины:

*абыс сиринэн аһаҕас баастаата
тобус сиринэн ойбон баастаата
сэттэ сиринэн сиикэй баастаата
`нанес восемь открытых ран,
девять глубоких ран,
семь незаживающих ран` [ТНьБ, с. 86].*

В этой формуле, представленной ритмико-синтаксическим параллелизмом, каждая стихотворная строка начинается числительными *абыс*, *тобус*, *сэттэ*, которые выражают неконкретное количество: в общем виде их смысл заключается в указании на то, что поединок – беспощадный. Ассоциативный ряд числительных выполняет художественно-образительную функцию, по Будбергу – исследователю китайской поэзии, «происходит наложение друг на друга двух синтаксических образов с тем, чтобы наделить их объемностью и глубиной...» [Якобсон, 1987,

с. 121]. Нам кажется, что при описании таких картин, наряду с прочим, усиливается экспрессия образа.

Хаан – кровь. Кровь в эпосе появляется не только в результате жестокого поединка, но это и выражение любви (при поцелуе). Это дается формулой:

*Сүүһуттэн сүүрбэ хамыйах хаан
баһыллыар диэри,
Алларааттан алта хамыйах хаан
баһыллыар диэри уоһуттан уураатылар.
`Так в лоб [поцеловали],
что с двадцать ложек крови выступило,
Так в губы поцеловали,
что шесть больших ложек крови
выступило` [МЭС, стб. 574].*

Могут быть и другие варианты данной формулы:

*Атын үһээ уоһуттан үс хамыйах үүттээх хаан
кэлиэр дылы уураата,
Аллараа уоһуттан алта хамыйах хааннаах үүт
кэлиэр дылы уураата
`Он [так]поцеловал свою лошадь, что
с верхней губы [лошади] выступило
три ложки крови с примесью молока,
С нижней губы выступило
шесть ложек молока с примесью крови`
[АБ, стб. 5871].*

В данном случае числительное употребляется, исходя из аллитерационно-ассонансного созвучия слов в строке. Числительное не показывает определённое количество, а выражает его через множество – интенсивность, употребляется в значении «сильно», «очень», а также выполняет гиперболизирующую функцию.

Благодарность может выражаться заимствованными из русского языка существительными: букв. ‘полтора спасибо’ *балтараа насыыба* [ТНЬБ, с. 102]. Как мы отметили выше, ‘полтора’ – это целое + ещё половина, т.е. таким образом подчёркивается большая благодарность.

Следующее выражение – *тобусбокулуон*, букв. ‘девять поклонов’ [МЭС, стб. 555], *бокулуон* ‘поклон’ – заимствованное из русского языка слово.

В якутском языке есть слово «сүгүрүйэбин» `поклоняюсь`. *Сүгүрүйүү* `поклонение` – действие из ритуально-обрядового комплекса, а девять входит в числовой сакральный комплекс. Сочетание *девять поклонов* означает поклонение священному объекту, почитаемому существу и т.д.

1.4. Основные типы связи числительных с определяемыми словами

Словосочетаниями называются лексико-грамматические сочетания двух или более слов посредством определенных способов связи: примыкания, изафета, управления, согласования, которые имеют специальную систему средств выражения, обслуживающую как сочетания слов, так и сочетания предикативных частей сложноподчиненного предложения (Грамматика..., 1995, с. 8).

Примыкание – один из ведущих способов связи слов; он не имеет формальных средств выражения, а опирается на основной закон грамматического строя тюркских языков «определение – определяемое», т.е. средством выражения данного способа является порядок слов: определяющее слово + определяемое слово [Там же].

В олонхо абсолютное большинство определительных сочетаний, числительного с определяемым словом, связывается при помощи примыкания: *үс үөстээх сэргэ* `коновязь с тремя опоясками`, *сэттэ киһи сэгэннэт дьиэлэ* `дверь, которую не могут приоткрыть семеро мужей`, *тобус сордону уурбут курдук муоста* `пол из цельного железа, напоминавший спинки девяти щук, сложенных вместе`, *биэс былас биш* `с талией в пять маховых сажень`, *абыстаах, сэттэлээх эһэ тириитин саба ойук былът* `облако (шаманское) величиной со шкуру семи-восьмилетней медведицы`.

Определительные сочетания с использованием числительных по составу могут быть нескольких разновидностей:

1. Простые определительные сочетания, состоящие из компонентов, типовая модель которых числительное + существительное. Такие определительные сочетания встречаются в эпосе. В основном они представляют постоянные эпитеты: *үс саха* (букв.: `три якута`, т.е. все якуты), *үс дойду* (все страны), *үс үйэ* (три века), *икки атахтаах* (двуногий

человек). При этом эпитет (числительное) связывается с определяемым словом посредством примыкания: *үс үйэ, үс саха, үс дойду, абыс халлан, тобус туруйа, абыс кыталык, алталаах сылгы* и т.д. Но определенные сочетания в таком виде в олонхо встречаются не очень часто.

2. Определительные сочетания, состоящие из трёх и более компонентов. В таких сочетаниях рассмотренная конструкция (числительное + существительное) сама является определением какого-либо предмета, понятия: *үс сүүмэх кыл* `три пучка (волос) из косм`, *тобус туруйа уолаттар* `девять парней, подобные журавлям`, *абыс кыталык кыргызтар* `восемь девушек, похожие на стерхов`, *сэттэ Иэйэхсит Хотун*, `семьро Богинь Иэйэхсит`, *тобус уон пуд сүлүгэс* `девятистопудовый молот` и т.д. Способ связи между компонентами – примыкание.

3. В олонхо одно из активно функционирующих определительных сочетаний имеет типовую модель: числительное + производное прилагательное: - *лаах* + существительное: *үс томторболоох сэргэ*, `коновязь с тремя ободками` *үс үөстээх байбал* `трехпроточное (о трех руслах) море`, *икки салаалаах тоһоҕо* `кол с двумя развилками`, *абыс атахтаах лаабыс* `лабаз на восьми ножках` и т.д. Способ связи между компонентами подобного определительного сочетания – примыкание.

4. Описание физических данных богатыря производится по модели числительное + существительное + эпитетное сочетание. Все компоненты определительной конструкции сочетаются посредством примыкания:

үс былас үөкэйэр өттүктээх

Биэс былас мээкэйэр биһлээх...

С высокими бедрами – в три маховые сажени,

С гибкой талией – в пять маховых сажений... [КК, стб. 51].

Определительные конструкции в олонхо могут сколь угодно усложняться, образуя единый эпитетно-компаративный троп (термин Томашевского [1959, с. 209]) – сложное синтаксическое целое, но везде числительное сочетается с определяемым словом способом примыкания.

... Абыс хара манаас атыыр орус

Харсан лачыгыраһа туралларын курдук

Абыс тараах суорба таас хайа...

Словно восемь с треском бодающихся

черных быков-порозов беломордых

Восемь полосатых скал` [НБС, стб. 5].

Управление характеризуется такими полисемантическими средствами выражения, как падежные аффиксы, которые приставляются постпозитивно к зависимому слову по требованию управляющего слова – глагола [Грамматика..., 1995, с. 9]. В олонхо встречаются единицы определительных сочетаний, где числительное связано с определяемым словом способом управления. Рассмотрим развернутый эпитетный троп:

*Абыс уонун туолан аччайа кырдьыбыт
Тобус уонун туолан тонхойо кырдьыбыт
... обонньор*

*Достигший восьмидесяти лет согбенной старости,
Достигший девяноста лет сгорбленной старости
... старик` [ТНБ, с. 101].*

Функционирует тот же закон порядка слов: определение + определяемое в виде соотношения: «управляемые слова» – *абыс уон -ун* ‘его восьмидесяти’, *тобус уон -ун* ‘его девяноста’ + управляющее слово – *туолан*, ‘достигнув’, где *-ун* – аффикс винительного падежа притяжательного склонения. Управляющее слово (деепричастие) управляет числительным, которое приобрело свойства существительного (в форме принадлежности) и обозначает: «ему восемьдесят лет», «ему девяноста лет».

Других способов связи слов, как изафет и согласование в определительных сочетаниях с числительным, нами не обнаружено. Итак, в олонхо числительное сочетается с определяемым словом в абсолютном большинстве случаев способом примыкания, изредка способом управления.

1.5. Числительные, употребляемые в функции различных частей речи

Числительное в эпическом тексте часто утрачивает функцию только числительного, т.е. не только показывает количественный признак предмета, но и может употребляться в функции других частей речи:

1. Употребление числительного в значении имени прилагательного.

Абсолютное большинство эпических числительных участвуют в определительных конструкциях, выражая те или иные признаки эпических объектов, явлений. Так, числительные *үс* (три), *сэттэ* (семь),

абыс (восемь), *тобус* (девять) обозначают сакральный признак. Например, верховное божество *Үрүн Аар тойон* описывается следующим образом: *үс хартыгастаах үрдүк маџан халлаан үрүт өттүгэр үс үүт көдүйэ үктэллээх, үкээр куйаас тыыннаах, үүт-аас бэйэлээх Үрүн Аар тойон обонньор ...үс киш тириштэ өллүргэлээх үрдүк нуобай бэргэнэтин эбэттэйди анньан баран... 'Обитающий за верхним краем трехъярусного высокого белого неба,... Юрюнг Аар Тойон, с подножием из трех молочных озер, с нежно-знойным дыханием, сам молочно-белотельый, свою высокую шапку из трех соболей приподнял...'* (ПАО А, Т. IV, с. 126-127).

Используясь в качестве эпитета, числительные указывают на «священное» содержание определяемого предмета (объекта). Эпитет-определение парней-посланцев верховного божества также включает число *үс* (три): *үс дьөһүөлдүйт уолаттар*, где *үс* указывает на то, что они – мифические существа. *Божества*: богиня-покровительница людей и лошадей *Иэйэхсит* в олонхо предстает как *сэттэ Иэйэхсит хотун* (букв.: ‘семь госпожа Иэйэхсит’), а богиня плодородия и чадородия *Айыыһыт* изображается как *абыс Айыыһыт хотун* (букв.: ‘восемь госпожа Айыыһыт’), где сакральные числа *семь* и *восемь* указывают на «священный» признак.

Числительное, сочетаясь с другими словами, усиливает признак, выполняет функцию эпической гиперболизации, т.е. функцию усилительного слова (наречие выступает в значении ‘очень’, ‘много’, ‘чрезвычайно’: *абыс айаар (холорук)* ‘восемь бушующих (ветров)’; *сэттэ силлиэ (холорук)* ‘семь неистовых (бурь)’; *тобус туман (холорук)* ‘девять туманных (ураганов)’). Таким образом, в этом случае эпическая семантика содержит устрашающий оттенок.

2. Употребление числительных в функции наречия.

В эпических определительных конструкциях встречаются наречия, образованные от числительных с помощью аффиксов *-та*, *-ын*, обозначающих признак и обстоятельство образа действия.

Рассмотрим формулу – хронотоп дальнего расстояния (по А.В. Кудярову) [1991, с. 23-66]:

Көтөр кынаттаах кыыл
Үстэ сымыттаан,
Үстэ сааран тиийэр Сибиирэ.

*Обширная страна, куда
Птица крылатая,
Трижды яйцо снеся,
Трижды полиняв, прилетит`*

[КК, стб. 527-529].

Наречие *устэ*, образованное от числительного *ус* с помощью аффикса *-тэ*, показывает число кратности действия – ‘три раза’. Но в целом эпическая семантика показывает длительность перелёта, в течение которого должны неоднократно произойти линька и выведение птенцов.

Наречия количества и меры обнаруживаются и в следующем примере:

*Үрүн көмүс сэргэтигэр [атын]
Абыста аралдытан,
Тобуста туомтаан,
Онүһүн олбуян
Тобус хонук тухары... баайан кэбистэ.
К серебряной коновязи своей...,
`Повод восемь раз намотав,
В девятый раз петлей завязав,
В десятый раз узлом стянув,
На девять дней [коня]
Привязал крепко` [МЭС, стб. 715-720].*

Наречия *абыс + та*, *тобус + та*, *онус + ун*, образованные от числительных с помощью аффиксов *-та*, *-ун*, буквально показывают количество проявления действий. Но в целом демонстрируется серьёзная подготовка эпического коня к длительным суровым испытаниям, по Кудиярову, – «цикл подсушивания коня» [1991, с. 32], в результате чего конь становится выносливее, сильнее. Эпическая семантика данной формулы заключается в показе качеств мифического коня. Подготовленный таким образом эпический конь становится неуязвимым.

Числительные, сочетаясь со словами *төгүл`раз`*, *хос`ещё раз`*, образуют наречия количества и меры. Подобные сочетания продуктивно употребляются в текстах олонхо:

*...ус сүүмэх сиэли ылан
ус ыыраабын быһыгар айгыраччы кыбытан туран,
ус төгүл далбаатаан кэбистэ.*

*...три пучка (конской) гривы,
Зажав их между тремя пальцами,
Три раза размахивал` [АБ, стб. 6044].*

Обычно троекратное повторение сопровождается действием обрядового характера. Более подробно это будет рассмотрено ниже.

Рассмотрим следующую формулу, где есть девятикратное действие:

*Тобус төгүд өлүү уутугар убайбыт,
Тобус төгүд өлүү уутугар уһаарыллыбыт
Киһи буолабын.*

*А я человек,
Уже девять раз горевший в море смерти,
Девять раз закалявшийся в воде гибели` [КК, стб. 4392].*

В данном примере усматривается неконкретное девятикратное действие. Количество проявления действий указывает на сверхчеловеческие по силе и выносливости качества эпического героя. В конечном счете при помощи такого приёма происходят сакрализация и эпическая гиперболизация образа.

Итак, числительное в олонхо может употребляться в функции других частей речи, в основном имени прилагательного и наречия.

1.6. Функции (назначения) числовых величин в эпосе (общая классификация)

В результате количественного анализа мы выявили высокую частотность употребления имен числительных в эпосе. Имена числительные входят в художественную систему олонхо, и их применение напрямую связано с определенными закономерностями фольклорной поэтики.

Собранный материал позволяет рассматривать числительное как одну из содержательных, интересных составляющих эпической лексики, выполняющих совокупность функций в поэтике эпоса.

Во-первых, числительные в олонхо, участвуя чаще всего в определенных конструкциях, несут важнейшую художественно-изобразительную функцию. Числительные особенно ярко себя проявляют при описании внешности богатырей, богатырских коней, богатырского жилища

и т.д. Подобные эпические описания «ведутся в виде подробного, детализированного описания-изображения, величаво-замедленного развертывания эпической картины перед мысленным взором самих олонхосутов и заинтересованных слушателей – сотворцов олонхо» [Слепцов, 1989, с. 6]. Олонхосут наглядно, как бы даже осязаемо, развертывает эпическую картину, в данном случае описание жилища богатыря:

Алаһа дьизтин

Аан алаһатын өйдөөн-дүүллээн көрөн турдахха –

Айгырыа диэн

Абыс уон абыс аалыылаах

Арабас көмүс маҕаналаах,

Толугуруо диэн, долгуйуоҕа диэн

Тобус уон тобус тон толомон тиит тулааһыннаах,

Силигириэ диэн, иэгэлдьийиэ диэн

Сэттэ уон сэттэ силиргэхтээх

Тэргэн тиит тирээбиллээх,...

‘Если обратить свой внимательный (взгляд)

На его родную обитель,...

То глазам представлялась следующая картина:

Рядами стройными высились

Восемьдесят восемь шлифованных колонн

Из желтого серебра,

Для того, чтобы здание не пошатнулось,

Эту обитель окружали стройными рядами

Девяносто девять могучих деревьев,

Для того, чтобы здание не шелохнулось,

Его подпирали

Семьдесят семь громадных цветущих деревьев,

Как бы охраняя его покой` [АБ, стб. 364].

Следующее высказывание В.Я. Проппа относится и к нашим олонхосутам, как будто этот выдающийся фольклорист-теоретик говорил именно о них: «Изобразить жизнь так, с такой точностью и жизненностью, чтобы воображаемое предстало как действительное, чтобы его можно было увидеть, чтобы можно было следить за развивающимися событиями, как если бы они разыгрывались перед глазами, – в этом состоит

основное стремление певца... При таком отношении к изображаемому, слово приобретает совершенно особое значение. Слово – есть средство отчеканки образа, и певец им дорожит в высшей степени. Этому стремлению к точности отвечает приём художественной изобразительности,... *эпитет*» [Пропп, 1958, с. 524]. Числительные в определительных конструкциях являются значимыми компонентами, выступают собственно эпитетами или являются одними из основных составляющих развёрнутых эпитетов. Таким образом, значимость числительных заключается в придании образу в целом эпического размаха, эпического величия. Создаётся неповторимая эпическая картина и особый зрительный образ. По этому поводу П.А. Слепцов отмечает следующее: «... в эпосе осуществляется спонтанное устремление по максимально эффективному использованию художественно-образительных потенций этнического языка. При этом олонхосут, несомненно, старается удовлетворить эстетические запросы, вкусы живой фольклорной среды. Всё это в конечном счёте способствовало формированию особого типа восприятия действительности, основанного на наглядно-образных представлениях» [Слепцов, 1991, с. 98].

Во-вторых, числительные выполняют композиционную функцию, становятся средством ритмической и звуковой организации эпического стиха:

*Ахсынны ый
Абыс сангатыттан
Абыс эргэтигэр диэри
Абыс ааттаах бухатыыр киһи
Аччаччы тэбинэн туран
Арыяа баттаан,
Ангатаң аһан киирбэтэх,
Аалыктаах алтан даадар халбанын
Арыяа тэбэн кэбистэ.*

*Пинком откинул настежь дверь он,
Подогнанную плотно, со звонцами,
Которую и восемь самых сильных
Людей отборных, великанов знатных
С начала дня восьмого новолунья –*

*Весь месяц,
В землю ноги упирая,
На дверь телами налегая разом,
Не могут приоткрыть её никак` [КУТДЪ, с. 75].*

*Тобус тон бухатыыр киһи
Тобус күн устатыгар
Төлөрүппэтэх добуобай мас олурун
Төлө баттаан иһирдьэ киирдэ.
Абыс аарыма тиитинэн
Аттарыллан онгоһуллубут
Абыс ааттаах бухатыыр киһи
Абыс күн устатыгар
Аччаччы тэбинэн аспат
Ааннарын аһа баттаан,
Иһирдьэ көтөн түстэ.*

*Девять могучих богатырей
Девять дней
Отжать не могли засовы крепкие –
Он выбил их и вошел внутрь.
Восемь именитых богатырей
Восемь дней
Корячились на широко расставленных ногах,
Напрасно пытаюсь отворить дверь
Из восьми могучих лиственниц –
Он распахнул ее настежь,
Влетел внутрь` [КЭ, с. 162].*

В этой формуле, представленной ритмико-синтаксическим параллелизмом, стихотворные строки строятся на основании аллитерационно-ассонансного созвучия слов-числительных *тобус* (девять), *абыс* (восемь).

Как известно, на основе первичной звуковой организации языка образуется система звуковых повторов стиха. В нашем случае мы имеем тип звукового повтора, который «связан с определенным местом образования, т.е. этот тип повтора является стихообразующим элементом. Он фиксирует либо начало ритмической единицы, либо полустипа, влияя на организацию всего стиха в целом» [Дьячковская, 1998, с. 11].

Отметим, что «древнейшая форма поэзии... одно из важных средств внешнего звукового украшения поэтической речи» [Васильев, 1965, с. 25] – аллитерация влияет на выбор того или иного числительного в эпосе. По этому поводу А.Е. Кулаковский отмечал, что «якутская эпическая поэзия любит ставить к понятиям числа и определительные слова, сообразно с аллитерацией, а не для того, чтобы выразить действительное количество описываемого понятия» [Кулаковский, 1923, с. 9]. Например, путь-дорога, где подстерегают большие опасности, сильные потрясения, описывается следующим образом: *Абыс айдааннаах айан, тобус сугулааннаах суол* (досл.: «путь (дорога) с восемью шумами, дорога с девятью суматохами», здесь числительные *абыс* 'восемь', *тобус* 'девять' подобраны в соответствии с законами аллитерации и употреблены в значении «много».

В-третьих, как указывалось неоднократно, эпические числительные в основном не имеют конкретного количественного воплощения, а выполняют роль специфического знака, условно обозначая в зависимости от художественной задачи, стоящей перед исполнителем, малое или большое количество чего-либо. Выше мы отмечали, что числовые характеристики могут быть описаны в рамках оппозиций большой/маленький, близкий/далёкий, длинный/короткий и т.д. Но в олонхо абсолютно преобладают описания с гигантскими, астрономическими величинами, например, размер тучи описывается следующим образом:

Тыстаах баттахтаах
Тыһы тайах кыыл
Тириитин тиирэ таппыт курдук
Бастаах-атахтаах
Най хара быллыт обургу,
Күннүк усталанан,
Көс туораланан,
Күнү-ыйы күлүктээн,
Күдэн өрөкүйэн,
Көтөн куйуһуйан табыста
´[Туча] большая, как расстеленная шкура
Лосихи старой, с лапами и чёлкой,
Тяжёлая и чёрная громада

*Длиной не менее дневного перехода
И шириною в десять вёрст,
Она всплыла и сразу заслонила
Луну и солнце взвихрившейся мглой` [КУ ТДь, с. 53].*

А образы, отмеченные как ничтожно малые, встречаются крайне редко. Если имеет место такое выражение, то путем противопоставления подчеркивается мощь богатырской силы и т.д.

*Биир аллаах ат сөрүөтүн саба
Куөх кырсы ордорбокко
Кул курдук үлтү тэпсэн бардылар.
`[Богатыри] словно в пепел, все в прах истолкли,
Не оставив [ни одного] клочка зеленого дерна
Величиною в подседельник резвой лошади`*

[КК, стб. 1326 -1328].

Таким образом, числительное несет качественно гиперболизирующую функцию.

В-четвертых, в эпических числительных үс (три), сэттэ (семь), абыс (восемь), тобус (девять) заложена сакральная символика, основанная на мифологических воззрениях древнего якута. Это проявляется во всем, начиная с мифологической структуры эпического пространства, кончая предметами домашней утвари.

Итак, үс (три) используется в описаниях мифологической картины мира. В якутском эпосе Вселенная состоит из трёх миров: Верхний мир – небо (*Үөһээ дойду*), которое в свою очередь также многослойно и состоит, по одним источникам, из девяти ярусов, по другим – из трёх небесных стран. Средний мир – земля (*Орто дойду*) и Нижний мир – преисподняя (*Аллараа дойду*).

Сакральная символика троичности вслед за тройственной в своей основе эпической Вселенной в олонхо распространяется на всё, что имеет особо священное или космическое значение: эпический мир: үс үнкүү көмүс дьүөдьэй булгуннаах ‘три ликующих серебряных холма’; предметы эпического мира: үс курдуулаах үрүн көмүс балабан ‘серебряная юрта с тремя ободами’, үс сиэллээх чороон ‘чорон, украшенный тремя пучками конской гривы’; мифические существа, божества: үс үкэр тыыннаах үрүн Аар Тойон ‘с нежнейшим дыханием Юрюнг Аар господин’, үс хаардаах үнкүү битик ат ‘трёхтравый молочно-белый конь

(по кличке) Юнкюю Битик’, *үс күн дьөһүөлдьүт уолаттар* ‘три солнеликих парня-служителя’, *үс сиринэн бүгүлү бөкчөгөр өлүү хара суора* ‘трёхгорбый чёрный ворон гибели’.

Числительное *үс* (три) является особым компонентом определительной конструкции при описании обрядовых действий. При совершении обряда обязательным атрибутом является пучок конской гривы (волос) – «связь между человеком и миром предков, связь с божествами» [Романова, 1994, с. 22-24]. *Три пучка конской гривы зажимают между тремя пальцами* и размахивают *три раза*, таким образом, дается дополнительная информация, что совершается не простое, а сакральное действие:

...*Үс сүүмэх сизли ылан*

Үс ыыраабын быыһыгар айгыраччы кыбытан туран,

Үс төгүл далбаатаан кэбистэ,

Агаар атабынан сөһүргэстээн түстэ.

‘...*три пучка* (конской) *гривы,*

Зажав их между тремя пальцами,

Три раза размахивал

И преклонил колено...’ [АБ, стб. 6044].

Действия обрядового характера обычно идут с тоекратным повторением: *Бу удабан, үөһээ дойду диэки көрөн туран, үс төгүл дүнгүрүн үйүһүччү охсон баран, айыылыы туойан дьалыһытар, үстэ чупчуруйар, өрөөлөөх-өтөбөлөөх үрүн Айыы Тойон үс күннүк сиртэн сөрүү көтөр өргө мабан өтүүтүн сунту уруйдаан дүнгүрүгэр түһэрэн ылар.* ‘*Трижды ударив в бубен, шаманка, распевая песню айыы, трижды чмокает губами, смотрит в сторону верхней страны и, громко взывая, притягивает оттуда в бубен свой волосяную белую верёвку, которой с расстояния трёх дней пути Юрюнг Айыы Тойон опутывает табуны (свои)*’ [КК, стб. 1510, с. 43]. Чмокание губами – шаманский магический приём: втягивая в себя воздух, шаманы якобы доставали предметы с дальнего расстояния или призывали своих духов-помощников [Строптивый..., 1985, с. 591].

В олонхо поклон повторяется неизменно три раза: *үс төгүл тойотторун диэки үгэн сүгүрүгүн баран, маннык сангалаах буола турбут – ‘тогда наш человек, трижды поклонившись тойонам, преклонив колено, сказал*’ [КК, стб. 2470].

Поступки и действия героев также сопровождаются троекратным повторением. Вот как, например, описывается сцена обнаружения Ньургун Боотуром потери сестры Айтиалы Куо, которую похитил богатырь Нижнего мира: *[Ньургун Боотур]... ханас диэки балта сытар оронун тиийэн көрбүтэ... – онно онгойон хаалбыт. Дьэ, үс төгүд дьизни төгүрүччү көттө да, булбата... Онтон үс төгүд хаһытаан дэлби ыстаннабына, аан дойдута атыяхтаах уу курдук хамнаата, дьизтэ-уота бары бытарыйан тохтоохтарыгар дьлы хаһытаата... Онтон орто аан ийэ дойдутугар төгүрүйэ көттө үс төгүд да, туюх да биллибэтэ... [Ньургун Боотур]... посмотрел на левую половину дома, где жила его сестрица,... – зияло пустое место. Трижды обежал он своё жилище, но своей сестрицы он не нашёл... Тогда, трижды разразившись таким громким криком, что его родная страна заколебалась как вода в корытце, жилище и очаг посыпались сверху, Ньургун выскочил во двор, трижды обежал кругом, но ничего ровно не нашёл...* [НБС, стб. 69].

Число *девять*, берущее начало из сакрально-символической тройки (троекратное повторение триады), в языке олонхо обозначает вслед за числом *три* тот же круг явлений, предметов и выполняет почти те же функции, которые отметили выше, а именно: употребляется в описаниях мифологической картины мира. По воззрениям якутов, небо имеет девять ярусов, отсюда постоянным эпитетом неба является число *девять*: *Тобус* добуун халлаан [АБ, стб. 7710], добуун халлаан – ‘обильное вихрями чистое небо’ [ПЕК, стб. 725]; *тобус* дьулуу мабан халлаан – ‘девятиярусное пресветлое небо’ [НБС, с. 314]; *тобус* халлаан – ‘девятое небо’ [КК, стб. 850; ЭС, с. 47]; *тобус* хартыгастаах добун халлаан – ‘девятиярусное обильное вихрями небо’ [ӨБ, с. 136];

Также число *девять* употребляется в описаниях предметов и явлений эпического мира: *тобус* буобаралаах суо таас оһоһ ‘камелек из крупного камня, обшитый девятью обшивками’ [ӨБ, с. 114]; *тобус* харабалаах тобой сэлэ ‘верёвка о девяти колышках с чекушками-застежками для жеребят’ [КК, стб. 1110]; *тобус* тобойдоох суол хаан ‘о девяти излучинах трудная дорога’ [ӨБ, с. 143; АБ, стб. 3010]; *тобус* томторболоох тойон аас сэрэгэ ‘с девятью выпуклыми украшениями господин-сэргэ’ [НБС, стб. 248]; *тобус* салаалаах локуора күөх от ‘зеленая трава о девяти стеблях’ [АБ, стб. 4449; КК, стб. 2341] и т.д.

В якутском фольклоре число *восемь* является постоянным эпитетом мифических объектов: страны, неба, мирового дерева: *Абыс ишилээх-саҕалаах аан ийэ дойду* ‘восьмина начальная-восьмипредельная мать-земля’ [КД, стб. 103; АБ, стб. 4108]; *абыс хартыга стаах араҕас куба маҕан халлаан* ‘восьмиярусное светлое небо’ [ТНЬБ, с. 84]; *абыс салаалаах Аар кудук мас* ‘восьмиветвистое дерево Аар кудук’ [ӨБ, с. 114]; *Абыс салаалаах Арыы наннар хатын* ‘раскидистая восьмиветвистая берёза’ [КК, стб. 8529] и т.д.

Итак, сакральная символика, заложенная в понятии числа на различных этапах развития человечества, является характерной чертой числительных в якутской эпической традиции. Для сравнения обратимся к интересному выводу, сделанному исследователем С.П. Праведниковым, о том, что в русском устном народном творчестве «сакральная основа у фольклорных числительных никак не проявляется и мистический символизм практически отсутствует» [Праведников, 1993, с. 189].

В-пятых, роль числительных в якутском эпосе может раскрыться в системе бинарных оппозиций. Это рассматривается в статье Л.Л. Габышевой «Функции числительных в мифологическом тексте на материале олонхо» [Габышева, 1988, с. 78-92]. Девушка, женщина, удаганка и олицетворяющая прекрасную девушку птица-стерх наделяются эпитетами *абыс* (восемь), а юноша, мужчина, шаман и олицетворяющий юношу журавль – числовым эпитетом *тобус* (девять)*. Таким образом, символические эпитеты *девять* – *восемь* интерпретируются как указание на мужское и женское начало, два значения категории пола.

Также можно отметить противопоставление *соботох* – *икки* ‘единицы и двойки’ как указание на злое (потустороннее) начало и доброе (земное) начало: числительное *соботох* ‘единственный’ выступает в роли эпитета при описании внешности богатыря абаасы:

*Түөһүн тылыттан
Үүнэн тахсыбыт
Суоч соботох илишлээх,...
... Сүүһүн ортотугар
Суоч соботох
Эт бэргэ харахтаах
... Өлөр өлүү абааһы уола*

---

* Примеры употребления были даны в 1.3.3.

*Из середины груди
Выросшую,
Одну-единственную руку имеющий,...
... Посредине лба
Один-единственный
Мясисто-красный, как шрам,
Глаз имеющий...
Парень-абаасы, смерть-погибель
Несущий... [МЭС, стб. 1050].*

И наоборот, *икки* 'два, пара' выступает эпитетом персонажей Средне-го мира. Как было отмечено выше, постоянным эпитетом человека, рода людского является эпитетный двучлен *икки атах* или *икки атахтаах* (букв.: *двуногий*): *Бу тааһы иннинэн сирэйдээх, икки атахтаах киһи көтөбүөх ыйааба-соруга суоба этэ эбээт.* 'Не было предназначения и закона, чтобы смог его поднять ступающий двумя ногами, имеющий лицо спереди' [НБС, стб. 519].

Хозяйка мирового дерева, которую обычно зовут Аан Алахчын Хотун, в олонхо предстает как почтенная старушка с двумя большими грудями: *Икки көбүөр симиир саба эмийдээх айыгы хотун эмээхсин,* 'с грудями, как два кумысных жбана' [ЭС, с. 49]; *Икки таһыар көбүөр саба балым салым эмийдээх,* 'с грудями пышными, как два больших кумысных меха' [КК, стб. 340].

Эпитетом *икки* определяются глаза красавицы-куо: *икки аламай кун киришитин курдук, икки алтан алабар харабыттан...* 'из её светлых очей, подобных двум ласковым солнцам на закате...' [КК, стб. 4530]. Конь богатыря, как обитатель Среднего мира, также может описываться при помощи числительного *два*:

*Икки сизллээх чороон айабы
Кэккэлэтэ туппут курдук.
Икки дарба таныылаах үһү;...
Сойуохут киһи
Туут хайыһарын туруору туппут курдук
Икки чүөрэккэй кулгаахтаах үһү.
`Словно два чорона-сосуда вычурных,
Сдвинутые вместе –*

*Ноздри вздувались его.
Словно пара лыж охотника, обтянутых шкурой,
Поставленные рядом –
Уши вздрагивали его` [АБ, стб. 493].*

Итак, числительные в олонхо бинарно противопоставляются, символически указывая на принадлежность определяемого понятия к той или иной категории. При этом несут дополнительную смысловую или положительную, или отрицательную нагрузку.

В-шестых, по мнению Д.С. Лихачева, С.Ю. Неклюдова, М.П. Селиванова, В.А. Бахтина и др., понятие эпического времени и пространства является семантической единицей фольклорной поэтики, т.е. художественно эстетической категорией, управляющей деятельностью героя.

В.Я. Пропп, Т.В. Цивьян определили, что числа, выполняющие эти функции, обозначают не конкретные математические величины, а символические [Пропп, 1976, с. 96; Цивьян, 1973, с. 13-17]. Мысль о символическом характере эпических чисел при обозначении пространства и времени подтверждают также материалы якутского олонхо.

Числительное является значимым компонентом при описании эпического времени. Но эпическое время крайне неоднородно, например, эпический промежуток времени (*ус тон күүс быстына* – время, которое необходимо для того, чтобы сварилось три горшка мерзлого мяса), включаясь в заранее обусловленные различные формулы, может дать образ вялотекущего или, наоборот, бурно текущего процесса (подробнее будет рассмотрено во второй главе).

Основные события олонхо, определяемые формулами эпического времени, – это рождение, взросление богатыря, путь (поездка) персонажей, схватка с неприятелем, богатырский сон, ысыах по поводу женитьбы или победы над противником, ожидание и т.д. При их описании числовые характеристики включаются каждый раз по-разному. Но самый быстрый, стремительно развивающийся эпизод в сюжете – это взросление богатырей, где день приравнивается году. В олонхо нет ничего случайного. Молниеносное взросление героя, с одной стороны, сближает главные события в олонхо, связанные со взрослым и фантастически сильным богатырем, а с другой – подчеркивает неземное (т.е. нечеловеческое), божественное происхождение эпического богатыря.

Эпическое пространство, как было отмечено выше, является семантической единицей фольклорной поэтики. Эпическое пространство так же, как и эпическое время, является своеобразной неоднородной категорией. При его описании необходимыми и значимыми компонентами определительных сочетаний являются числительные.

Рассмотрим примеры описания эпического пространства: *ус куннук сир* (расстояние, равное трем дням в пути), *тобус куннуктээх сир* (расстояние в девять дней пути), *сэттэ саһаан сир* (расстояние в семь сажень). Пространство и время в эпосе чаще всего – это два взаимодополняющих, взаимообусловленных понятия: «условности расстояний и пространственных перемещений соответствует и условность временных отрезков» [Путилов, 1975, с. 57]. В олонхо существует формула описания эпического расстояния:

*Суор көтөрүм
Үс төгүл кынат устан
Сааран тиийэр сиригэр,
Сүүрэр атахтаабым
Сэттэ төгүл тугуттаан,
Төрөөн-ууһаан тиийэр сиригэр,
Оннук ыраах дойдуга...
Көрсүһэ түспүттэрэ...
Туда, куда ворон птица моя,
Трижды перья сменив-поменяв, долетает,
Четвероногий зверь мой,
Семь раз расплодившись-размножившись,
Добегаает
До такой далекой (страны) дойдя,...
Они встретились... [МЭС, стб. 3418-3428].*

Здесь описание величины эпического расстояния передается через указание на неоднократные сезонные линьки и разведение птенцов, тем самым косвенно подтверждается представление о фантастическом расстоянии.

Как видно из примеров, в этих описаниях чаще всего используются традиционные числительные *ус*, *сэттэ*, *тобус*, что указывает на их сакрально-символическое значение.

* * *

Итак, из произведенного анализа числительных следует:

– класс имен числительных – это один из активно употребляемых языковых средств в эпическом произведении якутов – олонхо, где, по нашим подсчетам, числительные попадают в среднем в 12,8 стихотворных строк. Частота употребительности имени числительного во всем словарном запасе олонхо составляет 3,13%, тогда как в произведениях художественной литературы эта цифра в два, три раза ниже. Частотность числительных в олонхо – довольно стойкое явление, оно стабильно и с течением времени, и с увеличением объема олонхо;

– олонхо избирательно в выборе и использовании числительных в качестве языкового средства. Предпочтение отдается числительным первого десятка, из них наиболее частотными являются числительные *ус* (три), *тобус* (девять), *абыс* (восемь). Значительно уступают им *сэт-тэ* (семь), *икки* (два), *биир*, *соботох* (один, единственный). Преимущественное употребление числительных первого десятка объясняется их принадлежностью к началу ряда натуральных чисел и тем обстоятельством, которое вытекает из поэтики олонхо;

– особенность функционирования числительных в олонхо четко проступает при детальном анализе их связей с другими словами, т.е. при выяснении круга явлений, предметов и т.д., и частотности использования их в олонхо.

Наиболее часто вступает в связь с числительными ЛТГ «Предметный мир» (усадыба, жилище, со всеми деталями, домашняя утварь, оружие, украшения, одежда) – это основной фон, «подручный материал» при создании многообразного красочного эпического мира и при характеристике героев олонхо. Но определения (в т. ч. эпитеты)-числительные – в основном ситуативные, выполняют функцию гиперболизации и украшения.

Природа в олонхо – это не только фон, но и сфера изображения. Эпическая природа – это объект поклонения, восходящего к древним мировоззренческим представлениям. Отсюда неподвижность, статичность ключевых природных объектов, наделение их самой разнообразной эпитетикой, в том числе числовой. В этой сфере наибольшее количество клишированных сочетаний и постоянных эпитетов с использованием числительных.

Природные явления (раскат грома, пурга, буря и т.д.) всегда предвосхищают какие-либо грозные события. На эти существительные интенсивно нанизываются определения-числительные, которые привносят в образ устрашающий элемент.

Животные и растения в эпосе могут быть мифологическими, в их обозначении участвуют сакрально-символические числительные.

Типологическую древность родового эпоса в олонхо подтверждает частотность понятия «люди», при определении которых обязательным компонентом является числительное, выражающее множество.

При обозначении божеств, мифических персонажей употребляются традиционные числительные. Из обитателей Среднего мира наиболее часто числительными характеризуются простые люди, прислуга.

Примыкание – абсолютно доминирующий способ связи в сочетании числительных с определяемым словом. В эпическом тексте могут встретиться сложные определительные конструкции, где числительное управляется глаголом или деепричастием. В таких словосочетаниях способ связи – управление. Изафет и согласование в определительных сочетаниях с числительными не участвуют.

Числительные в эпосе часто теряют свою функцию, т.е. количественный признак предмета. Могут употребляться в качестве прилагательного, обозначая чаще всего сакральный (священный, мифологический) признак предметов и явлений.

В эпосе также встречаются наречия, образованные от числительных с помощью аффиксов *-ун*, *-та*, обозначая признак и обстоятельство действия, чаще всего кратность действия.

Имена числительные входят в художественную систему олонхо и выполняют совокупность следующих функций:

– важнейшую художественно-образительную функцию, участвуя в создании масштабной эпической картины;

– композиционную функцию. Находясь в начале стихотворной строки, они становятся «стихообразующим элементом» и воздействуют на организацию всего стиха в целом;

– качественно гиперболизирующую функцию, участвуя в описаниях гигантского астрономического понятия. Числительное в эпосе не имеет конкретного количественного воплощения.

Также в эпических числительных заложена сакральная символика, которая присуща наиболее архаическим эпосам. Роль числительных может раскрыться в системе бинарных оппозиций, в противопоставлении доброго и злого, мужского и женского начала и т.д.

Глава 2. СЕМАНТИКА ЧИСЕЛ В ЭПОСЕ ОЛОНХО

2.1. Сакральные числа, связанные с ранними представлениями предков якутов и тюрко-монгольских народов

Как было отмечено выше, в эпосе олонхо числительные наделены сакральным значением, а следовательно, содержат в себе определенную зашифрованную информацию, восходящую к древним воззрениям.

Рассмотрим мифологическое пространство, которое делится на мир подземный, земной и небесный.

В исследовательской литературе пишется о широком бытовании трёхчастной структуры Вселенной (в вавилонской космологии, в индийских Ведах, в древнекитайской культуре, в архаичных религиозных верованиях коренных народов Сибири, в представлениях американских ацтеков и т.д.) и самое интересное – о самостоятельном возникновении подобного космологического представления в различных древнейших культурных традициях мира, что показывает единые закономерности развития человеческого познания в целом [Евсюков, 1988, с.114-138]. Вышеизложенная модель космологических представлений отчётливо прослеживается и в развитых религиях. В библейских источниках, например, в книге «Исход» (гл. 20, ст. 4) говорится о «небе вверху, земле внизу и воде ниже земли» [Там же, с. 110]. Мнение о том, что Вселенная состоит из трёх главных частей – неба, земли и преисподней, распространено и в исламе [Там же, с. 117]. В буддизме Вселенная представляется состоящей из трёх расположенных друг над другом миров: нижнего – кама дхату (мир чувств), жителям которого присущи грубые плотские потребности; среднего – рупа дхату (мир форм), обитатели которого не испытывают чувственных влечений, но ещё сохраняют брэнную оболочку, форму; верхнего – арупа дхату (мир отсутствия форм), жители которого не имеют видимого тела, и невозможно сказать что-либо об их внешности [Там же, с.130].

Исследователи отмечают широкое употребление «совершенного числа три» в культурных традициях и фольклоре многих народов [Праведников, 1993, с. 33; Давыдова, 1978, с. 18; Габышева, 1988, с. 85; Сыркин, 1969, с. 77; Новичкова, 1984, с. 145; Жуковская, 1980, с. 208]. Например, в древнекитайской традиции оно открывает числовой ряд, «первое из чисел, порождаемых с помощью осознанной процедуры $(1+2=3)$ » [Топоров, 1980, с. 58].

Истоки популярности этого числа связывают с широко распространённым в далёком прошлом в человеческой культуре принципом троичности (триада), лежащим в основе различного рода ритуалов теогонического и мифологического плана [Сыркин, 1969, с. 77-82]. Объяснение, почему *три* является основной количественной константой, когда речь заходит о главных параметрах макрокосма, и почему это число трактуется как образ некоего абсолютного совершенства, некоторые исследователи находят в свойствах самого числа *три*, «представляющего собой идеальную структуру с выделяемым началом, серединой и концом. Эта структура легко становится точной моделью сущностей, признаваемых идеальными, или же приблизительным образом любого явления, в котором можно выделить указанные три элемента» [Топоров, 1980, с. 22]. Но есть и другое объяснение, согласно которому в древнем первобытном сознании конкретная территория обитания племени воспринималась как реальный мир живых людей, тогда как пространство за её пределами осмыслялось в качестве неведомой и опасной области враждебных сил и духов. По мере усложнения религиозных представлений потусторонние силы все более чётко разграничивались на два класса – на добрых и злых. Первым в качестве места обитания было отведено ясное небо, в удел вторым выпало мрачное подземелье. Земля же осталась за людьми [Евсюков, 1988, с. 143]. О том, что пристрастие якутов к числу *три* связано с тем, что это число «создаёт в их психике род симметрии», писал А.Е. Кулаковский [1979, с. 12].

Итак, в якутском эпосе Вселенная состоит из трёх миров: Верхнего – небес (*Үөһээ дойду*), который, в свою очередь, также многослоен и состоит, по одним источникам, из девяти ярусов, по другим – из трёх небесных стран; Среднего – земли (*Орто дойду*) и Нижнего – преисподней (*Аллараа дойду*). Рассмотрим полное имя эпического героя в олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур»:

*Үөһээ Сибииргэ ааттаммыт аата
Төбөтүнэн оонньуур Чимэчи кугас аттаах,
Аллараа дойдуга ааттаммыт аата
Атабынан оонньуур Айдаар кугас аттаах,
Орто дойдуга ааттаммыт аата
Кутуругунан оонньуур Куйаар кугас аттаах
Куруубай хааннаах Кулун Куллустиуур диэн...*

*‘Строптивный Кулун Куллустиуур, владеющий конём,
В Верхней Сибири названным Огненный Рыжий конь,
Который, резвясь, мотает головой,
В Нижнем мире названным Буйный Рыжий конь,
Который, резвясь, перебирает ногами,
В Среднем же мире названным Вихревой Рыжий конь,
Который, резвясь, помахивает хвостом’ [КК, стб. 10].*

В данном случае эпический богатырь раскрывается через своего богатырского коня. А развёрнутое описание богатырского коня заменено здесь указанием на то, что он известен во всех трёх мирах, т.е. во всей Вселенной.

По мифологическим воззрениям якутов, небо имеет несколько ярусов (чаще всего девять). Отсюда в олонхо встречаются сложные эпитеты неба, состоящие из определения и числительного, которые образуют эпитетный двучлен: *үс хартыгастаах* ‘трехъярусное’, *абыс хартыгастаах* ‘восьмиярусное’, *тобус хартыгастаах* ‘девятиярусное’.

Подобное девятиярусное небо отмечается в монгольской мифологии: «девять небес шаманской космологии, группы из девяти божеств или духов в шаманском пантеоне бурят и монголов» [Жуковская, 1992, с. 9].

Число девять присутствует во многих архаических мифологиях и мировоззренческих структурах Востока и Запада, Севера и Юга, Европы и Азии. Отмечается также, что оно играло существеннейшую роль в религиях античного круга, в ряде шаманских традиций и т.д. [Топоров, 1980, с. 29]. Исследователи считают, что популярность числа *девять* особенно велика у тех народов, которые пользовались месячным календарём и считали, что промежуток времени между двумя одинаковыми фазами Луны равен 27 дням, следовательно, третья часть месяца равна девяти дням [Бородин, 1972, с. 69]. По другим источникам,

популярность «девятки» вытекает из популярности «тройки». Это трехкратное повторение триады. Как считает Н.Л. Жуковская, причина «имиджа» *девятки*, «символа полноты и завершённости», которая сакрализована на всем Дальнем Востоке (более всего в культуре китайцев и вьетнамцев), кроется не столько в мифологии, сколько в математической природе этого числа. «Число девять в десятичных системах счета самое полное и наибольшее число первого числового ряда. В культуре это породило устойчивые мифологемы и образы, выступающие как опорные столпы – классификаторы, помогающие человеку, живущему в мире с нерасчлененным на мифологическое и реальное сознанием, осваивать этот мир» [Жуковская, 1992, с. 10].

Представляет немалый интерес как космологический объект эпическая страна Аан дойду, которая имеет постоянный эпитет – *Абыс шилээх-сабалаах*. К этому широко распространенному выражению обращались в своих работах многие авторы: И.А. Худяков интерпретировал его, как «восьмигранная, важная, бугристая гладкая мать вселенная» [Худяков, 1890, с. 132]. В.Л. Серошевский переводил как «восьмиугольногранный мир» [Серошевский, 1993, с. 187]. А.Е. Кулаковский не согласился с мнением предыдущих авторов и отметил, что «...признаки земли “ии” и “саба” прилагаются к ней просто для выражения её гористости и разнообразия характера поверхности по окраинам, а не для обозначения её восьмигранности» и понимал её так: «со многими окраинами мать-земля» [Кулаковский, 1979, с. 11]. У Г.У. Эргиса это выражение *абыс шилээх-сабалаах* переводится как «восьмиободная, восьмикрайняя» и изображает разнообразие земной поверхности вообще, причём *абыс* – это «украшающий эпитет,... назван по аллитерации с *аан ийэ дойду*» [Оросин, 1947, с. 390]. В отличие от тех вариантов, где числительное *восемь* заменялось словом «много», в олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур» выражение переводится как «восьмиободная-восьмиокрайняя мать-земля». Так, перевод Г.У. Эргиса, И.В. Пухова сохраняет числительное и учитывает обе части фразы [Строптивный..., 1985, с. 587]. Но есть и другое объяснение этому выражению. Пролил свет на эту проблему В.М. Ионов, который придерживался того мнения, что якуты различают, кроме основных четырёх, и промежуточные направления [Ионов, 1918, с. 159]. Е.С. Сидоров довёл данное предположение до

логического конца, объяснив следующим образом: «ии», означая черту, окружности, передаёт понятие *предела*, а производное от слова «саҕа» – «саҕалааһын» означает `начинать, начинание`, т.е. «саҕа» означает и начало. Следовательно, «иилээх-саҕалаах» в данном контексте означает «имеющая начало и предел». Что касается количества (этих пределов – восемь), то оно, оказывается, связано с мифологией древней Азии. Деление мира на несколько отдельных частей или сторон было широко распространено в древнем мире. В частности, представление о восьмистороннем мире распространено в монгольском эпосе, где говорится о «всех четырёх сторонах» и о «всех восьми направлениях мира». По утверждению учёного, это понятие могло быть перенято и сохранено в эпической традиции предков современных якутов и дойти до нас в форме «восьминачальный, восьмипредельный мир» [Сидоров, 1970, с. 114-116; 1978, с. 163-164]:

Абыс илээх-саҕалаах

Аан ийэ дойдуга

`восьминачальная-восьмипредельная мать-земля`

Итак, мы видим пример того, как константа, исходящая из древнейших географических познаний далёких предков, служит постоянным эпитетом, выполняя уже художественно-эстетическую функцию.

В якутском фольклоре число *восемь* также является постоянным эпитетом мифических объектов: неба, мирового дерева: *абыс хартыгастаах Араҕас куба маҕан халлаан* `восьмиярусное светлое небо` (досл.: имеющее восемь слоев, золотистое белое, как лебедь, небо) [ТНБ, с. 84]; *абыс салаалаах Аар кудук мас* `восьмиветвистое дерево Аар кудук` (досл.: имеющее восемь ветвей, почтенное, священное дерево) [ӨБ, с. 114]. Ср. *МТН худух`благословение; святой, священный`* [БТСЯЯ, т. IV, с. 431]; *абыс салаалаах Арыы наннар хатын* `раскидистая восьмиветвистая берёза` (досл.: имеющая восемь ветвей, отдельно (островком) растущая, раскидистая берёза) [КК, стб. 8529].

Д.С. Макаров считает, что число *восемь* (восемь граней, восемь углов, восемь лучей, восемь ножек) отражалось в хозяйственных постройках, предметах быта, предметах орнаментики якутов, которые «считали необходимым жить в соответствии с вертикальными и горизонтальными пространственными направлениями Мира» [Макаров, 1983, с. 24].

И действительно, в эпосе олонхо число *восемь* является эпитетом многих эпических объектов.

Рассмотрим мифологические растения в текстах олонхо. Это те растения, которые являются своеобразным «мифологическим способом коммуникации» (термин А.И. Гоголева [1996, с. 13]) с теми или иными эпическими сферами. Во-первых, это Мировое дерево – *Аар Кудук Мас* (фонетические варианты: *Аал Кудук Мас*, *Аал Луук Мас*, *Аал Дууб Мас*) – священное дерево, растущее в Среднем мире, где живёт дух-хозяйка земли. В определении этого дерева имеется числовая характеристика:

Аан ийэ дойдугарын

Хаба ортотугар

Абыс салаалаах

Аар Кудук мас үүммүт эбит.

На самой середине

Изначальной матушки-земли

Растет, красуется, оказывается,

Восьмиветвистое священное дерево

Аар Кудук Мас` [НБС, стб. 161].

Абыс салаалаах `восьмиветвистое` – это постоянный эпитет священного дерева, встречающийся во всех текстах олонхо.

Л.Л. Габышева отмечает, что числовую константу Вселенной воспроизводит любой центральный элемент, мировое дерево, например, у которого всегда отмечены по вертикали верхушка, ствол и корни, горизонтальным направлениям соответствуют восемь веток [Габышева, 1988, с. 81]. Такого же мнения придерживается А.И. Гоголев: «Через Мировое дерево проходит центр горизонтальной модели земли. Оно стоит как бы в центре четырёх главных и четырёх промежуточных направлений света. ... В традиционной модели мира якутов определённое место отводилось направлениям частей света» [Гоголев, 1994, с. 75]. Исходя из этого, можно утверждать, что эпитет «восьмиветвистый» в определении Мирового дерева также, как и рассмотренный выше эпитет «восьминачальный и восьмипредельный» в определении страны (Среднего мира), указывает на основные и промежуточные направления света. В полном описании этого дерева говорится и о его семи корнях, которые, извиваясь, проникли глубоко под землю, на дно океана, где обитает дух Вселенной:

Сэтгэ силихэ буоллабына –
Сэтгэ биттэхтээх,
Улуу байабал олохтоох,
Сытыары хайа сындыыстаах,
Туруору хайа тулааһыннаах,
Кыһыл кумах кырыстаах,
Хара буор ханнахтаах,
Күөх от үрүттээх
Аан дойду иччитигэр
Хара түүлээҕи айааччыга
Баран-баран баһын ситтэрбэт
Манхалыын тойонго,
Кэлэн-кэлэн мунурун булларбат
Куйаар хотунга

Сэтгэ дьэс тутаахтаах
Сирэм баҕарах төрдүгэр,
Сэтгэ дьэс сэргэ курдук,
Тангары кэдэйэн киирбитэ
Буолуо диэммит холуйабыт...

Что касается семи корней его,
то к духу Вселенной,

Что с семью скрепами,

С океаном в основании

С ровнями из лежащих гор,

Со столбами из стоячих гор,

С потолком из красного песка,

С крышей из чёрной земли

С кровлей из зелёной травы –

К рогатого скота создателю,

Идя-идя – головы его не достигнешь

Манхалын-тойону,

И идя-идя – конца её не найдешь.

Куйаар хотун,

Семидержавному началу растительности,

К ним, думаем мы,

*Извиваясь, снизили эти корни,
Подобные семи красной меди
Столбам коновязи` [ОБ, с. 115].*

Итак, *сэттэ* ‘семь’ предстаёт как числовая константа, с её помощью описывается Дух Вселенной, находящийся глубоко под землей. Для сравнения можно привести такой факт: число *семь* имеет мистическое, сакральное значение при описании Нижнего мира в монгольском языке: *семь стран Преисподней, семь адов, семь «языков» испепеляющего огня (пламени)* и т.д. [Сравнительная историческая грамматика..., 1997, с. 585; Пюрбеев, 1993, с. 67].

Интересно отметить, что в алтайском эпосе «Маадай-Кара» роль мирового дерева, которое соединяет все три мира, отводится «девятигранной серебряной коновязи». Верхняя часть коновязи доходит до мира верхних божеств и служит коновязью верховному божеству Юч-Курбустану, нижняя часть ее спускается до страны подземного божества Айбыстана и служит ему коновязью. Коновязью богатыря Маадай-Кара является лишь средняя часть этого чудесного сооружения [Пухов, 1973, с. 48].

Наряду со священным деревом *Аар Кудук мас*, где живёт Дух-хозяйка земли, в олонхо встречаются менее габаритные по размеру мифические деревья. Интересно отметить, что при их описании в качестве эпитетов подбираются уже нечетные числительные: например, священное дерево, находящееся в том месте, через которое выходят из Нижнего мира, спускаются из Верхнего мира, проскакивают и насквозь проходят шаманы Среднего мира, имеет *девять* ветвей:

*Тобус ураанньыктаах
Тумул төбөтүн оройуттан
Тобус салаалаах тимир дуук мас
Өрөөүнэн лангынаан тахсыбыт...
`Взметнулись вверх от самой вершины
Холма с девятью полосками
Железное Дуб-Дерево
С девятью ветвями` [КК, стб. 9449].*

Как видно из примеров, шаманское дерево характеризуется эпитетом *с девятью ветвями*. Жертвенное Кэрэх-дерево, на которое подвешена голова бурого медведя с белой полоской на морде, имеет пять ветвей –

биэс салаалаах тимир кэрэх мас ‘железное жертвенное дерево с пятью ветвями’ [КК, стб. 9524].

Следующим растением, представляющим интерес, является мифическая трава о девяти стеблях. В якутском эпосе рождение богатыря Айыы может происходить на мифической траве о девяти стеблях – *тобус салаалаах локуора* – *күөх от* (досл.: имеющая девять стеблей зеленая трава *локуора*), *локуора* – высокая луговая ядовитая трава, используемая в народной медицине [БТСЯЯ, т. VI, с. 116]. Таким образом, сакральная *девятка* указывает на то, что в Средний мир пришел не просто человек, а посланный верховным божеством сверхчеловек со сверхзадачей установления мира на земле. Как видно из примеров, мифические растения, т.е. значимые растения, которые в большей или меньшей мере соучаствуют в развёртывании эпического сюжета, имеют сакральный числовой эпитет.

2.1.1. Ритуальные предметы и объекты

Согласно древним мифологическим воззрениям, конь считается небесным, божественным животным. В легенде, записанной В.Л. Серошевским в Баягантайском улусе (1886 г.), говорится: «Сначала бог сотворил коня, от него произошел полуконь-получеловек, а уже от последнего родился человек...» [Серошевский, 1993, с. 253]. Н.В. Емельянов считает, что древнейший миф о коне-первопредке якутов сохранился в долганском олонхо*, а в эпическом творчестве якутов подвергся трансформации по схеме: лошадь – первопредок людей, лошадь – покровитель и устроитель жизни людей, женщины верхних айыы в образе лошади [Емельянов, 1993, с. 3-9].

Конь в олонхо уподобляется божеству – *түөрт атахтаах түргэн айыы* ‘быстрейшее четвероногое божество’.

*Орто аан ийэ дойдубун
Айар күннэригэр...*

---

* Считается, что долганское олонхо, оторвавшись в давние времена от якутской праосновы и оказавшись в чужезычном окружении, как бы законсервировалось и сохранило древние черты [Ефремов, 1984, с. 79].

...Түөрт атабынан төгүллээн-чүөмчүлээн хаамар
Түөрт атахтаабынан
Төгүллээн үөскэппиттэр эбит.

В дни сотворения
Средней Изначальной матери-Земли...
Чтобы по ней четырьмя ногами ступающие
Частый след оставляли, – четвероногих,
Умножая, расплодили, оказывается` [МЭС, стб. 120].

Рассмотрим отдельно сочетание *түөрт атахтаах* `четырёхногий, букв.: *имеющий четыре ноги*`. Ясно, что это эпитет, состоящий из двух компонентов и указывающий на характерный признак животного. Но, с другой стороны, это сочетание воплощает в себе и символ Среднего мира (земли). В подтверждение приведем следующий пример: в эпической традиции *изначальная мать-земля* уподоблялась могучему жеребцу в расцвете сил: *Айгыр силик Аан ийэ дойду*, где *Айгыр* в переводе с древнетюркского – ‘жеребец’ [Сидоров, 1978, с. 164]. При описании срединного мира употребляются образы дерущихся жеребцов и быков, которым уподобляются горы и мысы, леса. Таким образом, культ коня непосредственно участвует в создании образа мира у древних якутских певцов и сказителей [Там же, с.165].

А.И. Гоголев приводит сходный с якутским индоиранский обряд «жертвоприношения коня», связанный с культом солнца. Так, в «Ригведе» описывается специальный «конский столб», к которому привязывают коня, приносимого в жертву богу Солнца. При этом столб функционально отождествляется с мировым деревом. Части конской жертвы ассоциировались с элементами космоса: передняя часть – с востоком, задняя – с западом, четыре ноги – с четырьмя углами света и т.д. [Гоголев, 1996, с. 16]. Таким образом, эпитет *түөрт атахтаах* не только является вторичной номинацией эпического коня, но и ассоциируется с образом мира.

Известно, что культивирование коня способствовало формированию у якутов различных обрядов, обычаев, традиций, связанных с сакральной (священной) значимостью. Все они сопровождалось применением целого ряда ритуальных атрибутов, наделенных магическими признаками. Наша задача – выявить, участвуют ли числительные в их описании.

Рассмотрев вещи, которые могли быть задействованы при совершении какого-либо ритуала, обряда, так называемые ритуальные или культовые предметы, объекты, мы пришли к выводу, что действительно культовые предметы наделяются сложными эпитетами, в состав которых входят сакральные числа: *үс (три)*, *сэттэ (семь)*, *тобус (девять)*. Например, при совершении возлияния в честь божеств произносится благословенный алгыс, который сопровождается кроплением кумыса жертвенной ложкой. При этом ритуальная ложка имеет три отверстия и украшена пучками конской гривы; количество пучков *три* или *семь*:

Онуоха эмээхсин

Тус хоту диэки,

бухатыыр айаннаан барбыт суолун диэки

көрөн туран

Сэттэ сизллээх эбир хамыйабынан

Кэнниттэн ыһан унаарыта-унаарыта,

Алгыс алгыы,

Тыл этэ турар үһү.

`Старуха встала

Лицом прямо на север,

туда, куда направился богатырь Ньургун,

и, кропя кумысом жертвенной ложкой

С семью привесками из белой конской гривы.

Стала произносить благословенный алгыс`

[НБС, стб. 282].

Достопочтенному гостю преподносят кумыс, заправленный маслом, – «носитель жизненной силы, дарованной божествами» [Романова, 1994, с. 104]. Кумыс подают в чороне, украшенном тремя пучками конских волос:

Үс бухатыыр уолаттар

Үс сизллээх чороонго

Быһаҕаһа арыылаах кымыһы айах туттулар,

Үс төгүл сүгүрүйэн баран...

`Три парня богатыря (служителя),

Трижды поклонившись,

Поднесли в чороне, украшенном

Тремя пучками из конских волос.

Кумыс, сдобренный наполовину маслом` [ӨБ, с. 137].

Среди прочей домашней утвари у Эрэйдээх Буруйдаах Эр Соҕотоха имеется большой кожаный сосуд, сшитый из шкур семи быков: *сэттэ обус тириититтэн тигиллибит сири иһиттээх* [ЭС, с. 47].

Выделим из этих примеров ритуальные предметы – это жертвенная ложка с семью подвесками из белой конской гривы, чорон с тремя пучками из конских волос, сосуд, сшитый из шкур семи быков. В этой связи приведем положение А.К. Байбурина, которое дается в интерпретации Е.Н. Романовой. Оказывается, материалы, из которых якуты изготавливали ритуальные предметы, – **дерево (береза), конский волос, шерсть, бычья шкура** – обладали особым статусом: считалось, что именно они служили исходным сырьём при сотворении мира и самого человека [Романова, 1994, с. 22]. По поводу белого конского волоса исследователь Е.Н. Романова пишет, что он символизирует «связь между человеком и миром предков, связь с божествами» [Романова, 1994, с. 24]. Из приведенных нами примеров видно, что в олонхо эти предметы, являющиеся «исходным сырьём при сотворении мира и человека», имеют числовую характеристику. Отсюда можно утверждать, что числовые эпитеты, в данном случае *ус (три)*, *сэттэ (семь)*, являются кодовыми, обозначая священный божественный признак.

Проследим, что говорят специалисты по поводу появления числа *семь* во многих культурах. Об особой мировоззренческой роли числа свидетельствуют многочисленные факты. Это число было сакральным в шумерских мифах: судьбы Вселенной решают семь старших богов и богинь, перед подземным царством расположены семь ворот, судьбами умерших в подземном царстве распоряжаются семь судей, всемирный потоп длится семь дней и т.д. Магическая роль отводится числу семь у народов Америки, Африки, Новой Зеландии и т.д. Б.А. Фролов приводит обширный этнографический материал о представлении числа *семь* у народов Сибири и Дальнего Востока. По его мнению, у этих народов были свои предпосылки возникновения и сакрализации этого числа. Археологические данные показывают, что эти предпосылки возникли ещё в каменном веке [Фролов, 1968; 1974].

Есть мнение, согласно которому постоянство расположения семи цветов радуги явилось основой древних представлений о магическом характере числа *семь* [Иоселева, 1965, с. 241]. По мнению В.Н. Топорова,

число *семь* как семантически отмеченная числовая совокупность «возникает из суммы... двух основных параметров» – устойчивого, чётного «четыре» и динамического и нечётного «три» [Топоров, 1980, с. 26-28].

Новичкова считает, что магический характер числа *семь* возник как отражение существования семи видимых светил (пять планет, Солнце и Луна) [Новичкова, 1984, с. 150]. Но есть и другое мнение. Согласно экспериментальным исследованиям, констатируется, что способность непосредственного восприятия количества имеет одно существенное ограничение – восприятие возможно лишь в тех случаях, когда соответствующие множества состоят не более чем из 7-9 предметов. Это обусловлено ёмкостью каналов, по которым соответствующие раздражители поступают через органы чувств человека. Таким образом, человек без подсчёта способен правильно определять различие в количестве, если их будет семь с возможными отклонениями в ту или иную сторону на два, т.е. в пределах 7 ± 2 [Панфилов, 1977, с. 166; см. также: Миллер, 1964, с. 192-225]. На основании этого В.З. Панфилов допускает, что большое место, которое занимает число *семь* в представлениях многих народов, в особенности первобытных людей, связано с этим явлением [Панфилов, 1977, с. 167].

Вернёмся к теме нашего исследования. Следующим культовым объектом, при описании которого в олонхо используются числительные, является коновязный столб *сэргэ*. Выше мы отмечали, что коновязь (*сэргэ*) функционально отождествляется с Мировым деревом (Гоголев, 1996, с. 16). При помощи числительных описание *сэргэ* может происходить по-разному:

1. Указывается количество резных украшений (рисунок), которых должно быть или три, или девять: *үс томторболоох тойон сэргэ* ‘с тремя выпуклыми резными украшениями господин сэргэ’, *тобус томторболоох тойон сэргэ* ‘с девятью выпуклыми резными украшениями господин сэргэ’, *үс сиринэн мойнохтоох тойон сэргэ* ‘о трех перекрестах тойон сэргэ’. В этой связи интересны материалы, приведенные В.Ф. Яковлевым в работе, посвященной коновязным столбам-*сэргэ*, где дается описание необычного *тобус томторбонноох тойон сэргэ*, датированное XVIII веком, который имел профилированную с девятью бугорками шейку. *Сэргэ* описал художник М.М. Носов. Подобный коновязный

столб высотой три метра был найден в местности Дьикимдэ Ленинского района [Яковлев, 1992, с. 17]. Как отмечается в архивном источнике, якуты в XVIII веке во дворах знатных людей, ведущих род с глубокой древности и пользующихся всеобщим уважением, ставили массивные столбы сэргэ: *муостаах-бастаах, харахтаах-кулгаахтаах, тобус иэмэрдээх удуу баарабай тойон-сэргэ* `с рогатой головой с глазами, ушами, с девятью высоко выточенными обводками, великий старец господин-сэргэ`. Значение этого сэргэ состояло в увековечении в памяти потомков имени и величия их предков [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 9. Ед. хр. 10]. Таким образом, можно предположить, что при помощи вышеназванного способа описания эпического сэргэ *тобус томторболоох* дается дополнительная информация о том, что хозяин усадьбы знатен и велик.

Для сравнения: в хакасском эпосе «Ай-Хуучин» есть интересное описание коновязи *азыр чечпедэ `раздвоенная коновязь`* [АХ, стб. 1181], где постоянный эпитет коновязи *азыр `раздвоенный`* указывает на то, что коновязь у хакасов представляет собой специально выточенный орнаментированный деревянный столб, нижняя часть которого глубоко вкопана в землю. Верхняя часть обычно разделена на две части для удобства привязывания коней (см.: коммент. 1181 [Хакасский..., 1997, с. 437].

2. Числительное может участвовать в развернутом описании, где сэргэ уподобляется человеку. В данном случае числительное указывает на количество сэргэ, которых, как правило, три или девять*. Рассмотрим примеры:

Буруо саҕа, бөрө сангыйахтаах

Тобус тойон киһи.

Лонкуначчы кэпсэтэ туралларын курдук,

Тойон сэргэлэрдээх.

Господины сэргэ,

Похожие на девять громко разговаривающих

Почетных мужчин,

В громадных, как дым, волчьих дохах` [ӨБ, с. 114].

---

* Сэһэн Боло указывает, что на национальных праздниках якутов ысыахах ставили нечётное количество, а именно, 3-5-7 коновязей-сэргэ, украшенных пучками конских волос [Боло, 1994, с. 175].

Исследователь В.Ф. Яковлев отмечает, что установление нечётного количества сэргэ, вероятно, связано с тем, что все нечётные числа имели прямое отношение к небу. Из них особенно почиталось число три (Яковлев, 1992, с. 16).

Рассмотрим пример описания сэргэ в олонхо «Ала Булкун»:

*Сордоох дьайдаах киһи долуой суоһугар учугаһаабатах,
Айыылаах-буруйдаах киһи адьаһын аттыгар барбатах,
Үтүө киһи үөмэн охтон тиийэн кэлэн түһэн кэбиһэр
Үс үрүң көмүс өрүүлээх өксөкүлээх,
Моойторуктаах мохсоһоллоох,
Кириэстээх кирбинньиктээх,
Үс уолантай маҕан дьаралык тойон дьохсоот
Үс сэли көмүс сэргэлээх.*

*‘Гордо красовались]
Точно трое юношей.
Обвитые змеевиками,
Подобные трем серебряным свечам
Три серебряных коновязи с орлами,
С соколами и выпуклыми буграми,
К которым никогда не приближался человек
с преступной судьбой,
К которым еще не прикасалась рука
омраченного грехами’ [АБ, стб. 408].*

Перед нами предстает образ весьма почитаемого священного объекта. И, действительно, как отмечают исследователи, с распространением культа коня среди кочевых и полукочевых народов коновязь сэргэ стала священной [Яковлев, 1992, с. 6], а по мнению Е.Н. Романовой, ритуальное сооружение сэргэ является связующим звеном между Небом и Землей [Романова, 1994, с. 104, 127].

Итак, ритуальные предметы, культовые объекты поклонения древнего якута отразились в эпосе. При их описании используются словосочетания, где эпитетом выступают числа үс (*три*), сэттэ (*семь*), тобус (*девять*). Причём числительные являются кодовыми знаками, указывающими на священный божественный признак.

2.1.2. Ритуальные предметы и объекты

Рассмотрим другие (не ритуальные) предметы эпического мира. Нужно отметить, что при их описании олонхо традиционно выбирает те же сакральные числительные, например: *үс күөгэйэр дьэллик кулүүс `три плавно вертящихся веселых бродячих замка`*. Это – мифологический образ, встречающийся во многих олонхо. Иногда данный образ является эпитетом неба: *үс күөгэйэр дьэллик кулүүстээх халлаан `с тремя плавно вертящимися замками-ключами небо`* [см: ПЕК, стб. 1295]:

*Дьулусханнаах дьулуо маҕан халлаан
Дьураатыттан тутуллубута биллибэт,
Үс күөгэйэр күлүм күлүүһүттэн
Үктэллэнэн үөскээбитэ көстүбэт...
Аан ийэ дойду...*

*Изначальная Мать-Земля,
Прикреплена ли она к полосе
Стремительно гладких белых небес –
Это неведомо нам,
Иль на плавно вертящихся в высоте
Трёх небесных ключах
Держится нерушимо она –
Это не видно нам` [ПАО А IV, с. 10].*

В комментариях к олонхо «Кыыс Дэбийийэ» указывается, что эпитет *күлэр Дьэллик* (веселый бродячий) характеризует свободную подвижность навесного замка. *Күлүүс* `замок` (от русского *ключ*) вошел в быт якутов с приходом русских, ранее у якутов были неподвижные запоры (см.: коммент. 2155-2156 [КД, с. 304]). Отсюда можно предположить, что выражение *үс күөгэйэр күлүм күлүүстээх* – развернутый эпитет, означающий что-то диковинное, из ряда вон выходящее, чудесное.

Числительное *үс* в составе этого развернутого эпитета усиливает эмоциональное восприятие образа, указывает на мифическую природу определяемого объекта.

К сказанному выше добавим одно интересное наблюдение. Как известно, в якутском эпосе художественное освоение, своего рода «понимание» связывается с созерцанием глазами [Бурцев, 1999, с. 7]. По всей

вероятности, это созерцательное начало породило свои «закономерности» в освоении окружающего мира посредством числовых комплексов, которые неукоснительно соблюдаются, в частности, в эпических описаниях. Суть заключается в том, что олонхосут при описании предмета, объекта, устремляя свой взор по вертикальной оси (сверху вниз или снизу вверх), использует в качестве эпитетов нечётные числа *три* и *девять*: *үс курдуулаах үрүг көмүс балабан* ‘серебряная юрта с тремя ободами’ [АБ, стб. 7386]; *тобус буобаралаах суо таас оһох* ‘с девятью обшивками камелек из крупного камня’ [ӨБ, с. 114]; *тобус томторболоох тойон аас сэргэ* ‘господин сэргэ с девятью выпуклыми рисунками’ [НБС, стб. 248] и т.д. Когда же он описывает предметы и объекты, устремляя взор по горизонтальной плоскости вокруг описываемого предмета, то употребляет чётные числа. Например, чётное число *восемь* выступает эпитетом, указывая количество граней или углов: *абыс муннуктаах айдаан мабан остуол* ‘восьмиугольный белый стол’ [КК, стб. 5868]; *абыс муннуктаах тимир бабаарына ампаар* ‘восьмиугольная поварня-сруб’ [КК, стб. 3158]; *абыс кырыылаах тимир остуолба* ‘восьмигранный железный столб’ [ТНЬБ, с. 96]. Столб у Дьылҕа Тойона, на гранях которого записываются имена богатырей-титанов, судьбоносных для племени ураанхай, имеет восемь конечностей, четыре грани – *абыс уһуктаах түөрт кырыылаах чэнкир таас остуолба* [НБС, стб. 19] и т.д.

Такой принцип освоения окружающего мира наблюдался не только в олонхо, но и весьма активно воплощался в повседневной жизни, в частности, в жилищных и хозяйственных постройках наших предков: *алта кырыылаах ампаар* ‘шестигранный амбар’, *абыс муннуктаах титишк* ‘восьмиугольный хлев’ или *үс мастаах уут күрүө* ‘изгородь, столбы которой имеют три отверстия’ [Ионова, 1952, с. 282-290]. Интересно отметить типы жилищ, распространённых у народов Южной Сибири и Средней Азии: *найман ханатай гэр* ‘восьмистенная юрта’ – у бурят, *алты пулунньыг иб* ‘шестиугольная юрта’ – у хакасов [Зыков, 1986, с. 47]. В описаниях М.М. Носова упоминается о *восьмигранных* столбах урасы, увенчанных *четырьмя* стреловидными рожками [Носов, 1954, с. 9].

Ф.М. Зыков считает, что названия описательного характера по количеству углов или граней – это собственные старинные названия многоугольных построек якутов [Зыков, 1986, с. 47]. И.А. Худяков упоминает

о существовании детской игры «Юлка» (Өртөгөй), где вертят *восьмигранным* волчком [Худяков, 1969, с. 154]. Древний стол-сандалы – это «восьмиугольный стол без ножек, из досок или бересты» [ПЕК, стб. 2076]. Принцип нечётности нашел своё воплощение в коновязях, где по вертикали три, в редких случаях – девять «выпуклостей» – *үс (тобус) томторболоох сэргэ*, в изгородях, где столбы имеют выдолбленные друг над другом три отверстия – *үс үүттээх бүтэй*, в урасах, которые имеют три опояски – *үс курдуулаах ураһа*, в форме и орнаментах якутской посуды [Габышева, 1991, с. 115-119] и т.д.

Кстати, эта закономерность не нарушается при характеристике очень энергичного человека, о котором говорят: *киһи гизэнэ үс уһуктааба, түөрт (абыс) кырылааба* – человек трехострый, четырехгранный (восьмигранный), «добрый молодец; удалец; бравый» [Нелунов, 1998, с. 223].

Итак, приведённые выше примеры дают основание утверждать, что горизонтальное описание имеет признак чётности, вертикальное – признак нечётности. Истоки этого явления, видимо, восходят к древней числовой символике, широко распространенной у народов Дальнего Востока и Азии [Сыркин, Топоров, 1968, с. 109-119; Иванов, 1987, с. 179-184 и т.д.], и кроются в традиционном мировоззрении о строении мира.

Справедливости ради приведем пример из алтайского эпоса «Маадай-Кара», где описания священной коновязи *тогус кырлу* `имеющая девять граней` и юрты героя *тогсон кырлу* `имеющая девяносто граней` нарушают наше утверждение:

У входа в девяностогранную каменную юрту

Девятигранная серебряная коновязь стоит [МК, стб. 156].

Но это скорее исключение, чем правило. В других эпосах подобные описания нами не обнаружены.

Сакральная тройка присутствует в выражении *үс хара (бараа) кулуктээх* ‘три темные тени бросающий’. Выражение является постоянным эпитетом и встречается во всех рассматриваемых текстах олонхо. Произносится, когда кто-нибудь обращается с мольбой (просьбой) к уважаемому человеку, например, к богатырю, обладающему более мощной, превосходящей силой, и т.д. Так, в олонхо «Кыыс Дэбиллийэ» Чугдаан бухатыыр при постигшем его несчастье обращается за помощью к эпической героине – к богатырке Кыыс Дэбиллийэ со словами:

Үс хара (бараа) күлүккэр

Үнгэ-сүктэ, сүгүрүйэ олорбун

К трём тёмным теням твоим

с мольбой на коленях я обращаюсь` [КД, стб. 2545].

Семь женщин-айыы, пребывающих в заточении у богатыря Нижнего мира Уот Урбалдьын, просят помощи у Модун Эр Соџотох со словами:

Көрдөһүү бөѳө күттүөннээх,

Ааттаһыы бөѳө ахсааннаах,

Үс күдэн хара күлүккэр сүгүрүйэбит,

Тоноѳостоох бэйэбэр тонхойобут.

Ведь просьбой зря не тревожат,

Мольбой часто не докучают,

трём тёмным теням твоим кланяемся,

перед тобой, позвонки имеющим, склоняемся`

[МЭС, стб. 3011].

Впервые объяснение *үс хара (бараа) күлүк* было дано В.Л. Серошевским. Тень считается чем-то особым, существенной и неотъемлемой частью предмета. «У человека есть три тени; потерять две первые можно, хотя такой человек будет всегда неловок, болезнен и вял; потерять же все три – значит погибнуть» [Серошевский, 1993, с. 642]. Серошевский связывал это с традиционным представлением якутов о трёх душах* человека: *ийэ кут* (мать-душа), *салгын кут* (воздух-душа), *буор кут* (земля-душа) [Там же, с. 643]. Только при соединении всех трёх элементов становилась возможной жизнь человека. Значение слова *бараа* Э.К. Пеккарский выводит от русского слова *пара* `подходящий; под пару` [ПЕК, стб. 369].

Интересно сравнить это с эвенкийским представлением о душе. Согласно эвенкийской мифологии, человек имеет три души. И одна из них – Ханянь, т.е. *душа-тень*, находится внутри человека или поблизости от тела [Анисимов, 1958, с. 57-58].

---

* В традиционных представлениях якутов душа как основная жизненная сила человека, совокупность его физической и психической сущности состоит из трёх элементов [об этом подробнее см.: Трошанский, 1902, раздел I; Кулаковский, 1923, с. 62-64; Сидоров, 1994, с. 106-118].

По представлению якутов, абаасы – злые духи, обитающие в Подземном (Нижнем) мире, не имеют теней [Строптивый..., 1985, с. 588]. И как мы знаем, в сказительской традиции всегда есть противопоставление обитателей Среднего и Нижнего миров. Поэтому изречение *үс хара (бараа) кулук* может быть адресовано и людям, и духам-божествам, обитающим в Среднем мире. Так, небесная шаманка Күн Толомон Ньургустай, прилетев на Землю, чтобы выполнить своё предназначение – стать «прародительницей людей, родоначальницей якутов», обращается к духу-хозяйке Земли Аан Мичик Хотун (т.е. Аан Алахчын Хотун) и духу-покровителю шаманок Бэдэрдээх Бэбиэрэ Хотун с просьбой быть благосклонными к ней. При этом она произносит:

*Сүһүөхтээх бэйэм сүгүрүйэбин,
Хоолдуктаах бэйэм хонкуйабын,
Үс хара кулуккутүгэр мургүйэбин.*

*‘Сама я, суставы имея, преклоняю колени,
Шею имея, кланяюсь вам,*

Перед тремя тенями вашими склоняюсь’ [ЖК, стб. 924].

Отметим, что определительная конструкция – *үс хара бараа кулуктээх* – является одним из компонентов общефольклорной формулы древнего якута – ураанхай саха. Так, в олонхо «Өлбөт Бэргэн» ураанхай саха нарекается серией равнозначных постоянных эпитетов:

*Тобус үйэ бодотун тухары
босхо бастаах,
үс хара бараа кулуктээх.
бытарыйар буор куттаах
Борон ураанхай саха*

*‘В продолжении целых девяти веков
со слабо держащейся головою,
три тёмные тени бросающий,
с душою из рассыпающейся прахом земли,
невзрачный уранхаец-якут’ [ӨБ, с. 143].*

В этой формуле *босхо бастаах* ‘со слабо держащейся головою’, *буор куттаах* ‘с душою из земли’, *борон ураанхай* ‘невзрачный

уранхаец' являются общепринятыми постоянными эпитетами древнего якута*.

Исходя из этого, выражение *үс хара бараа күлүктээх* также можно отнести к постоянным эпитетам древнего якута, человека айыы.

А.И. Гоголев дает интересную трактовку «трёх душ» ураанхай саха. По его мнению, в мифологической модели мира человек, обитатель Среднего мира, является основным её объектом, фактическим порождением трёх миров. Человек – микрокосм, символ Вселенной, её трёх вертикальных частей. Его внутренний мир также отражает трёхфункциональный принцип: верхнее начало – мать-душа (ийэ кут), среднее – воздух-душа (салгын кут), нижнее – земля-душа (буор кут). При этом верхнее начало в нём преобладает – Верхний мир снабдил его ещё таким качеством, как «сүр» (энергия и сила воли), поэтому человек – *айыы кихүмэ* 'человек, сотворённый богом' [Гоголев, 1994, с. 76].

И действительно, в олонхо вышеназванный эпитет употребляется с целью возвысить человека. Всё, что сотворено богом, – почитаемо. Иносказательный смысл *үс хара бараа күлүктээх* сводится к следующему: «почтенный, глубоко уважаемый, богом сотворённый». Таким образом, в выражении о человеке *үс хара бараа күлүктээх* 'имеющий три темные тени' содержится сакральный смысл. Приведём интересный пример. Народное поверье о наличии у здорового человека трех теней живо и в наше время. В повести Ф.Ф. Захарова «Быыйа» старик на закате солнца проверяет свои тени, удостоверившись в наличии всех трех теней (мол, 'смерть не скоро наступит'), довольный возвращается домой [Захаров, 1990, с. 13].

Здесь уместно сделать оговорку. В современном языке есть выражение *үс күлүктээх кихи*, букв.: 'человек с тремя тенями', 'проныра, плут' [ЯРС, с. 458]. Близкое выражение – *икки сирэйдээх*, букв.: 'имеющий два лица', 'лицемерный, двуличный' [Там же, с.145]. О подхалиме

---

* Исходя из принципа смысловой синонимичности компонентов параллелизма и из народного бытового сознания, считающего наиболее приемлемой позу самоуничтожения пред лицом грозных сил и жизненных бед, окружавших беспомощного человека, более точное толкование общефольклорной формулы дал П.А. Слепцов. Таким образом, формула *босхо бастаах, бокуйар сүһүөхтээх борон ураанхай* приобретает иносказательный, фразеологический смысл «слабый, смертный» [Слепцов, 1990, с. 215].

говорят *сэттэ сирэй*, букв.: ‘(имеет) семь лиц’, т.е. ‘подхалим, льстец, угодник’ [ЯРС, с. 327]. В данных выражениях числительное употреблено в значении множества. Есть обратное выражение: *утуө киһи биир тыллаах* – ‘у доброго человека одно крепкое слово’ [Там же, с. 420]. Согласно этическим нормам, плутовство, лицемерие, подхалимство не приветствуются. И, как видно из приведённых примеров, при изображении человеческих качеств, чаще всего пороков, числительные являются универсальным языковым средством. Исходя из этого, мы считаем, что выражения *үс хара бараа күлүктээх (борон ураанхай)* и *үс күлүктээх (киһи)* ничего общего между собой не имеют. Чтобы понять конкретное значение любого выражения, нужно исходить из контекста. Контекст в этих примерах выступает как неперемное условие выявления конкретного значения. Первое выражение принадлежит высокому эпическому стилю, содержит в себе сакральный смысл, который исходит из древних мифологических воззрений якутов, выражая почтение к человеку айыы. В частности, в олонхо данное выражение является постоянным эпитетом древнего якута, тогда как второе принадлежит современному разговорному языку, является одним из однотипных (по конструкции) словесных выражений, характеризующих человеческие качества (чаще пороки), употребляется при обозначении хитрого, плутоватого человека.

Итак, в олонхо употребление числительных *үс*, *сэттэ*, *тобус* в качестве определения, в том числе постоянного эпитета, отражает раннее мифологическое представление тюрко-монгольских народов и имеет сакральное значение.

2.2. Эпическая семантика числительных в эпосе олонхо

В эпосе перед нами открывается «особенный, удивительный по своей многокрасочности, внутренней цельности и необычности поэтический мир..., он самобытен и уникален, словно живет по своим законам» [Путтилов, 1979, с. 13]. Мы неоднократно подчеркивали, что употребление имен числительных в эпосе олонхо имеет свою специфику, в которой отражены поэтические особенности языка олонхо, своеобразие народной психологии. В этой связи большой интерес представляет эпическая

семантика числительных в олонхо. Выше мы указали, что числительные в эпосе в подавляющем большинстве являются или собственно определением, в том числе эпитетом, или неотъемлемым компонентом сложных по составу определительных конструкций, которые, как известно, являются «абсолютно доминирующим видом семантико-синтаксической связи слов в якутском фольклоре, в частности, олонхо» [Слепцов, 1990, с. 208].

Поскольку при анализе мы будем использовать термин «эпитет», то нам необходимо, не преследуя цели подробного изложения исторического изучения эпитета, принять рабочее его определение [Жирмунский, 1977; Кателина, 1986; Рыбакова, 1969; Арнольд, 1973; Пропп, 1958]. Из существующих на сегодняшний день определений наиболее удачным представляется тот, в котором эпитет рассматривается как художественно-выразительное средство, отличающееся от обычного определения наличием в нём «эмотивных, экспрессивных и других коннотаций, благодаря которым выражается отношение автора к предмету» [Арнольд, 1973, с. 151]. «Эпитет отвечает одному из основных стремлений языкового искусства эпоса, который состоит в том, чтобы придать словам надлежащий вес и звучание, чтобы слова и выраженные ими образы врезались и запечатлевались. Эпитет выражает отношение народа к окружающему его миру, выражает народное мнение, его суд, его оценку» [Пропп, 1958, с. 530-531].

2.2.1. Понятие эпической множественности

В устном народном творчестве, в частности, в олонхо, множественность выражается посредством числительных. Хотя со значением множественности зафиксированы и счетные слова *үгүс* `многий, многочисленный` [ЯРС, с. 450], *үтүмэн* `много` [Там же, с. 459], но их мало. В олонхо число *три* преимущественно означает «много», «все», например: *үс саха үөскүү илигинэ* `когда три якута ещё не явились на свет` [КК, стб. 2]. *Үс* в этом случае означает не количество, а общее понятие множественности.

Прародитель якутов, первопродок племени айыы-аймаҕа, Саха Саарын Тойон определяется следующим образом:

*Үс саха дьону үөскэтэргэ ыйыллыбыт,
Түөрт саха дьону төрөтөргө төлкөлөммүт
Саха Саарын тойон...*

*Предписанный сотворить трёх якутов,
Предопределённый породить четырёх якутов
Саха Саарын тойон...` [ПАО А, IV. с. 71].*

В словаре Э.К. Пекарского выражения, включающие сочетание *үс саха*, *үс дойду* переведены следующим образом: *үс саха тыла оннук* – ‘все знают’ (букв.: ‘слова трех якутов таковы’), *үс дойду барыта билэр* – ‘все так думают’ (букв.: ‘все три страны знают’) [ПЕК, стб. 3184].

А.К. Сивцев, основываясь на «Опыте словаря тюркских наречий» В.В. Радлова [1893], где *үч*, кроме значения ‘три’, имеет значение ‘близкое родство’, ‘близкие родственники’, выражение *үс саха* переводит следующим образом: *саха аймах*, *саха дьоно*, *сахалар* ‘якутское племя’, ‘весь якутский народ’, ‘якуты’ [Багдарыын Сюлбэ, 1998, с. 90], что в конечном итоге не противоречит эпическому пониманию данного словосочетания и также показывает множество.

Подобных примеров, где *үс* показывает ‘множество’, в текстах олонхо можно найти достаточное количество.

Довольно часто встречается выражение *үс биис ууһа* ‘три племени’, т.е. все племена, все человечество:

*Тобус хартыгастаах...
Добун маҕан халлаанга
Ньукуола тангара диэн
Сурабыран суоһаан
Олоруобун ыннараа өттүгэр,
Үс биис ууһа
Үнгэр тангара диэни
Өйдөөн дьүүллээн
Билбэт эрдэбинэ,...
Арҕаа Сибир диэн
Ааттаах сир
Ананан айыллыбыт эбит.
`[когда] на девятиярусном
Гладко-белом небе,...*

*Никола-тангара,
Грозно прославленный,
Ещё не воссел;
[когда] Люди трех племен
Истинного бога
Разумом своим
Ещё не познали,
[когда] Западная Сибирь именуемая
Словно знаменитая страна
Была сотворена, оказывается` [КД, стб. 93-112].*

Здесь устойчивое сочетание *үс биис ууһа* означает все человечество, а формула целиком выражает седую древность.

В следующем примере, развёрнутом эпитете красавицы олонхо, сочетание «үс үрэх» означает обширную благодатную землю: *үс үрэх үтүөтүн үмүрүччү тардан үөскээбит Көмүс Чөмчүкэйдээн Куо* [ТНБ, с. 81], букв.: ‘вскормленная собранной благодатью из трех речек красавица Көмүс Чөмчүкэйдээн’ или ‘выращенная (вскормленная) на благодати всей земли’.

Исследователи отмечают, что во многих культурных традициях число *три* было символом множества, громадности, и объясняют это тем, что «человечество достаточно долго стояло на той ступени развития числовых представлений, когда число *три* являлось крайним пределом чисел, когда считали так: один, два, много» [Бородин, 1972, с. 20]. Примеров тому достаточно и в наши дни.

У казахов число *три* приобрело значение предела чего-либо: *jez kezegi uskedejin* ‘каждая попытка (досл.: черед) до трех’ [Сравнительная историческая грамматика..., 1997, с. 581]. У киргизов при игре в ордо *үс* обозначает предел счета [Там же].

В тувинской фразеологии числительное *үш* ‘три’ часто употребляется для особого усиления, например: *үш түрүн көөр* ‘мучиться’ (досл.: ‘три мучения свои видеть’), *үш танывас* – ‘совершенно незнакомый’ (досл.: ‘трижды незнакомый’) (см.: комментарий 38-39 [Тувинские..., 1997, с. 535]).

*Үш хортан эртинени,
Үш бак-чаянны*

Көрүн орар

Үш кулаш

Сарыг судурунунг...

Трехсаженную

Желтую судур,

Из которой про три сокровища-оберег,

Про три злосчастья

Узнают` [ХК, стб. 183-190].

Үш кулаш сарыг судур – книга, осмысливаемая как кладезь пророческой мудрости и «всезнания» [Тувинские..., 1997, с. 535], таким образом, выражение *үш кулаш сарыг судур* можно понимать как `великая книга судьбы`, где эпитет *үш кулаш* `трехсаженный` усиливает эпический образ.

Таким образом, число *три* отражает достаточно древнюю традицию обозначения предела счета.

Множество в олонхо может быть выражено через другие эпические числительные:

Түөрт уон түөрт

Сүүрэр сулус тимэхтээх,

Түнкэтэх (өттүнэн) холоруктуур

Түүн бараан ийэ

`... Мать-ночь,

Которая кружится в обратном [ко дню] направлении,

Темная ночь с сорока четырьмя пуговицами

Блуждающих звезд` [КК, стб. 6569-6572].

Түөрдүөн түлүрбэх көтөр төргүүлээх

Боронг куобах болбуоттаах

Бороной харага түүн...

`С тороками из сорока мохнатых сычей

С упряжьё из серых зайцев

Сумрачно-черная ночь` [МЭС, стб. 88].

Түөрт уон түргэн сулус чимэчилээх

Түрбүөннээх түүн бараан ийэ

`С сорока свечами из быстрых (блуждающих) звезд

Тревожная мать-ночь` [АБ, стб. 605].

Числительные *түөрт уон (сорок)*, *түөрт уон түөрт (сорок четыре)* показывают множество, являются постоянным компонентом сложного эпитета, выражающего эпическую ночь.

Мы привели примеры употребления числительных в значении «много», как отмечает В.Я. Пропп, в фольклорных текстах оно обозначало то же, что и `сильно`, `очень`, т.е. через множество означалась интенсивность [Пропп, 1976, с. 96]. В текстах олонхо также можно найти примеры употребления числительных в значении `сильно` или `очень`.

Үүттээх-үүчээн эттээх

Үс биис ууһа

Үс өргөстөөбүнэн

Өрө көрөн бүдүүлээбэтэх... халлаана

`Люди трёх племён,

трёхлучистый свой взор вверх вперед,

разглядеть не могут,...

такое чистое, гладкое небо` [КД, стб. 18].

2.2.2. Числительные, поэтизирующие (положительно усиливающие) качество определяемых предметов

Эпитетом *икки* определяются глаза эпической красавицы-куо: *икки аламай күн кириитин курдук, икки алтан алабар харабыттан...* `из её светлых очей, подобных двум ласковым солнцам на закате...` [КК, стб. 4530].

Эпитеты, характеризующие красоту, образуются сочетанием числительного *икки* и существительного *солнце*. Через солнце обозначается все особо прекрасное. Числительное, включаясь в состав формул, выполняет качественно-гиперболизирующую функцию. Рассмотрим формулу описания внешности красавицы олонхо:

Тобус күн холбоспутун курдук, толбонноох ньуурдаах

Үс күн үөрдүспүтүн курдук, үтүөкэннээх дьүһүннээх...

Кыыс оҕо кылаан бэрдэ

*Подобно деяти солнцам, соединившимся в одно,
с ослепительным лицом,*

*Подобно трём солнцам, соединившимся в одно,
с прекраснейшим ликом...*

Восхитительная девушка` [ДьДь, с. 66].

В этом примере числительное существует не изолированно, а входит в состав сравнения, призванного усилить признак, отмеченный в эпитете. Лицо у красавицы ослепительно так, словно светят *три (девять и два)* солнца, соединившись вместе. Числительное участвует в процессе гиперболизации образа. Такую модель определительных конструкций исследователи называют эпитетно-компаративным тропом [Аханянова, 1991, с. 132]. В целом данное выражение выступает в функции украшающего эпитета.

2.2.3. Числительные, характеризующие (усиливающие) отрицательные качества

В эпосе олонхо числительные *соботох*, *бишр* `один, единственный, одинокий` могут усиливать отрицательные качества. Эти числительные чаще всего участвуют в образовании эпитетов для богатырей-абаасы.

Түөһүн тылыттан
Үүнэн тахсыбыт
Суоч соботох илишлээх,...
... Сүүһүн ортотугар
Суоч соботох
Эт бэргэ харахтаах
... Өлөр өлүү абааһы уола
Из середины груди
Выросшую,
Одну-единственную руку имеющий,...
... Посредине лба
Один-единственный
Мясисто-красный, как шрам,
Глаз имеющий...
Парень-абаасы, смерть-погибель
Несущий...` [КК, стб. 1050].

При характеристике мифических потусторонних существ использование числительного *три* имеет устрашающий подтекст. Например, мифическая птица Ёксёкю описывается так: *үс хос тимир чыллырыыт түүлээх, үс бастаах далан Өксөкү* `имеющая в три ряда чешуйчатые железные перья, трёхглавая огромная Өксөкү-птица`.

Рассмотрим поединок богатырей айбы и абаасы в олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур»:

*Биһиги киһибит хат сабар
Умса баран түһэр,
Үнкүрүйэр-күөлэһийэр,
Үс сиринэн былаат курунан
быһа тарпыт курдук,
Туос ала хотой кыыл буолар да
Өрө көтөн күүгүнүүр.
Абааһы киһи эмиэ
Умса баран түһэр,
Үс төгүл үнкүрүс-күөлэһис гына түһэр,
Үс бастаах абааһы алып кыыла буола түһэр да,
Өрө көтөн күүгүнүүр.*

*`Наш человек
Тут же упал ничком,
Перекувырнулся-покатился и превратился
В птицу орла полосатого,
Словно стянутого в трех местах
Поясом-кушаком,
И с шумом взлетел ввысь.
Абаасы тоже ничком упал,
Трижды перекувырнулся-покатился,
Превратился в трехглавую
Алып-птицу абаасы
И с шумом взлетел ввысь` [КК, стб. 4398].*

Числительное *три* в эпитетах-определениях – *үс бастаах* ‘трехглавая’, *үс хос тимир чыллырыыт түү* ‘трёхслойные железные перья’, *үс сиринэн быһа тарпыт курдук (хотой)* ‘полосатый, словно стянутый в трех местах (птица орёл)’ – показывает не просто количество, а вносит в облик героев устрашающий оттенок, т.е. числительное опять же несет качественно-гиперболизирующую функцию. Олонхо изобилует подобными мифическими существами: *үс сиринэн туос ала уот мөбөй кыыл* (в три опояски желто-пегий огненный Могой зверь); *абыс салбааһыннаах өлүү-өтүмэх кыыла* (восьмисуставный Ёлюю-Ётюмэх-зверь) [МЭС,

стб. 510]; *үс сиринэн бөрүлүү бөхчөбөр өлүү хара суора (трехгорбый черный ворон гибели)* [КК, стб. 2189]; *үс хаардаах үнжүү Битик диэн үүт маџан ат (трехтравый молочно-белый конь Үнжүү Битик)* [КК, стб. 8847].

Числительное *аџыс* также, как и в тюркских эпосах, участвует в образовании эпитетов с устрашающим оттенком.

Богатырь абаасы и богатырь айыы во время схватки характеризуются почти одинаково. Богатырь айыы при схватке с неприятелем становится очень страшным и грозным. В олонхо «Ала Булкун» богатырь Очуллаан-Чочуллаан одет в восьмигранную, как железный панцирь, доху – *аџыс кырыылаах тимир куйах сон*, и превращается в восьмигранного железного человека со злобным выражением лица. Отметим, что числительное *восемь* преимущественно выступает атрибутом устрашения. Как отмечает Л.Л. Габышева, *аџыс* `восемь` участвует в образовании метафорических имен и эпитетов абаасы-богатырей: *аџыс атахтаах* `восьминогий`, *аџыс (уон аџыс) албастаах* `восьмихитростный` [Габышева, 1988, с. 87].

(Шаманке Айгыр привиделось во сне):
Арџааттан алаас саџа хара былыт көтөн кэллэ...
Ол гэньэ хара былыт төбөтүнэн хайынна;
бу былыттан түһэн кэллэ мас төрдүгэр
аџыс атахтаах тимир биэ, үнжүрүйдэ.
Ол гэньэ төрөттө
от быһаџаһын саџа күөх чарайы.
ол гэньэ биэ бэйэтэ аџыс буола быһынна,
быстан баран аџыс тимир тэмэлдьигэн буолла,
көттө халлаан аџыс өттүн диэки.
Бу төрөппүт чарайа хаалан күөгэлдьийэ сытта.
Бу сытарын эн батаһынан хайа суруйдун.
бу чарай иһиттэн тахсан оlorдо
манньык дьүһүннээх абааһы...
Вдруг рассеклось чёрное (облако) с громом,
И к подножью священного дуба
Осьминогой железной кобылой
Пала душа его громовая.

*По земле покаталась кобыла
И разродилась яйцом зеленым,...
Тут же на восемь частей распалось,
А из этих частей явилась
Стрекоз железных восьмёрка
И на восемь небес разлетелась.
А яйцо, рожденное ею...
Ты разбила его пальмою.
Из яйца возник абаасы» [ДШ, 1936, с. 107-108].*

Отдельно рассмотрим загадочное сочетание, часто встречаемое в олонхо, – *абыс атахтаах* ‘восьминогий’. По мнению И.А. Худякова, слово «восьминогий» в якутском языке равносильно слову ‘дьявол’, т.е. абаасы: *абыс атахтаах адьарай бөбө* ‘восьминогий дьявол’ [Худяков, 1969, с. 293]. Также данным эпитетом в олонхо нарекаются нарты: *абыс атахтаах наарта-сыарба*, ‘восьмикопытные нарты-сани’. В такие нарты запрягают страшилищ-быков, бег которых настолько дерзок, стремителен, что надо его сдерживать. На них ездят богатыри абаасы. В олонхо «Шаманки Олумар и Айгыр» шаманка Айгыр «покаталась и, обернувшись быком..., с восемью в кулак величиною ногами на брюхе...» [Ястремский, 1929, с. 126]. В этой связи уместно привести тот факт, что выражение «восьминогий» – *sekizadaglyj*, оказывается, встречается во многих рунических памятниках древнетюркской культуры, в настоящее время – в фольклоре казахов, киргизов [Сравнительная историческая грамматика..., 1997, с. 585-586]. Обобщая обширный материал, авторы приходят к выводу, что выражение «восьминогий» у древних тюрков является символом скачущего животного, а *tortadaglyu* «четвероногий» – символом рабочего животного [Там же, с. 586]. Выше мы отмечали, что в олонхо одним из эпических определений, обозначающих коня, является выражение *түөрт атахтаах* ‘четвероногий’. Относительно эпитета-метафоры *абыс атахтаах* ‘восьмикопытный’ можно согласиться с мнением авторов, считающих, что оно означает «скачущее животное». Действительно, в олонхо данное сочетание указывает на фантастическую скорость, быстроту нарт-саней, которые должны соответствовать дерзости, стремительности запряженного быка – средства передвижения абаасы. На основании этого можно утверждать, что древнетюркская

образная номинация скачущего животного – *абыс атахтаах* – стала эпитетом-метафорой в олонхо. Эпитет указывает на дерзость, фантастическую скорость и тем самым, принимая оттенок устрашения, определяет потустороннее чудовище (абаасы, страшилищ-быков и т.д.).

2.2.4. Числительные, характеризующие размер, величину, силу, мощь и другие качества эпических героев

Употребление имен числительных в олонхо имеет яркую специфику. Одним из самых интересных моментов является описание внешнего вида персонажей, где преобладает «преувеличение или гротескное заострение» [Путилов, 1979, с. 14] и используется числовая характеристика в сочетании с наименованиями народной метрологии. Исходя из этого, словосочетания, обозначающие эпические габариты, собраны в отдельную лексико-тематическую группу. Антропометрические наименования мер длины: *былас, харыс, тутум, илии; саһаан, арсыын* и др. в аллитерационно-ассонансном сочетании с числительными характеризуют образы эпических героев.

Самая большая из них, наиболее часто употребляемая в якутском эпосе, – *былас* (примерно 1,5 метра) [Попова, 1980, с. 123] – маховая сажень, размах, мера длины, равная расстоянию между кончиками пальцев разведенных в стороны рук [ЯРС, с. 92]. При измерении толщины *былас* – это обхват рук [Ойунский, 1962, с. 185]. Причём, *былас* в олонхо теряет свое конкретное значение. Олонхо – произведение, стремящееся к масштабности, и, вероятно, этим обстоятельством объясняется наибольшая частотность *былас* в эпических текстах. Рассмотрим гиперболический портрет богатыря, то, как числительные в сочетаниях, выражающих немислимые размеры, координируют с эпитетными сочетаниями:

*Ус былас үөкэйэр өттүктээх,
Биз былас мээкэйэр биһллээх,
Алта былас дарайар сарыннаах,
Туөрт былас кулугур моойноох.*

*С высокими бедрами – в три маховые сажени,
С гибкой талией – в пять маховых сажений,
С широченными плечами – в шесть маховых сажений
С прямой шеей – в четыре маховые сажени* [КК, стб. 51-54].

Здесь в предельно идеализированной форме изображается богатырь айгы, и наоборот, при описании внешнего облика богатыря абаасы *былас* подчеркивает уродливость и устрашающие звериные черты. Например, на полтора *былас* (маховые сажени) простирается язык абаасы: *Былас ордуга түөс ангаара уот-обуур тыллаах. `Огненный язык-аркан длиною в полторы маховые сажени`* [КК, стб. 3310].

Герои олонхо воплощают идеальные понятия народа о красоте, физическом и нравственном совершенстве. Богатырь с гигантскими размерами плеч, бёдер, шеи, спины и т.д. олицетворяет силу, мощь. А образ героини олонхо, которая имеет фантастически длинную косу, также измеряемую в *былас* (маховых саженях), олицетворяет красоту, совершенство: *абыс былас суһуохтаах Айталы Куо `Айталы Куо с косою в восемь маховых саженей`, тобус былас суһуохтаах Туйаарыма Куо `Туйаарыма Куо с косою в девять саженей`*. Интересно отметить, что красавица (Куо) олонхо имеет длинную косу в несколько маховых саженей, а красавица в алтайском, бурятском, калмыцком эпосах имеет множество кос: *девяносто косичек ее до пяток спускаются, семьдесят кос ее по земле-Алтаю волочатся* [МК, стб. 6874].

В олонхо при помощи *былас* создаются образы не только главных героев, но и гиперболически описывается конь богатыря:

*үс булас өрүкүйэ кэтөр
үөрбэ чабаан көбүллээх,
сэттэ булас эриллэ-бурулла оонньообут
эһэгэй-дугуй, ньэлэмэн хара,
тиһишлээх сиэллээх
тобус булас уйулбаннаах холорук,
уот оночо уһун кутуруктаах...
`в три косых обхвата,
как дротик с челкой,
в бурях вверх играющим,
в семь косых обхватов,
как ветерок волнующий,
как вихрь крутящийся,
с метелистой и бурной,
с черно-широкою зривою.*

*в девять косых обхватов,
как по волне бегущая огневая лодка,
с длинновихревым хвостом...* [ПАО А VII, с. 160].

Гипербола, смещение обычных пропорций, заострение – «не просто устойчивые художественные принципы героического эпоса – они характерный для эпического творчества способ осмысления...» [Путилов, 1979, с. 14]. Второй по частоте употребления, но не столь значимой при описании физических размеров эпических персонажей является народная мера длины *харыс* – ‘большая пядь’, мера длины, равная расстоянию между концами растянутых большого и среднего пальцев [ЯРС, с. 485].

*Бу Эр Сожотох
Быһыыта тутуута буоллабына,
Уон ыллар харыс усталаах
Түөрт харыс туоралаах
Бизс харыс сарыннаах
Ус харыс өттүктээх...*

*‘Что касается внешнего облика Эр Сожотоха,
То он десяти пядей длины
Четырех пядей ширины,
Пяти пядей ширина плеч,
Трёх пядей ширина бёдер...’* [ЭС, с. 46].

Точно так же, как и *былас* ‘маховая сажень’, мера длины *харыс* ‘большая пядь’ употребляется в гиперболизованных описаниях внешнего вида богатыря. Но *харыс* в отличие от *былас*, – меньшая мера длины, в олонхо встречается нечасто. Данной мерой длины в олонхо измеряются плечи, бёдра и т.д.

В олонхо также встречается понятие *ыллар харыс* – ‘большая пядь’ (<ылын ‘разрываться’, букв.: ‘разрывающийся харыс’). Пальцы раздвинуты, растянуты до отказа по плоскости [Попова, 1980 с. 133]: (*тылын*) *биир ыллар харыһы былас таһаарбыт, ‘высунул (язык) на целую пядь’* [АБ, стб. 7094].

Намного реже, чем предыдущие наименования, используется *тутум* – ‘обхват кистью’, расстояние, равное высоте кулака [ЯРС, с. 409]. Эта мера длины встречается при описании внешности эпической героини, например, косы фантастической длины – обязательного атрибута красавицы олонхо:

*Тобус тутум суһуохтаах
Туналыкаан Куо.*

*‘С косою длиною в девять обхватов
Туналыкаан Куо...’ [МЭС, стб. 634].*

По частоте употребительности в эпических текстах *тобус тутум суһуохтаах* намного уступает определительному сочетанию *тобус былас суһуохтаах*, которое является постоянным эпитетом имени персонажа олонхо: *тобус былас суһуохтаах Туйаарыма Куо ‘с косою в девять маховых сажень (красавица) Туйаарыма Куо’*. Данное выражение перекочевало за рамки олонхо и стало нарицательным в современной языковой практике. Так говорят о красивой девушке. Проходят конкурсы красавиц под одноименным названием.

Следующая мера длины антропометрического происхождения – *илии* ‘палец’ – расстояние в ширину (в толщину, в поперечник) пальца [Попова, 1980, с. 137]. *Илии* используется в формуле описания внешнего вида богатыря абаасы, этой мерой измеряется толщина грязи на его лице:

*Үс илии туунүктээх сүүстээх,
Сэттэ илии кирдээх сэгийэлээх,
Алта илии ардахтаах ньуурдаах,...
... Улуу күтүр...*

*‘(Шириною) в три пальца заплесневелый лоб у него,
В семь пальцев грязью покрытый подбородок у него,
В шесть пальцев закоптелое лицо у него,...
...[великое чудище]’ [КД, стб. 1482].*

Наряду с исконно якутскими наименованиями мер длины, при описании внешности героев олонхо активно употребляются заимствованные из русского языка метрологические термины: *саһаан, арсыын, тура саһаан, бэчээтинэй саһаан*.

Саһаан – ‘сажень, старая русская мера длины, равная трем аршинам (2,13 м)’ [Ожегов, 1990, с. 691]. Рост богатыря измеряется при помощи данной меры длины:

*Турар бэйэтэ тобус саһааннаах
Олорор бэйэтэ биэс саһааннаах
Тимир килиэ киһи...*

*В полный рост девяти саженьей
А сидя пяти саженьей
Железный человек* [КД, стб. 1432].

Тура саһаан – ‘продольная сажень’, также используется при описании роста богатыря:

*[Үрдүгэ] үс тура саһаан холобурдаах
[Высота его] три [продольных] сажени* [ТНЬБ, с. 82].

При описании большого роста богатыря айыы или абаасы в определительных сочетаниях иногда употребляется слово *бэчээтинэй* – ‘печатная сажень’, *үс бэчээтинэй тимир киһи* ‘трехсаженный (в три печатные сажени) железный человек’ [ПЕК, стб. 450].

*Иэримэ дьиэ иччитэ
Кимий эбит диэн көрбүтүм:
... Баар эбит добоор,
Үрдүгэ үс бэчээтинэй үтүө киһи...
‘Затем я стал интересоваться – кто же
Хозяин всей этой роскоши такой?
Оказывается, есть, друзья,
Ростом три печатных
Добрый молодец* [СуодБ, стб. 658].

Печатная сажень (*государева, казенная, мерная*) – мера, точно соответствующая официально установленной длине сажени [Аркадьева и др..., 2005].

Наглядно определительные сочетания представлены нами в табл. 3.

Таблица 3

Определительные сочетания

Числительное	Мера длины	Определяемое понятие
Биир (один)	Былас (маховая сажень)	Сарын (плечи)
Үс (три)	Харыс (большая пядь)	Биил (талия)
Түөрт (четыре)	Саһаан (сажень)	Өттүк (бедро)
Биэс (пять)	Илии (палец)	Моой (шея)
Алта (шесть)	Ыллар харыс (большая пядь)	Сырай (лицо)
Сэттэ (семь)		Сис (спина)

Абыс (восемь) Тобус (девять) Уон (десять)	Тура саһаан (продольн. сажень) Тутум (корх) Кырыы (грани)	Суһуох (коса) Тыл (язык) Уста (длина) Туора (ширина) Төгүрүмчэ (обхват) Тумна бэйэтэ (обхват) Олорор бэйэтэ (рост сидя) Турар бэйэтэ (полный рост) Сүүс түүнүгэ (плесень лба) Сэнийэ кирэ (грязь подбородка) Ньуур ардаҕа (копоть лица)
---	--	---

Итак, при описании внешности персонажей олонхо в составе сложного эпитета участвуют почти все числительные первого порядка (кроме числительного *икки* `два`). Употребление того или иного числительного основывается на аллитерационно-ассонансном созвучии слов в строке. Например, *биэс* `пять` используется при определении *биил* `тали́я`, где *и*, *э* – нелабиализованные, передние гласные. Следующий пример убедительно демонстрирует это положение:

Үс - илии - *түүнүктээх* - *сүүс*

Сэттэ - илии - *кирдээх* - *сэнийэ*

Алта - илии - *ардахтаах* - *ньуур*

В три пальца заплесневелый лоб

В семь пальцев грязью покрытый подбородок,

В шесть пальцев закоптелое лицо` [КД, стб. 1482].

В этой формуле, представленной ритмико-синтаксическим параллелизмом, к числительным *сэттэ* `семь`, *алта* `шесть`, *үс* `три` на основании аллитерационно-ассонансного созвучия слов подбираются слова, близкие по звучанию.

С помощью определительных сочетаний (числительное + наименования народной меры длины) описываются в основном персонажи мужского пола. Внешние гиперболизированные характеристики (рост, обхват, ширина) даются богатырям и Среднего, и Нижнего миров. Далее описание богатырей айыы и абаасы расходуется. Богатырь айыы

характеризуется немислимыми размерами плеч, спины, бедер, шеи, олицетворяющими силу мифического героя, в то время как богатырь абаасы – громадными размерами частей тела (пальцев, носа, языка), наличием толстого слоя грязи на лице, что создает образ отвратительного существа.

Мощь богатыря может определяться сложной формулой, в которой описывается тяжесть двери жилища, которую не могут открыть множество людей в расцвете сил, но эта дверь подвластна богатырю:

[Чугдаан бухатырь]
Сэттэ уон эр бэрдэ
Сэтинньи ый
Сэттэ эргэтиттэн
Тирэхтэрин булунан туран
Чинэһэ-чинэһэ тарпыттарын иһин
Сэгэльдэитэн көрбөтөх
Дьиэллигэстээх халбанын
Тэлэйэ баттаан,
Абыс уон киһи
Ахсынньы ый
Абыс сангатыттан
Ахчаһа-ахчаһа тарданнар,
Аппаннатан көрбөтөх
Аарыктаах ааннарын
Арыйа анньан...

^[Чугдаан Богатырь]
[такую, что] и семьдесят лучших мужей.
С седьмого дня ущербной луны
Седьмого месяца.
Крепкую опору для ног найдя,
Изо всех сил тужась,
приоткрыть не сумели бы,
Входную крепкую дверь
Широко распахнул;
[такую что] и восемьдесят молодец
С восьмого дня новолуния
Восьмого месяца

*от напряжения выгибаясь-ныхтя,
Открыть не смогли бы,
тяжелую с погремушками дверь
Легко растворил...` [КД, стб. 1940].*

Числительное в подобных формулах – один из значимых компонентов. В сочетании с существительными *киһи* ‘человек’, *эр бэрдэ* ‘лучший из мужей’, *уолан киһи* ‘молодой (в расцвете сил) человек’ и т.д. означает «множество людей (мужского пола)» и выполняет качественно-гиперболизирующую функцию.

Итак, при описании внешнего вида персонажей наиболее продуктивными являются определительные сочетания числительного с наименованиями народной метрологии. Они играют важную роль в поэтике олонхо и с их помощью выполняются следующие функции:

- при помощи определительных сочетаний гиперболизируются образы персонажей;
- можно предположить, что они (числительное + народная мера длины) являются наилучшим выразительным средством при обозначении эстетических идеалов народа.

2.2.5. Числительные, характеризующие эпическое пространство

Следующей областью, где при описании применяются числительные, является эпическое пространство. «Фольклор знает только эмпирическое пространство, т.е. пространство, которое в момент действия окружает героя..., то, что происходит за пределами этого пространства, не существует» [Пропп, 1976, с. 92].

Итак, что представляет собой это пространство? В олонхо в понятие эпического пространства входят описания страны героя, измеряемой астрономическими расстояниями, т.е. *`страны, окружность которой не смогли облететь девять вольных... журавлей за девять лет, края которой не смогли облететь восемь самок за восемь лет`*, а также гигантских расстояний, преодолеваемых героем в течение четырёх сезонов года. Причём, герой пролетает это расстояние молниеносно.

Следующая разновидность пространства – это расстояния, при помощи которых характеризуется сила, мощь героя (например, расстояние

в три (семь) дневных переходов, саженой и т.д., на которое отлетает противник при ударе, произведённом героем). Или описание расстояния, показывающее величие какого-нибудь объекта, чаще всего принадлежащего главному герою, например описание его дома, который виден с трёх (семи) дней пути и т.д.

Эпическое пространство может быть и чрезвычайно малым, и необычайно большим. Определение эпического пространства с использованием числительных в олонхо осуществляется по-разному. Исходя из наших примеров, отметим несколько разновидностей описания.

1. Пространство может определяться элементарным сравнением с предметами окружающей среды. Как отмечают исследователи, это «зачаточная форма измерения» [Молчанова, 1973, с. 9].

Биир аллаах ат сөрүөтүн саба,

Күөх кырсы ордорбокко,...

Үлтү тэбистилэр.

[богатыри] словно в пепел,

всё в прах истолкли,

Не оставив клочка зеленого дерна

Величиною в подседельник

[одной] резвой лошади` [КК, стб. 1329].

При сравнении используется послелог *саба* `величиной с`. Числительное *биир* `один` употребляется для передачи «выделительного значения: один, только один, единственный» [Севортьян, 1978, с. 147]. Таким образом, оно не только означает количество, но и несет сопутствующий оттенок усиления чрезвычайно малой величины.

2. Эпическое пространство выражается при помощи определительного сочетания, состоящего из числительного и реалий народной метрологии, например: *көс* – `миля`, якутская путевая мера [Попова 1980, с. 124]. *Көс* почти равняется десяти русским верстам, означает переход от утренней еды до первой дневки [Ойунский, 1962, с. 186]. Якуты определяют расстояние временем. *Көс* переняли юкагиры. В. Иохельсон пишет, что у юкагиров есть слово *мидол*, означающее расстояние, покрываемое дневным переездом. Есть также еще и малый *мидол* – расстояние, которое проходят, пока закипит котел, они называют его ещё *кёс* `котел`. «Котел» равен примерно часу времени, за которое всадник проходит

от пяти до шести миль. Юагиры заимствовали у якутов *лумбуга йэлэл* `котел закипел` и *йерхайэ лунбуго йэлэл* `замороженный котел закипел` (т.е. котел со льдом) [Иохельсон, 2005, с. 82-83]. *Саһаан* `сажень` – мера длины, заимствованная из русского языка; *бэчээтинэй* `печатная` обозначает расстояние в рост человека + вытянутая вверх рука до кончиков пальцев (иногда уточняют: пальцы согнуты во втором суставе) [Попова, 1980, с. 127]. *Бизрэтэ* – `верста`, мера длины, заимствованная из русской метрологии.

Көс, *бизрэтэ* сочетаются с числительными второго порядка и используются при описании огромной долины или огороженной местности, где проживает герой олонхо:

Төгүрүмнүтэ түөрт уон көстөөх,

Устата отут көстөөх,

Бухатыыр олорор

Чыыстай маҕан толоонугар...

В пречистую светлую долину

Окружностью в сорок кёс,

Длиной в тридцать кёс,

Предназначенную для жительства богатырей` [НБС, стб. 21].

Бэчээтинэй, *саһаан* сочетаются с числительными первого порядка и используются при описании схваток богатырей. Таким определительным сочетанием выражается расстояние, на которое отскочил или отлетел противник, например, при ударе:

Тимир килиэ киһи...

Чугдаан Бухатыыры... сиксиритэн кээспитэ,

Киһитэ биэс бэчээтинэй сире

Кэннинэн тэйиэккэлээн баран...

Железный человек...

Чугдаан Бухатыыра... так двинул,

Что тот, на пять печатных сажений

Назад отлетев, попятился... [КД, стб. 1434].

Биһиги киһибит...

абааһы киһини сэттэ саһаан сиргэ

сингэри быраҕан түһэрэр.

*Наш человек... с такой силой отивырнул
богатыря абаасы, что вогнал его в землю
на семь саженей... [КК, стб. 3486].*

3. Большие расстояния в якутском эпосе измеряются *куннук сир* – «дневным переходом лошади или пешего человека, идущих шагом» [Ойунский, 1962, с. 186]. В этой связи уместно процитировать слова М.М. Бахтина о слиянии пространственных и временных примет: «Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени... Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пресечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [Бахтин, 1975, с. 234-235].

Термином *куннук сир* может характеризоваться расстояние при движении, например, расстояние, на которое отлетел, отскочил кто-либо:

Абааһы уолун...

Атахха тэбэн кэбистилэр

Тобус куннуктээх сир

Туруйалаан баран...

Парня абаасы...

да как подсёк ногой!

Тот, на расстояние

девятидневных кочевок [отлетов],

Спотыкаясь, по-журавлиному заковылял`

[МЭС, стб. 1149].

Исследователь А.В. Кудияров такое сочетание относит к одному из видов хронотопов в эпосе – хронотопу пути или передвижения [Кудияров, 1991, с. 23-25]. Чаще всего в олонхо *куннук сир*, т.е. расстоянием дневного перехода, определяется пространство (расстояние), с которого виден тот или иной эпический объект:

Үс куннук сиртэн

Күлүмүрдээн көстөр

Көй уорук.

С расстояния трехдневного перехода заметная,

Сверкающая-сияющая просторная обитель [КД, стб. 1102].

Ус куннук сир входит в состав определительной конструкции, которая в целом является постоянным эпитетом к слову *уорук* `обитель`. Выражение *ус куннук сир* является украшающим эпитетом (выпячивающим и усиливающим положительное качество) эпических объектов:

Ус куннук сиртэн
Сөрүү көтөр өргөн манган өтүү...
`Белая волосяная веревка,
Которой с расстояния трех дней пути
Опутьивает (коней своих)` [КК, стб. 2936].

4. Фантастическое, немисливо дальнейшее расстояние в олонхо описывается формулой:

Суор көтөрүм
Ус төгүл кынат устан,
Сааран тиийэр сиригэр,
Сүүрэр атахтаабым
Сэттэ төгүл тугуттаан,
Төрөөн ууһаан тиийэр сиригэр...
Көрсүһэ түспүттэрэ...
`Туда, куда ворон, птица моя,
Трижды перья сменив-поменяв, долетает,
Четвероногий зверь мой,
Семь раз расплодившись-размножившись,
Добегают,
До такой далекой страны дойдя,...
Они встретились...` [МЭС, стб. 3418].

Расстояние, преодолеваемое за время жизни людского поколения, или расстояние, длительность перелета которого указывается через сезонные линьки и неоднократное разведение птенцов, называемое хронотопом дальнего пути, подробно рассмотрено Кудияровым [Кудияров, 1991, с. 23-66]. Такой тип хронотопа он называет «косвенным» или опосредованным, имея в виду особый способ хронотопного обозначения дальности расстояния – косвенно, обиняком, посредством дополнительных художественных образов, дающих представление о времени его преодоления [Там же, с. 25].

Как видно из примеров, в этих описаниях чаще всего используются традиционные числительные *ус, сэттэ, тобус*, что вносит в эпический образ сакрально-символическое значение.

2.2.6. Числительные, характеризующие эпическое время

Изображение времени в якутском фольклоре, в частности, в олонхо – очень интересное явление, которое требует дальнейшего внимательного изучения. Мы же в данной работе ограничимся рассмотрением некоторых вопросов изображения эпического времени и использования числительных при его характеристике.

Ещё В.Я. Пропп заметил, что «...в фольклоре действие совершается прежде всего в пространстве, времени же, как реальной формы мышления, как будто совсем нет... Пространство... осваивается и осознается эмпирически, сознание же времени есть результат некоторой абстракции..., обозначения времени всегда фантастичны» [Пропп, 1976, с. 95].

По мнению Д.С. Лихачева, «художественное время в устном народном творчестве имеет время действия и время исполнительское... Время же действия былин строго локализовано... в условной эпохе русского прошлого, которую можно было бы назвать „эпической эпохой“... Эпическая эпоха – некая идеальная „старина“, не имеющая непосредственных переходов к новому времени» [Лихачев, 1979, с. 228]. В якутском эпосе зачин олонхо начинается обычной формулой, относящей действие к «первоначальным временам», по Лихачеву – к «эпической эпохе». Далее начинается собственно сюжетное время олонхо, которое замкнуто в самом себе. Сюжет олонхо связан с жизнью героя. Таким образом, время олонхо охватывает время от рождения героя до уничтожения всех врагов, установления им мира на земле и его женитьбы. Протекание времени крайне неоднородно. Это связано с принципом «наибольшего выделения главного героя» в эпосе [Там же, с. 230]. Поэтому в олонхо последовательно прослеживающего все события, точного хронологического времени нет. Время в олонхо дискретно, «всплывает» вместе с событиями, связанными, так или иначе, с главным героем в определенные моменты.

В русском героическом эпосе исследователь Д.Н. Медриш выделяет понятие «непосредственно событийного» и «промежуточно-

событийного времени, т.е. времени между изображаемыми событиями», причем промежуточно-событийное время, как правило, «растягивается, тогда как непосредственно событийное время сжимается» [Медриш, 1974, с. 123].

Итак, перечислим основные события олонхо, определяемые эпическим (но не конкретным) понятием времени: рождение богатыря; взросление богатыря; поездка (полет) персонажей; схватка (бой, поединок) с неприятелем; богатырский сон; свадьба; ысыах; игры-состязания; ожидание чего-либо, кого-либо и т.д.

Как мы указали выше, эпическое время может выражаться при помощи сочетаний числительного с существительными, обозначающими какой-либо временной срок. Выделим эти существительные: *хонук* 'сутки', *төгүрүк суукка* 'круглые сутки', *ый хонуга* 'сутки месяца', *сыл* 'год', *төгүрүк сыл* 'круглый год', *түүн* 'ночь', *түүннээх күн*, *күннээх түүн* 'ночь и день, день и ночь', *үйэ* 'век', *күөс быстынга* 'время, необходимое для того, чтобы сварился горшок мяса', *тон күөс быстынга* 'время, необходимое для того, чтобы сварился горшок мерзлого мяса' и т.д.

В сочетаемости слов данной ЛТГ с числительными отчетливо прослеживается заметное тяготение к числительным *үс* (три), *сэттэ* (семь), *тобус* (девять). В олонхо (иногда вскользь) упоминается продолжительность сна богатыря – это трое суток, девять суток и даже три года. Ожидание длится обычно три года, изредка семь лет. Богатырка Күн Толомон Ньургустай предназначенного ей Орулуур Одун Хааном будущего мужа ждала «полных три года»:

*«Кэлэн кэпсэтээрэй» диэн
Үс төгүрүк сылга
Күүтэ сатаан кээспит;
'Думая, может прибудешь поговоришь,
Она ждала тебя полных три года' [КК, стб. 590].*

Богатырь Очуллаан Чочуллаан едет свататься и при благополучном исходе обещает вернуться ровно через три года:

*Алтан Амырыт бухатыыр
Хатан тимир уңуохпун тоһутан кэбиспэтэбинэ...
Үс төгүрүк сылынан
Аан ийэ дойдубар эргийиэбим буоллаҕа [АБ, стб. 4530].*

Пир во имя победителя, ысыах, игры-соревнования могут длиться три, девять или двенадцать дней и ночей. Следует оговориться, что эпическое время может выражаться не только вышеназванными сочетаниями, но и образно, посредством клишированных формул, на первый взгляд, никакого отношения к категории времени не имеющих. Например, самый короткий отрезок, который сопровождает движение (полёт), дается формулой:

*Көрөн баран, чыпчылыыйах бэтэрээ өттүнэ
этэн баран, эзирийиэх бэтэрээ өттүнэ...
«сур» гынан хаалла...*

*`прежде чем, посмотрев, успели глазами моргнуть.
Сказав, успели втянуть в себя воздух...
Полетел, врезаясь в воздух «сур»` [НБС, стб. 32].*

Представить долгий изнурительный путь богатыря можно посредством описательной формулы, которая подробно была рассмотрена в статье А.В. Кудиярова:

*Өр да айаннаабыттарын билбэттилэр,
Өтөр да айаннаабыттарын билбэттилэр,
Кыһыны кырыатынан билэн,
Сааһы чалбаһынан билэн,
Сайыны самырынан билэн,
Күһүнү өксүөнүнэн билэн
Сир халлаан ыпса түһүүтүгэр тийиэн... [кэллилэр]*

*`Долго ль в пути были – не знали,
Коротко ль в пути были – не знали,
По снежной пороше зиму примечая,
По лужицам (талым) весну примечая,
Лето по дождю примечая,
Осень по снежной крупе примечая
Приехали к месту схождения
Неба с землёю...` [КК, стб. 8510].*

Путь длится так долго, что сказитель успеваеет перечислить все сезоны года, составляющие годичный круговорот времени. По Кудиярову, здесь использован «годовой хронотоп» [Кудияров, 1991, с. 26].

Отдельно рассмотрим эпические формулы богатырских боев. Эти поединки – затяжные. Продолжаются они три дня и три ночи – *үс түүннээх кун*, `девять круглых суток` – *тобус төгүрүк суужка*, `тридцать суток месяца` – *биш ый отут хонуга*, `шестьдесят суток двух месяцев` – *икки ый алта уон хонуга*, `полных девяносто суток трех месяцев` – *үс ый тонхол тобус уон хонугар* и даже `три года` – *үс төгүрүк сыл*. Сам процесс поединка описывается досконально. Обычно поединок состоит из нескольких этапов ведения боя. Рассмотрим описание начала боя-поединка: в ход идут «*девяностопудовые палицы, которые раскрошили богатыри, пока не успели свариться три горшка мяса, схватили пальмы и затупили, пока не успели свариться три горшка мяса, схватили железные копыя, пока не успели свариться три горшка мяса и копыя изогнулись, схватили мячи-ядра пятидесятипудовые, еще не успели три горшка мерзлого мяса свариться, а они раздробили мячи-ядра*» [КК, стб. 1259-1301]. После этого, бросив оружие, они начинают биться кулаками. И этот бой описывается тоже очень подробно. Описание начального поединка, где богатыри бьются оружием, в олонхо «Кулун Куллустуур» растягивается на 34 стихотворных строки. Через перечисление видов оружия, через описание поединка с использованием этих видов оружия, через перечисление потраченного времени, когда каждое оружие, исчерпав возможности свои, выходит из строя, т.е. через длительность исполнения каждого действия искусственно достигается впечатление изнурительности боя. Таким образом, олонхосут, условно замедляя события, подчеркивает длительность поединка. Д.С. Лихачёв подобное явление длительности в былине считает необходимым компонентом изобразительности и связывает его «со стремлением условно приравнять время исполнения ко времени действия». По его мнению, такое «приравнивание» имеет место в тех эпизодах, где есть стремление достигнуть наибольшей изобразительности, что создает иллюзию совершаемого. В данных эпизодах «время почти совпадает со временем исполнения» [Лихачев, 1979, с. 234]. Кроме детальных описаний, длительность может достигаться и другими приёмами: повторами, использованием некоторых формул и т.д.

Рассмотрим отрезок времени *үс күөс быстына*, используемый в данном эпизоде. Хотя промежуток времени, необходимый для того, чтобы сварить один за другим три горшка мерзлого мяса, а «мясо в горшке

может свариться в течение приблизительно двух часов» [Ойунский, 1962, с. 187], т.е. около шести часов, – время вполне реальное, но, включаясь в данную формулу эпического боя богатырей, это выражение теряет своё конкретное значение. Оно усиливает экспрессию поединка, полные драматизма действия эпических героев принимают фантастический характер. В следующей формуле вышеназванный промежуток времени *үс күүс быстынга*, включаясь в заданное размеренное действие, подчёркивает монотонность происходящего, сильнее сгущает краски описываемого события:

[Үрүг Айыы тойон дьаһалын истэн баран]

Үс күүс быстынгын холобурдаах

Таалан олордулар оюнньордоох эмээхсин

‘[Услышав повеление Юрюнг Аар тойона]

Старик со старухой, слушаая столбенели,

Столько времени сидели безмолвно,

Что за это время мясо могло свариться трижды`

[НБС, стб. 26].

В олонхо приводят в чувство упавшую в обморок от страха Симэхсин эмээхсин (старую скотницу), пролив на неё тридцать ведер ледяной воды в течение того времени, за которое успеют свариться три горшка мерзлого мяса один за другим [ЭС, с. 52]. Заметим, что земные существа в олонхо медлительны. Им противопоставляются персонажи потусторонних миров или персонажи, наделённые божественными чудесными свойствами, при движении развивающие фантастическую скорость: *Көрөн баран, чыпчылыйыах бэтэрээ өттүнэ, этэн баран, эбирийиэх бэтэрээ өттүнэ... «сур» гынан хаалла... `Прежде чем, посмотрев, успели глазами моргнуть, сказав, успели втянуть в себя воздух... полетел врезаясь в воздух «сур»`* [НБС, стб. 32].

В отдельных случаях отмечается молниеносное течение времени. Например, как было рассмотрено выше, взросление богатыря – самый динамичный эпизод в сюжете олонхо:

Через день становятся годовалыми

Через два – двухлетними

Через три – трехлетними...

К десяти годам

тела их мощью исполнились,

*предел возмужания наступил,
в сильных молодцев превратились,
быстроногими молодцами стали [КД, стб. 604].*

В данном промежутке жизни богатыря день приравняется к году. Скоротечность времени взросления героя оправдана следующим:

1) быстрее приближаются главные события в олонхо, связанные с взрослым и фантастически сильным богатырём;

2) тем самым подчеркивается неземное, нечеловеческое, божественное происхождение эпического богатыря.

В обозначении эпического времени могут быть закодированы и другие понятия. Так, в олонхо отрезок эпического времени указывает не только на длительность происходящего, но и на сакральную значимость предмета, объекта, события и т.д.

*Биирдэ икки уол аттарын, сизтэн аџалан,
Тоџус кураанах кур тиити буланнар,
Тоџус хонукка ланкыначчы баайдылар, –
Хаппар кунгнарын хайа астахха
Хаан тахсыбат гына,
Хатаран куурдан баран,
Бастын сэргэлэригэр аџалан
Баайан кэбистилэр.*

Богатырского коня привязывают на девять суток, чтоб конь выстоялся так, что:

*[Аттарын]... тоџус кураанах кур тиити буланнар,
Тоџус хонукка... баайдылар, –
Хаппар кунгнарын хайа астахха
Хаан тахсыбат гына,
Халын кунгнарын тобулу астахха
Симэнин сүүрбэт гына
Хатардан-куурдан баран,
Бастын сэргэлэригэр аџалан
Баайан кэбистилэр.*

*Разыскали девять сухостойких листовенниц,
Привязали к ним [коней] на девять суток –
Для того чтобы закалить их;*

*Если [таких коней] бедренную мышцу прободать –
Кровь не выступит;
Если толстую мышцу проколоть –
Сукровица не вытечет.
Потом привели коней... к почтенной коновязи
И привязали` [КК, стб. 8360-8370].*

В данном примере отмеченный отрезок эпического времени не только сакрализует происходящее, но и в конечном итоге показывает необычную, неземную сущность эпического коня. Подготовленный таким образом эпический конь становится неуязвимым.

Рассмотрим, как описывается нож богатыря:

*Сэттэ кытарах дьахтар
Эмиийин үүтүгэр хатарыллыбыт,
Идэмэрдээх Илбис Хотунга
Сэттэ түүн иһэрдиллибит,
Оботтоох Урдус Хотунга
Тобус хонукка уһаардыллыбыт...
Олуй-молуй быһах...
`В грудном молоке
Семи нерожавших женщин выдержанный,
У коварной Илбис Хотун
В течение семи ночей спаянный,
У алчной Урдус Хотун
В течение девяти дней крепко закаленный,
...Короткий толстый нож` [КД, стб. 2043-2050].*

Создаётся впечатление об особом ноже, количество дней попутно указывает на качество эпического объекта.

Немыслимо долгий период времени в олонхо обозначается в сочетании с существительным үйэ ‘век’:

*Үс үйэ тухары
Үөрүктүйбүт көбүлбүн
Өһүллэбим буоллун
`В течение трёх веков
Нечесанную гриву свою приглаживая` [МЭС, стб. 6370].*

Так сказители говорят, желая сообщить, что наступил долгожданный, особо торжественный день.

*Тобус үйэ тухары,
Тунах ыһыабынан торолуйбут
Чугдаан бухатыыр
`На девять веков-поколений
Пышным ысыахом прославившийся
Чугдаан Богатырь` [КД, стб. 828].*

Выражения *үс үйэ* ‘три века’, *түөрт үйэ* ‘четыре века’, *тобус үйэ* ‘девять веков’ не имеют конкретного количественного воплощения, а исполняют роль специфического знака, условно обозначая особенность происходящего. Использование традиционных эпических числительных дополнительно сакрализует эпическое время.

Следует добавить, что выражение *үс үйэ [тухары]* является постоянным эпитетом, обозначающим неопределенно долгое время. В устном народном творчестве это выражение часто встречается в заклинательных песнях-алгысах и придает содержанию положительный смысл:

*Үс үйэ тухары
Үллэр дьолбут соргубут
Өрөгөйдүү үүнэ туруохтун,
`Пусть на три века
умножающееся счастье-благополучие наше
увеличивается-возрастает` [МЭС, стб. 890].
*Үс үйэни олон, төрдүс үйэни төрүттүбүт
Уун дьоллоох, кэтит кэскиллээх...
Хараххан Тойон;
`Живёт три века, начав четвёртый
в великом счастье, большом благополучии...
господин Хараххан` [ЭС, с. 50].**

Также может встречаться в проклинательных текстах, где, наоборот, может придать тексту отрицательное звучание:

*Төрөтөр оҕон
Уол оҕон
Оноҕоһунан оонньуурун саҕана,
Кыыс оҕон*

*Кыптыыйынан кырпалыы оонньуурун саѳана,
Сэргэн төрдүгэр хатанаммын
Хара хапсыыр буолан,
Үс үйэ тухары
Өнүпэтим буолуо...*

*`В будущем, когда рожденным тобою детям,
Сыну твоему
Стрелами забавляться время придёт,
Дочери твоей
Ножницами бойко
резать-играть время наступит, –
Я, черной весенней стужей оборотьясь,
У подножия коновязи твоей схоронясь,
Черной весенней стужей мороза,
На три века потомкам твоим
Житья не дам...` [МЭС, стб. 4092].*

Таким образом, эпическое время – понятие ёмкое. Оно всегда условно, не имеет конкретного количественного воплощения. Посредством эпического времени может определяться длительность событий. Эпическое время, выраженное сочетанием числительного, может указывать на качество эпических объектов, служить дополнительным условным знаком, характеризующим сакральность эпических понятий. Изображение времени и поэтика олонхо находятся в тесной взаимосвязи.

2.2.7. Числительные в качестве постоянного эпитета

Рассмотрим использование числительного *три* в качестве постоянного эпитета (ПЭ). Под постоянным эпитетом мы, следуя за П.Д. Уховым, О.И. Богословской, будем понимать наиболее распространённые, чаще других употребляемые эпитеты, которые прослеживаются обычно в различных жанрах устной поэзии в течение длительного времени [Ухов, 1958, с. 160-161; Богословская, 1970, с. 26]. В конце исследования из множества определительных конструкций, в том числе эпитетов, попытаемся вычленить постоянные эпитеты с использованием числительных. Но, прежде чем приступить к изложению материала, позволим

себе процитировать высказывание В.Я. Проппа: «Постоянный эпитет применяется для признаков, которые народ считает постоянными и необходимыми, которые он повторяет не вследствие творческого бессилия, а потому, что вне данного признака, предмет для эпической поэзии невозможен» [Пропп, 1958, с. 530].

Следуя вышеназванной формулировке, под ПЭ мы понимаем наиболее частотные, прослеживающиеся в различных текстах устойчивые сочетания, состоящие из двух слов – определения и определяемого, когда числительное в качестве определения сливается с определяемым словом. Такие случаи весьма редки в текстах олонхо. Нами зафиксированы следующие словосочетания.

Икки атахтаах, икки атах. Эпитетный двучлен *икки атах*, или *икки атахтаах* (букв.: двуногий) является постоянным эпитетом для человека, рода людского: *Бу тааһы иннинэн сирэйдээх икки атахтаах киһи кэтэбүөх ыйааба-соруга суоҕа этэ эбээт. 'Не было предназначения и закона, чтобы смог его поднять ступающий двумя ногами, имеющий лицо спереди'* [НБС, стб. 519].

Интересно отметить, что эпитет *двуногий*, по всей вероятности перекочевавший из олонхо в эвенкийский эпос, означает в нимнгангане не человека вообще; эпитетом *двуногий* и *двурукий* наделяется противник эвенкийского богатыря – якутский богатырь [Эвенкийские..., 1990, с. 378]:

Не уступай двуногому,

Не поддавайся двурукому,

Не дай толкнуть тому, у кого в суставах вода,

Не дай свалить тому, у кого костистая грудь [ХСБ, стб. 1645].

Ус саха. В данном случае числительное `три` настолько слилось с определяемым существительным, что представляет с ним одно целое и используется в значении `все якуты, якутский народ, всё человечество`. Зафиксировано почти во всех анализируемых текстах.

Ус хара (бараа) күлүк. Это постоянный эпитет для древнего якута:

Тоҕус үйэ бодотун тухары

Босхо бастаах,

Ус бараа хара күлүктээх

Бытарыйар буор куттаах

Борон ураанхай саха...

букв.: *На протяжении девяти веков
Со свободно вращающейся головой,
Со сгибающимися коленями
Три темные тени бросающий
С рассыпающейся прахом Земля-душой (буор кут)
Смуглый якут-ураанхай` [ӨБ, с. 143].*

В олонхо встречается выражение *үс хара (бараа) күлүккэр үнэбин* [букв.: молюсь (кланяюсь) трем твоим темным теням]. Так говорят, когда обращаются с мольбой к почитаемому человеку, иногда духу-хозяйке Среднего мира Аан Алахчын Хотун. Иносказательный смысл данного изречения сводится к следующему: *высокопочтенный, боготворимый, богом сотворенный`*:

[Сабыяа Баай хотун Ньургун Боотурга]

Суон ойуур курдук дурда буол,

Халын ойуур курдук хахха буол!...

Хоолдуктаах бэйэм хонкуйа турабын,

Сүһүөхтээх бэйэм сүгүрүйэ турабын,

Үс бараа хара күлүккэр

Үнэн сүөдэлдьийэ турабын!...

[Госпожа Сабыяа Баай богатырю Нюргуни

Стремительному]

Будь ты нам оградой, словно толстый лес

Будь ты нам защитой, подобно широкому лесу...

В шею и вся я гнусь перед тобою,

Всеми суставами кланяюсь тебе,

Трем твоим темным теням,

Стою, кладу поклоны [НБС, стб. 178].

Следующая определительная конструкция: *үс өргөстөөбүнэн* зафиксирована во многих олонхо:

[Бухатыыр уоллара]

Үн тиэрбэһин курдук

үс өргөстөөбүнэн өрө көрбүт,

Хатыы-тутуу курдук

хааннаабынан хаһылаччы көрбүт;

*‘[Парень-богатырь]
Взгляд его как железное кольцо удил,
Трехлучистый, острый
Взор его колючий и упрямый
Налит кровью...’ [ТНБ, с. 88].*

Ус өргөстөөбүнэн – украшающий эпитет. Означает острый, лучистый, пронзительный взгляд. В олонхо данным эпитетом нарекается непременно добрый взгляд человека, птицы-стерха и т.д.:

*Ус өргөстөөбүнэн
Өрө көрөн бүдүүлээбэтэх... халлаана
‘Люди трёх племён,
трёхлучистый свой взор вверх вперив,
разглядеть не могут,...
такое чистое, гладкое небо’ [КД, стб. 10].*

Ус үөстээх. В этом примере числительное настолько сильно слилось с определяемым словом, что образовался новый сложный эпитет, состоящий из двух компонентов, с устрашающим оттенком. А устрашающий оттенок придаёт числительное *три*. Выше мы говорили, что эпитет *ус үөстээх* обозначает то место, где герою предстоит пройти суровое испытание. Словосочетание переключалось из языка устного народного творчества в современный литературный язык. В настоящее время – это поэтический эпитет, характеризующий реку Лену. В «Якутско-русском словаре» *ус үөстээх Өлүөнэ өрүс* переводится как ‘трёхрусловая Лена-река’ [ЯРС, с. 456]. В современном литературном языке постоянный эпитет *ус үөстээх* участвует в создании восхитительного образа мощи и величия могучей реки. У поэта Сергея Васильева есть произведение, посвящённое реке Лене, откуда приведем несколько строк:

*Үргүбүт үөр сылгылыы
Үрэллэ, аймана сырсар
Үллэр балаһа долгуннаах,
Үмүрүйэ-чөмөрүйэ тардыллар
Үлүскэннээх дохсун сүүрүктээх
Ус үөстээх Өлүөнэлиир эбэккэм[СВ ТА, с. 126].
досл.: ‘словно разбежавшийся
от испуга табун лошадей,*

*[имеет] бурно поднимающиеся волны,
сжимающиеся, разжимающиеся,
[имеет] бурное стремительное течение,
трёхрусовая матушка-Лена’.*

В другом произведении народный писатель Кюннюк Урастыров сравнивает народную силу, народную волю с весенним половодьем трёхрусовой Лены-реки:

*Урукку үйэбэ сүүһүнэн сылларга
утуйбут норуотум уһуктан турбута, –
Үлүскэн күүстэрэ өрүтэ күүрэннэр,
үс үллэр үөстэрдээх Өлүөнэ өрүһүм
Халаанын уутунуу дьалкыйан тахсаннар
хараабат уобунан саганы айбыта [КУ ТАИ, с. 174].*

*досл.: ‘В прошлые века на сотни лет уснувший
(мой) народ проснулся,
взметнулась мощная сила (его),
сильно разливаясь (вздуваясь),
как в дни половодий
трехрусовой Лены-реки,
неиссякаемой мощью начала новое творить’.*

Как видим, эпитет из олонхо, утратив присущий ему в эпосе устрашающий оттенок, перешёл в современный поэтический язык в значениях ‘мощь и величие’.

* * *

Таким образом, в эпосе олонхо числительные наделены сакральным значением, а следовательно, содержат в себе определенную зашифрованную информацию, восходящую к древним воззрениям.

Сакральная «тройка» – это способ описания эпического пространства, вслед за трехчастным космосом эпитетом «три» наделяются многие объекты микрокосма. Также сакральное значение присутствует в выражении *үс хара (бараа) күлүктээх `три темные тени бросающий`*, которое связано с представлением древнего якута о трёх душах человека – *ийэ кут* (мать-душа), *салгын кут* (воздух-душа), *буор кут* (земля-душа). Интересно отметить, что народное поверье о наличии у здорового человека трех теней живо и в наше время.

В эпосе олонхо числа с сакральной символикой *восемь* и *девять* являются эпитетами для многих мифологических объектов. При этом наблюдается интересная закономерность: чётное число *восемь* выступает эпитетом, указывая на те или иные особенности в горизонтальной плоскости, а нечетные числа *три* и *девять* выступают эпитетом по вертикальной оси.

Число *семь* имеет мистическое, сакральное значение при описании Нижнего мира, число *девять* присутствует при описании шаманской космологии.

Сакральные числа являются эпитетами для ритуальных предметов и объектов (чорона, ритуальной ложки, сэргэ и т.д.), т.е. являются кодовыми, обозначая священный, божественный признак данных предметов.

Употребление имен числительных в эпосе олонхо имеет свою специфику, в которой отражены поэтические особенности языка олонхо, своеобразии народной психологии.

Числительные в олонхо – это символ множества и громадности. Число *три* преимущественно условно означает «много», «все». Всё человечество, обитающее в Среднем мире, называется *үс биш ууһа*, `весь якутский народ` – *үс саха*, а вся Вселенная – *үс дойду* и т.д.

Числительные *икки*, *үс*, *сэттэ*, *абыс*, *тобус* являются значимыми компонентами сложных по составу украшающих эпитетов. В частности, украшающий эпитет при описании внешности красавицы содержит в себе сравнение, посредством которого через множество сияющих солнц усиливалась выразительность образа.

Числительные *соботох*, *биш* `один, единственный, одинокий`, участвующие в образовании эпитетов богатырей-абаасы, характеризуют (усиливают) отрицательные качества.

В описании внешнего вида персонажей участвует числовая характеристика, которая в сочетаниях с наименованиями народной метрологии указывает на фантастические, гигантские размеры богатыря.

В эпосе числительное используется как художественный прием гиперболизации, когда при описании силы и мощи героя, особых качеств коня богатыря, богатырского жилища и т.д. применяются традиционные числительные *үс*, *сэттэ*, *абыс*, *тобус* или их удесяттеренные варианты – *сэттэ уон*, *абыс уон*, *тобус уон*.

Определение эпического пространства осуществляется с использованием числительных в олонхо по-разному: сочетанием числительного и реалий народной метрологии, сравнением с чем-либо, где числительное `один` *бишр* не только означает количество, но и несет сопутствующий оттенок усиления чрезвычайно малой величины. Числительное в сочетании с термином *куннук сир* в олонхо может характеризовать расстояние при движении, например, расстояние, на которое отлетел, отскочил кто-либо.

Числительное является значимым компонентом при описании эпического времени. Время в олонхо дискретно. Последовательно прослеживающего все события, точного хронологического времени в эпосе нет. Эпическим временем отмечаются отдельные эпические события. Причем некоторые события протекают заведомо медленно, другие, наоборот, – фантастически быстро. Замедленность или быстротечность времени оправданы и достигаются при помощи своеобразного описания эпического времени, основным компонентом которого является числительное.

Несмотря на обилие эпитетов в языке олонхо, количество постоянных эпитетов с использованием чисел весьма ограничено. В данном случае нами зафиксированы следующие: *ус саха*, *ус бараа хара күлүк*, *ус өргөстөөбүнэн*, *ус үөстээх*, *изгэйэр икки атахтаах*. Постоянные эпитеты из языка устного народного творчества могут перейти и переходят в современный литературный язык, утратив при этом своё эпическое значение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Класс имен числительных – это один из активно употребляемых языковых средств устного народного творчества. «Излюбленные» числа в эпических традициях народов в основном совпадают. Но при детальном анализе обнаруживаются отличие внутренней смысловой нагрузки числительных в эпосах и проявление национальной специфики при употреблении имён числительных в фольклорных произведениях народов, причём большие отличия проявляются при сравнении с числительными не родственными по языковому признаку народов.

Имена числительные органично входят и активно функционируют в художественной системе эпической традиции якутов – олонхо. В числительных олонхо отчётливо отразились следы мифологических представлений, особенность способа мышления древнего якута, который в описаниях своего жизненного пространства посредством числовой символики воспроизводил модель мира. Такой принцип освоения окружающего мира не только наблюдался в олонхо, но и весьма активно воплощался в повседневной жизни, в частности, в жилищных и хозяйственных постройках наших предков.

Имена числительные в эпосе олонхо теряют свое конкретное значение, являются своеобразным символом, и их употребление связано с древнейшими мировоззренческими понятиями и с определенными закономерностями эпической поэтики.

Числительные при сочетании с существительными преимущественно употребляются в лексико-тематических группах «Эпические объекты и мир вещей», «Природный мир» и «Обитатели Верхнего, Среднего, Нижнего миров».

При определении эпической природы используются преимущественно числительные с сакральной символикой. Это показывает, что в олонхо природа – не только сфера изображения, но и объект поклонения. Отсюда неподвижность, статичность ключевых природных объектов,

наделение их самой разнообразной эпитетикой, в том числе числовой. В этой сфере обнаруживается множество клишированных сочетаний и постоянных эпитетов с использованием числительных.

При сочетании с существительными, обозначающими усадьбу, жилище, домашнюю утварь, оружие, украшения, одежду, числительные в основном используются как художественный прием эпической гиперболизации, создают яркие зрительные образы. Это показывает, что данная сфера является основным фоном при изображении, своеобразным «подручным материалом» при создании многообразного красочного эпического мира.

Олонхосут при описании предмета, объекта, устремляя взор по вертикальной оси, использует в качестве эпитета нечетные числа *три*, *девять*, а когда он направляет взгляд по горизонтальной плоскости вокруг описываемого предмета, то употребляет четные числа *четыре*, *шесть*, *восемь*. Приведенные примеры дают основание утверждать, что горизонтальное описание имеет признак чётности, вертикальное – признак нечётности.

Природные явления (раскат грома, пурга, буря и т.д.) всегда превосхищают какие-либо грозные события. Эти существительные интенсивно украшаются эпитетами-числительными, которые привносят в образ устрашающий эффект.

При обозначении божеств, мифических персонажей употребляются традиционные числительные с сакральной значимостью. Из обитателей Среднего мира наиболее часто числительными-эпитетами наделяются простые люди, прислуга.

Сакральная символика, присущая наиболее архаическим эпосам, – характерная черта эпических числительных олонхо. Такая черта свойственна числительным тюрко-монгольским эпосов, тогда как в былине она почти не проявляется. В эпических числительных *үс* (три), *сэттэ* (семь), *абыс* (восемь), *тобус* (девять) обнаруживается сакральная символика, заложенная на основе мифологических воззрений древнего якута. Это проявляется во всем, начиная с трёхчастной структуры эпической Вселенной, кончая предметами домашней утвари.

Принято считать, что религиозный обряд и мифы тесно связаны между собой. Притом обряд представляет как бы инсценировку мифа

[Мифы..., 1982, с. 233-236]. Поэтому в олонхо те же сакральные числительные имеют определенную обрядовую основу. Так, *три, девять* стали необходимыми и устойчивыми компонентами магических обрядов.

Олонхо стремится к масштабности. В описаниях, содержащихся в них, гигантских астрономических понятиях универсальным языковым средством является числительное. Причём абсолютное большинство употребляемых числительных в олонхо – это числительные первого десятка. Таким образом, посредством малых величин в олонхо обрисовывается масштабное. Числительные в поэтике олонхо несут качественно гиперболизирующую функцию.

Символический характер эпических чисел в обозначении пространства и времени подтверждает также материал якутского олонхо, а о его типологической древности, в отличие от других эпосов, свидетельствует большая мифологичность эпического времени и эпического пространства.

В эпическом произведении якутов числительные бинарно противопоставляются, символически указывая на принадлежность определяемого понятия к той или иной категории, при этом несут дополнительную смысловую, или положительную, или отрицательную нагрузку. Так, при наделении определениями-числительными персонажей олонхо четко усматриваются симпатии и антипатии древнего якута. Например, в системе бинарных оппозиций определяется доброе и злое начало, где кодовыми элементами являются числительные. Мужское и женское начала также могут отражаться посредством числительных. Числительные становятся средством ритмической организации эпического стиха; находясь в начале стихотворной строки, они являются «стихообразующим элементом» и влияют на организацию всего стиха в целом, т.е. выполняют композиционную функцию. Поэтическая и мифологическая природа эпических числительных своеобразна. Исследование числительных, их художественной функции и сакральной символики, в целом в устном народном творчестве представляется актуальной проблемой. Изучение поэтики фольклора в этом направлении позволит нагляднее представить специфику древнейших мировоззренческих представлений, глубже постичь животворные традиции народной фантазии, своеобразие народной психологии, общее и особенное в духовной культуре разных народов.

Список сокращений

АБ – Т.В. Захаров-Чээбий. Ала Булкун / записан В.Н. Васильевым // Образцы народной литературы якутов / под ред. Э.К. Пекарского. – Вып. 2. – Якутск, 1994.

АМ – Аламжи Мэргэн / Бурятский героический эпос / вступ. ст., подгот. текстов, перевод, комментарий М.И. Тулохонова. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 312 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

АХ – Ай-Хуучин / Хакасский героический эпос / запись и вступ. ст., подгот. текста, примеч. и коммент., прил. В.Е. Майногашевой. – Новосибирск : Наука. Сиб. предпр. РАН, 1997. – 479 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

БКБШ – Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей / Тувинские героические сказания / сост. С.М. Орус-оол. Новосибирск : Наука. Сиб. предпр. РАН, 1997. – 584 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка / под общ. ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2007. – Т. IV. – 671 с.

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка / под общ. ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2009. – Т. VI. – 518 с.

ДШ – Две шаманки // Якутский фольклор / тексты и переводы А.А. Попова. – М. : Сов. писатель, 1936. – 322 с.

ДьДь – П.П. Ядрихинская-Бэдьээлэ. Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр: олонхо/ запись, послесл. и коммент. П.Н. Дмитриева. – Дьокуускай, 1981. – 200 с.

КД – Н.П. Бурнашов. Кыыс Дэбилэй / Якутский героический эпос / подгот. текста П.Н. Дмитриева, В.В. Илларионова, Л.Д. Нестеревой. – Новосибирск : Наука, 1993. – 328 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

КК – И.Г. Тимофеев-Теплоухов. Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур / запись В.Н. Васильева, подгот. текста Э.К. Пекарского, Г.У. Эргиса. – М. : Глав. ред. вост. лит-ры, 1985. – 606 с. (Серия «Эпос народов СССР»).

КУ ТА – Урастыров Кюннюк.Талыллыбыт айымнылар / Избранные произведения. – Якутск, 1977. – Т. I. – С. 174.

КУ ТДь – Кюннюк Урастыров. Тойон Дьаҕарыма. – Якутск : Кн. изд-во, 1959. – 330 с.

КЭ – Н.И. Степанов-Ноорой. Күн Эрили / Якутский героический эпос / запись, подгот. текста и коммент. П.Н. Дмитриева. – Якутск, 1995. – 180 с.

МК – Маадай-Кара. Алтайский героический эпос / запись и перевод С.С. Суразакова, подгот. тома, вступит. статья И.В. Пухова. – М. : Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1973. – 474 с.

МЭС – В.О. Каратаев. Модун Эр Соҕотох / Якутский героический эпос / под ред. Н.А. Алексеева, Н.В. Емельянова. – Новосибирск : Наука. Сиб. издат. фирма РАН, 1996. – 440 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

НБС – К.Г. Оросин. Дьулуруйар Ньургун Боотур / редакция текста, пер. и коммент. Г.У. Эргиса. – Якутск : Госиздат ЯАССР, 1947. – 410 с.

ПАО ТА IV – П.А. Ойунский. Талыллыбыт айымньылар (Избранные произведения). – Якутск : Кн. изд-во, 1959. – Т. 4: Дьулуруйар Ньургун Боотур (олонхо). – 314 с.;

ПАО ТА VII – П.А. Ойунский. Талыллыбыт айымньылар (Избранные произведения). – Якутск : Кн. изд-во, 1962. – Т. 7. – 224 с.

ПЕК – Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка ; в 3 т. – 2-е изд. – М. : АН СССР, 1959.

СВ ТА – С.С. Васильев. Талыллыбыт айымньылар (Избранные произведения). – Якутск, 1967. – С. 126.

СуоДБ – И.И. Бурнашев-Тон Суорун. Сылгы уола Дырай Бухатыыр / зап. Г.У. Эргис, пер. Е.С. Сидоров / ИГиИПМНС СО РАН ; СВФУ им. М.К. Аммосова ; НИИ «Олонхо» СВФУ. – Якутск : Изд. дом СВФУ, 2013. – 376 с.

ТНБ – Тойон Ньургун Бухатыыр / запись со слов Н. Попова // Образцы народной литературы якутов, собр. Э.К. Пекарским. – Ч. I, вып. 2. – СПб., 1911.

ӨБ – Өлбөт Бэргэн / со слов Н. Абрамова // Образцы народной литературы якутов, собр. Э.К. Пекарским. – Ч. I, вып. 2. – СПб., 1911.

ХК – Хунан-Кара / Тувинские героические сказания / сост. С.М. Орус-оол. – Новосибирск : Наука. Сиб. предпр. РАН, 1997. – 584 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

ХСБ – Храбрый Содани-богатырь / Эвенкийские героические сказания / сост. А.Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд., 1990. – 392 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

ЭС – А.Я. Уваровской. Эр Соҕотох (1848 г.) // А.Я. Уваровской. Ахтыгылар. – Якутск, 1992.

ЯРС – Якутско-русский словарь / под ред. П.А. Слепцова. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – 608 с.

Литература

1. *Алиева, А.И. и др.* Опыт системно-аналитического исследования исторической поэтики народных песен / А.И. Алиева, Л.А. Астафьева, В.М. Гацак, Б.П. Кирдан, И.В. Пухов // Фольклор. Поэтическая система. – М. : Наука, 1977. – С. 42-105.
2. *Аммосова, Т.П.* Математические знания и представления якутов / Т.П. Аммосова. – Ч. 1. – Якутск : Бичик, 1994. – 72 с.
3. *Анисимов, А.Ф.* Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований / А.Ф. Анисимов. – М. ; Л., 1958. – 235 с.
4. *Аркадьева, Т.Г. и др.* Словарь русских историзмов / Т.Г. Аркадьева, М.И. Васильева, В.П. Проничев, Т.Г. Шарри. – М. : Высшая школа, 2005. – 230 с.
5. *Арнольд, И.Д.* Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования : уч. пос. для студ. фак-тов и ин-тов иностр. языков / И.Д. Арнольд. – Л. : Просвещение, 1973. – 303 с.
6. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 9. Ед. хр. 10. Л. 15.
7. *Аханянова, Н.А.* Поэтический синтаксис олонхо и характер эпической эпитетации / Н.А. Аханянова // Фольклор и современная культура. – Якутск, 1991. – С. 120-139.
8. *Аханянова, Н.А.* К вопросу о мифологической основе солярно-лунарной символики в эпической традиции якутов / Н.А. Аханянова // Язык – миф – культура народов Сибири. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1994. – Вып. 3. – С. 194-207.
9. *Багаев, Е.Г.* О некоторых числовых символах / Е.Г. Багаев // Русская речь. – 1997. – № 2. – С. 72-75.
10. *Багдарыын Сүлбэ. Үс... Сэтгэ... Тобус...* / Багдарыын Сүлбэ. – Дьокуускай : Бичик, 1998. – 192 с.
11. *Бахтин, М.М.* Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 502 с.
12. *Башарина, А.К.* Семантика цветообозначений в фольклорных текстах (опыт сопоставительного анализа на материале якутских олонхо и русских былин) : автореф. дис. ... к. филол. н. / А.К. Башарина. – М., 2000. – 20 с.
13. *Берман, Г.Н.* Число и наука о нём / Г.Н. Берман. – М. : Гос. изд-во техн.-теорет. лит., 1954. – 164 с.
14. *Богословская, О.И.* К вопросу о постоянстве эпитета / О.И. Богословская // Исследования по стилистике // Учен. зап. Пермского ун-та. – Пермь, 1970. – 244. – Вып. 3. – С. 93-98.
15. *Боло, С.И.* Прошлое якутов до прихода русских на Лену (По преданиям якутов бывшего Якутского округа) / С.И. Боло. – Якутск : Бичик, 1994. – 352 с.
16. *Бородин, А.И.* Число и мистика / А.И. Бородин. – 2-е изд. – Донецк : Донбасс, 1972. – 143 с.
17. *Бурцев, Д.Т.* Якутский эпос олонхо как жанр / Д.Т. Бурцев. – Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. – 85 с.
18. *Бурцев, Д.Т.* Описательность в олонхо / Д.Т. Бурцев // Вестник Академии духовности РС (Я). – Якутск, 1999. – № 3(10). – С. 6-9.
19. *Буяхаева, Л.И.* Лексико-стилистические особенности языка эхирит-булагатского варианта эпоса «Гэсэр» : автореф. дис. ... к. филол. н. / Л.И. Буяхаева. – Улан-Удэ, 2000. – 19 с.

20. *Быконя, В.В.* Имя числительное в картине мира селькупов / В.В. Быконя. – Томск, 1998. – 261 с.
21. *Васильев, Г.М.* Якутское стихосложение / Г.М. Васильев. – Якутск : Книгоиздат, 1965. – 128 с.
22. *Васильев, Г.М.* Живой родник. Об устной поэзии якутов / Г.М. Васильев. – Якутск : Кн. изд-во, 1973. – 304 с.
23. *Васильев, С.С.* Талыллыбыт айымньылар (Избранные произведения) / С.С. Васильев. – Якутск, 1967. – С. 126.
24. *Васильев, Ф.Ф.* Военное дело якутов / Ф.Ф. Васильев / под ред. Д.Г. Саввинова. – Якутск : Бичик, 1995. – 224 с.
25. *Виноградов, В.В.* Язык художественного произведения / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1954. – № 5. – С. 10-20.
26. *Виташевский, Н.А.* К материалам о якутских сказках / Н.А. Виташевский // Живая старина. – Пг. : Тип. Имп. АН, 1914. – Вып. 2-3. – С. 449-466.
27. *Воскресенский, В.Д.* К изучению темы «Имя числительное» / В.Д. Воскресенский // Русский язык в школе. – 1957. – № 1. – С. 49-52.
28. *Габышева, Л.Л.* Семантические особенности слова в фольклорном тексте (на материале якутских олонхо) : автореф. дис. ... к. филол. н. / Л.Л. Габышева. – М., 1986. – 20 с.
29. *Габышева, Л.Л.* Функции числительных в мифопоэтическом тексте на материале олонхо / Л.Л. Габышева // Язык – миф – культура народов Сибири. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1988. – С. 78-92.
30. *Габышева, Л.Л.* К семиотической интерпретации функций чорона / Л.Л. Габышева // Фольклор и современная культура. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1991. – С. 115-119.
31. *Габышева, Л.Л.* Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти / Л.Л. Габышева. – Новосибирск : Наука, 2009. – 143 с.
32. *Гарипов, Т.М.* Об историко-этимологических словарях отдельных тюркских языков / Т.М. Гарипов, Я.А. Чанышев // Лексика и морфология тюркских языков. – Новосибирск, 1982. – С. 27-42.
33. *Гизатуллина, Л.Р.* Нумерологические фразеологические единицы в английском и татарском языках : автореф. дис. ... к. филол. н. / Л.Р. Гизатуллина. – Уфа, 2004. – 24 с.
34. *Гоголев, А.И.* Основные сюжетные вариации в якутской мифологии / А.И. Гоголев // Язык – миф – культура народов Сибири. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1988. – С. 93-102.
35. *Гоголев, А.И.* Модель мира в мифологических представлениях якутов / А.И. Гоголев // Языки, культура и будущее народов Арктики. – Якутск, 1994. – С. 73-76.
36. *Гоголев, А.И.* Эпико-мифологический мир саха / А.И. Гоголев // Язык – миф – культура народов Сибири. – Вып. IV. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1996. – С. 10-21.
37. Грамматика современного якутского литературного языка. – Т. 1: Фонетика и морфология. – Новосибирск : Наука, 1982. – 495 с.
38. Грамматика современного якутского литературного языка. – Т. 2: Синтаксис. – Новосибирск : Наука, 1995. – 336 с.
39. *Давыдова, О.А.* Числительные в русских поговорках и пословицах / О.А. Давыдова // Научные труды Курского пединститута / Специфика фольклорной лексики и фразеологии. – Курск, 1978. – С. 15-27.
40. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М. : Рус. яз., 1978-1980.

41. *Дмитриев, П.Н.* Эпические формулы в олонхо / П.Н. Дмитриев // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока : матер. Всесоюз. конф. фольклористов. – Якутск, 1978. – С. 118-120.
42. «Джангар» и проблемы эпического творчества : материалы международной научной конференции (22-24 августа 1990 г.). – Элиста : АПП «Джангар», 2004. – 542 с.
43. *Дьячковская, М.Н.* Аллитерация и рифма в якутской поэзии: Проблемы эволюции и классификации / М.Н. Дьячковская. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1998. – 153 с.
44. *Евсюков, В.В.* Мифы о вселенной / В.В. Евсюков. – Новосибирск : Наука, 1988. – 176 с.
45. *Емельянов, Н.В.* Якутские мифы и олонхо / Н.В. Емельянов // Поэтика эпического повествования. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1993. – С. 3-19.
46. *Ефремов, П.Е.* Долганское олонхо / П.Е. Ефремов. – Якутск : Кн. изд-во, 1984. – 132 с.
47. *Жирмунский, В.М.* К вопросу об эпитете / В.М. Жирмунский // Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л. : Наука, 1977. – С. 355-361.
48. *Жондорова, Г.Е.* О функционировании русизма *куруубай* в языке олонхо (на материале олонхо «Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур») / Г.Е. Жондорова // Язык – миф – культура народов Сибири. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1994. – Вып. 3. – С. 189-193.
49. *Жуковская, Н.Л.* Категория и символика традиционной культуры монголов / Н.Л. Жуковская. – М. : Наука, 1988. – 196 с.
50. *Жуковская, Н.Л.* Семантика чисел в калмыцком эпосе «Джангар» / Н.Л. Жуковская // «Джангар» и проблемы тюрко-монгольского творчества тюрко-монгольских народов. – М., 1980. – С. 207-212.
51. *Жуковская, Н.Л.* Число в монгольской культуре / Н.Л. Жуковская // Археология, этнография, антропология монголов. – Новосибирск, 1987. – С. 241-258.
52. *Жуковская, Н.Л.* Число девять как символ полноты и завершенности в архаическом мировоззрении и традиционной культуре (на монгольском материале) / Н.Л. Жуковская // Шаманизм как религия: генезис, реконструкция, традиции. – Якутск, 1992. – С. 9-10.
53. *Жураев, Маматкули.* Магические числа в узбекских народных сказках (исторические основы и поэтические функции) : дис. ... к. филол. н. / Маматкули Жураев. – Ташкент, 1987. – 180 с.
54. *Завадская, Е.* Эстетика числа в китайской живописи / Е. Завадская // III летняя школа по вторичным моделирующим системам : тез. – Тарту, 1968. – С. 147-149.
55. *Захаров, Ф.Ф.* Бытйя / Ф.Ф. Захаров. – Якутскай, 1990. – С. 136.
56. *Зыков, Ф.М.* Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов. XIX – начало XX вв. Историко-этнографическое исследование / Ф.М. Зыков. – Новосибирск, 1986. – С. 103.
57. *Иванов, В.В.* Числовые характеристики римской мифологии и ритуалов / В.В. Иванов // III летняя школа по вторичным моделирующим системам : тез. – Тарту, 1968. – С. 124-127.
58. *Иванов, С.В.* Числовая символика и пол в представлениях и обрядах народов Азии / С.В. Иванов // Страны и народы Востока. – Вып. XXV: География, этнография, история. – М. : Наука, 1987. – С. 179-185.
59. *Иванова, З.П.* Типични числа въ българската народна песни / З.П. Иванова // Известия на семинара по славянска филология при университета въ София. – 1921. – Кн. IV. – С. 513-529.

60. *Ионов, В.М.* К вопросу об изучении дохристианских верований / В.М. Ионов // Сб. музея антропологии и этнографии. – Т. V, вып. I. – Пг., 1918. – С. 157.
61. *Ионова, О.В.* Жилые и хозяйственные постройки якутов / О.В. Ионова // Сибирский этнографический сборник. – М.; Л., 1952. – Т. 1. – 383 с.
62. *Иоселева, М.Я.* Происхождение магических чисел / М.Я. Иоселева // Страны и народы Востока. – Вып. IV. – М., 1965. – С. 239-241.
63. *Иохельсон, В.И.* Юкагиры и юкагизированные тунгусы / В.И. Иохельсон / пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Унаровой-Ивановой. – Новосибирск : Наука, 2005. – 675 с. – (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. – Т. 5).
64. *Кателина, Л.С.* Эпитеты художественного текста / Л.С. Кателина // Язык и стиль произведений фольклора и литературы : межвуз. сб. науч. тр. Воронежского ун-та. – Воронеж, 1986. – С. 59-67.
65. *Киекбаев, Дж. Г.* Программа курса «Введение в урало-алтайское языкознание» / Дж. Г. Киекбаев. – Уфа, 1967. – С. 22-23.
66. *Кириллин, В.М.* Символика чисел в древнерусских сказаниях XVI в. / В.М. Кириллин // Естественно-научные представления Древней Руси / отв. ред. д.и.н. Р.А. Симонов. – М.: Наука, 1988. – С. 76-111.
67. *Кириллин, В.М.* Символика чисел в литературе Древней Руси (XI-XVI века) / В.М. Кириллин. – СПб.: Алетейя, 2000. – 320 с.
68. *Кичиков, А.Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника / А.Ш. Кичиков. – Изд. 3-е, репринтное. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. – 320 с.
69. *Кондратов, А.М.* Звуки и знаки / А.М. Кондратов. – М.: Знание, 1978. – 208 с.
70. *Короленко, В.Г.* Собр. соч.: в 10 т. / В.Г. Короленко. – М., 1953. – Т. I. – С. 285.
71. *Кудияров, А.В.* Хронотоп и художественное пространство народного эпоса / А.В. Кудияров // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока : сб. науч. тр. – Якутск, 1991. – С. 23-66.
72. *Кулаковский, А.Е.* Материалы для изучения верований якутов / А.Е. Кулаковский. – Якутск : Тип. НКП, 1923. – 108 с.
73. *Кулаковский, А.Е.* Научные труды / А.Е. Кулаковский. – Якутск : Кн. изд-во, 1979. – 483 с.
74. *Кумахов, М.А.* Нартский эпос: язык и культура / М.А. Кумахов, З.Ю. Кумахова. – М.: Наследие, 1998. – С. 312.
75. *Леви Брюль, Л.* Первобытное мышление / Л. Леви Брюль. – М.: Атеист, 1930. – 339 с.
76. *Линденау, Я.* Описание якутов. Материалы, собранные с 1741 по 1745 г. / Я. Линденау // Якутский фольклор (хрестоматия) : учеб. пособие. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1989. – С. 6-20.
77. *Лихачев, Д.С.* Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – 3-е изд., доп. – М.: Наука, 1979. – 359 с.
78. *Лотман, Ю.М.* Семантика числа и тип культуры / Ю.М. Лотман // Статьи по типологии культуры. – Тарту, 1970. – С. 58-63.
79. *Макаров, Д.С.* Народная мудрость: знания и представления / Д.С. Макаров. – Якутск : Кн. изд-во, 1983. – 120 с.

80. *Медриш, Д.Н.* Структура художественного времени в фольклоре и литературе / Д.Н. Медриш // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л. : Наука, 1974. – С. 121-142.
81. *Миддендорф, А.Ф.* Путешествие на Север и Восток Сибири / А.Ф. Миддендорф. – Ч. 2, отд. 6: Коренные жители Сибири. – СПб., 1878. – 824 с.
82. *Миллер, Дж. А.* Магическое число семь плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию / Дж. А. Миллер // Инженерная психология. – М., 1964. – С. 192-225.
83. Мифы народов мира : энцикл.: в 2 т. – Т. I. – М., 1982.
84. *Молчанова, Л.А.* Народная метрология (к истории народных мер длины) / Л.А. Молчанова. – Минск, 1973. – С. 108.
85. *Муратова, Р.Т.* Символика чисел в башкирском языке : дис. ... к. филол. н. / Р.Т. Муратова. – М., 2009. – 197 с.
86. *Мяль, Л.Э.* Число «5» в буддизме : сб. ст. по вторичным моделирующим системам / Л.Э. Мяль. – Тарту, 1973. – С. 17-31.
87. *Неклюдов, С.Ю.* Заметки об эпической временной системе / С.Ю. Неклюдов // Учен. зап. Тартус. ун-та // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1973. – Вып. 306. – VI. – С. 151-165.
88. *Неклюдов, С.Ю.* Статистические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора / С.Ю. Неклюдов // Типологические исследования по фольклору : сб. ст. памяти В.Я. Проппа. – М. : Наука, 1975. – С. 182-190.
89. *Неклюдов, С.Ю.* Героический эпос монгольских народов / С.Ю. Неклюдов. – М., 1984.
90. *Нелунов, А.Г.* Якутско-русский фразеологический словарь / А.Г. Нелунов. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1998. – Т. 1. – 287 с.
91. *Новичкова, Т.А.* Традиционные числа в былинах / Т.А. Новичкова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1984. – Т. 43. – № 2. – С. 144-155.
92. *Новичкова, Т.А.* Эпос и миф / Т.А. Новичкова. – СПб. : Издат. фирма «Наука» РАН, 2001. – 248 с.
93. *Носов, М.М.* Якутская берестяная ураса / М.М. Носов. – Якутск : Изд. Якут. музея изобр. иск., 1954. – 31 с.
94. *Овалов, Э.Б.* Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов / Э.Б. Овалов. – Элиста : АПП «Джангар», 2004. – 184 с.
95. *Огибенин, Б.Л.* Дополнительные данные к индоевропейскому „penk“ «пять» в связи с символикой руки / Б.Л. Огибенин // III летняя школа по вторичным моделирующим системам : тез. – Тарту, 1968. – С. 120-123.
96. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М. : Изд-во «Русский язык», 1990. – 924 с.
97. *Ойунский, П.А.* Талыллыбыт айымньылар (Избранные произведения) / П.А. Ойунский. – Якутск : Кн. изд-во, 1959. – Т. 4. – 314 с.
98. *Ойунский, П.А.* Талыллыбыт айымньылар (Избранные произведения) / П.А. Ойунский. – Якутск : Кн. изд-во, 1962. – Т. 7. – 224 с.
99. *Орешкова, М.* Изразни формули въ българската народна песень / М. Орешкова // Известия на семинара по славянска филология при университета в София. – 1911. – Кн. III. – С. 252-300.

100. *Оросин, К.Г.* Дьбулуруйар Ньургун Боотур / К.Г. Оросин. – Дьокуускай, 1947. – 410 с.
101. *Осипова, А.А.* Семантика и символика лексем со значением числа в русской, английской и французской языковых картинах мира: опыт сопоставительного исследования: дис. ... к. филол. н. / А.А. Осипова. – М., 2008. – 209 с.
102. *Оссовецкий, И.А.* О языке русского традиционного фольклора / И.А. Оссовецкий // Вопросы языкознания. – 1975. – № 5. – С. 66-77.
103. *Панфилов, В.З.* Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты / В.З. Панфилов. – М. : Наука, 1977. – 287 с.
104. *Пекарский, Э.К.* Словарь якутского языка : в 3 т. / Э.К. Пекарский. – 2-е изд. – М. : АН СССР, 1959.
105. Песнь – Песнь о том, как исполин Алый Хонгор взял в плен и доставил живым Свирепого Шара Мангас-Хана // Овалов Э.Б. Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов. – Элиста : АПП «Джангар», 2004. – С. 131-172.
106. *Попов, Г.В.* К этимологии некоторых имён божеств якутской мифологии / Г.В. Попов // Фольклор и современная культура. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1991. – С. 60-65.
107. *Попова, Н.С.* Некоторые наименования мер длины антропо-метрического происхождения в якутском языке / Н.С. Попова // Актуальные вопросы якутской лексикологии и лексикографии : сб. науч. тр. – Якутск : ЯФ СО АН СССР, 1980. – С. 123-143.
108. *Поппе, Н.Н.* Монгольские числительные / Н.Н. Поппе // Языковедные проблемы по числительным. – Т. I. – Л., 1927.
109. *Потебня, А.А.* Из записок по русской грамматике : в 4 т. / А.А. Потебня. – М. : Просвещение, 1968. – Т. 3. – 551 с.
110. *Праведников, С.П.* Семантико-функциональная характеристика имени числительного в фольклорном тексте (на материале различных фольклорных жанров) : дис. ... к. филол. н. / С.П. Праведников. – Курск, 1993. – 207 с.
111. *Пропп, В.Я.* Русский героический эпос / В.Я. Пропп. – 2-е изд. – М. : Гослитиздат, 1958. – 603 с.
112. *Пропп, В.Я.* Фольклор и действительность / В.Я. Пропп. – М. : Наука, 1976. – 325 с.
113. *Путилов, Б.Н.* Застава богатырская: к структуре былинного пространства / Б.Н. Путилов // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1975. – Вып. VIII. – С. 52-64.
114. *Путилов, Б.Н.* Вступительная статья / Б.Н. Путилов // Героический эпос народов СССР. – Л. : Лениздат, 1979. – 752 с.
115. *Путилов, Б.Н.* Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса / Б.Н. Путилов. – СПб. : «Петербургское востоковедение», 1999. – 288 с. (Slavica petropolitana, V).
116. *Пухов, И.В.* Алтайский народный героический эпос / И.В. Пухов // Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. – М. : Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1973. – 474 с.
117. *Пухов, И.В.* Олонхо – древний эпос якутов / И.В. Пухов // Ньургун Боотур Стремительный. Якутский героический эпос. – Якутск : Кн. изд-во, 1975. – 432 с.
118. *Пюрбеев, Г.Ц.* Эпос «Джангар»: Культура и язык (этнолингвистические этюды) / Г.Ц. Пюрбеев. – Элиста, 1993. – 128 с.
119. *Радлов, В.В.* Опыт словаря тюркских наречий / В.В. Радлов. – СПб., 1893. – Т. 1. Ч. 2. – 542 с.

120. *Рамстедт, Г.И.* Введение в алтайское языкознание. Морфология / Г.И. Рамстедт. – М., 1957. – 203 с.
121. *Романова, Е.Н.* Якутский праздник ысыах. Истоки и представления / Е.Н. Романова. – Новосибирск : Наука, 1994. – 160 с.
122. *Романова, Е.Н.* «Люди солнечных лучей с поводами за спиной» (судьба в контексте мифоритуальной традиции якутов) / Е.Н. Романова. – М. : Тип. РАН, 1997. – 200 с.
123. *Рыбакова, И.В.* К вопросу о видах эпитетов / И.В. Рыбакова // Вопросы русского языка. – Ярославль, 1969. – Вып. 5. – С. 49-65.
124. *Саввинов, Н.Е.* Өбүгэлэрбит олохторо-дьаһахтара / Н.Е. Саввинов. – Дьокуускай, 1992. – 40 с.
125. *Самойлович, А.Н.* Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования / А.Н. Самойлович // Языковедные проблемы по числительным. – Л., 1927. – С. 146-147.
126. *Санжеев, Г.Д.* Грамматика калмыцкого языка / Г.Д. Санжеев. – М. ; Л., 1940. – С. 59.
127. *Севортян, Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / Э.В. Севортян. – М. : Наука, 1978. – 197 с.
128. *Семека, Е.С.* Типологические схемы четырёх- и восьмичленных моделей мира / Е.С. Семека // III летняя школа по вторичным моделирующим системам : тез. – Тарту, 1968. – С. 137-147.
129. *Серошевский, В.Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования / В.Л. Серошевский / под ред. Н.И. Веселовского. – 2-е изд. – М., 1993. – 736 с.
130. *Сивцев, Д.К.* Саха фольклора (Якутский фольклор) / Д.К. Сивцев. – Якутск : Кн. изд-во, 1970. – 336 с.
131. *Сидоров, Е.С.* Былыргы сахаба аан дойду уобараһа / Е.С. Сидоров // Хотугу сулус. – 1970. – № 7. – С. 114-116.
132. *Сидоров, Е.С.* Образ мира у древних якутов / Е.С. Сидоров // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока : матер. Всесоюз. конф. фольклористов. – Якутск, 1978. – С. 162-166.
133. *Сидоров, Е.С.* Представления древних якутов о душе / Е.С. Сидоров // Язык – миф – культура народов Сибири. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1994. – Вып. 3. – С. 106-118.
134. *Слепцов, П.А.* Якутский литературный язык: истоки, становление норм / П.А. Слепцов. – Новосибирск : Наука, 1986. – 262 с.
135. *Слепцов, П.А.* Лингвофольклористика: проблемы и задачи (на материале якутского фольклора) / П.А. Слепцов // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока : сб. науч. тр. – Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1991. – С. 95-102.
136. *Слепцов, П.А.* Язык олонхо: лексика, семантика / П.А. Слепцов // Якутский язык: лексикология, лексикография : сб. науч. тр. – Якутск : ЯНЦ СО АН СССР, 1989. – С. 5-21.
137. *Слепцов, П.А.* Якутский литературный язык: Формирование и развитие общенациональных норм / П.А. Слепцов. – Новосибирск : Наука, 1990. – 277 с.
138. *Солоухин, В.А.* Продолжение времени / В.А. Солоухин // Наш современник. – 1982. – № 1. – С. 85.
139. *Сравнительная историческая грамматика тюркских языков. Лексика.* – М. : Наука, 1997. – 799 с.

140. *Стеблин-Каменский, М.И.* Историческая поэтика / М.И. Стеблин-Каменский. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. – С. 174.
141. Строптивый Кулун Куллустуур. Якутское олонхо. – М. : Наука, 1985. – 608 с.
142. *Субракова, О.В.* Язык хакасского героического эпоса : автореф. дис. ... к. филол. н. / О.В. Субракова. – Алма-Ата, 1978. – 24 с.
143. *Супрун, А.Е.* Числительное / А.Е. Супрун // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 582-583.
144. *Сыркин, А.Я.* О триаде и тетраде / А.Я. Сыркин, В.Н. Топоров // III летняя школа по вторичным моделирующим системам : тез. – Тарту, 1968. – С. 109-119.
145. *Сыркин, А.Я.* Числовые комплексы в ранних упанишадах / А.Я. Сыркин // Учен. зап. Тартус. ун-та. – IV: Труды по знаковым системам. – Тарту, 1969. – Вып. 236. – С. 76-85.
146. *Сыркин, А.Я.* Числа / А.Я. Сыркин // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. – М., 1982. – Т. 2. – С. 629-631.
147. *Тенишев, Э.Р.* Тюркские «один», «два», «три» / Э.Р. Тенишев // Тюркологический сборник 1974. – М., 1978. – С. 110.
148. *Тодаева, Б.Х.* Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар» / Б.Х. Тодаева. – Элиста, 1976. – С. 529.
149. *Томашевский, Б.В.* Стилистика и стихосложение / Б.В. Томашевский. – Л. : Учпедгиз, 1959. – 535 с.
150. *Топоров, В.Н.* О числовых моделях в архаичных текстах / В.Н. Топоров // Структура текста. – М. : Наука, 1980. – С. 3-58.
151. *Троцанский, В.Ф.* Эволюция чёрной веры (шаманства) у якутов / В.Ф. Троцанский / под ред. Э.К. Пекарского. – Казань, 1902. – 185 с.
152. Тувинские героические сказания / сост. С.М. Орус-оол. – Новосибирск : Наука. Сиб. предпр. РАН, 1997. – 584 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
153. *Тулохонов, М.И.* Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн» / М.И. Тулохонов // Аламжи Мэргэн. Бурятский героический эпос. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – С. 10-37. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
154. *Убрятова, Е.И.* Синонимы и структура якутского параллелизма / Е.И. Убрятова // Синонимия в языке и речи. – Новосибирск, 1970. – С. 211.
155. *Урастыров, Кюннюк.* Талыллыбыт айымньылар (Избранные произведения) / Кюннюк Урастыров. – Якутск, 1977. – Т. I. – С. 174.
156. *Успенский, Л.В.* Загадки топонимики / Л.В. Успенский. – М. : Мол. гвардия, 1969. – 272 с.
157. *Ухов, П.Д.* Постоянные эпитеты в былинах как средство типизации и создания образа / П.Д. Ухов // Основные проблемы эпоса восточных славян. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – С. 158-171.
158. *Филитова, Н.И.* О роли некоторых художественных поэтических приёмов в образовании собственных имён якутского олонхо : матер. XII Всесоюз. науч. студ. конф., посвящ. памяти Ленина / Н.И. Филиппова. – Новосибирск, 1974а. – С. 13-15.
159. *Филитова, Н.И.* Собственные имена персонажей якутского олонхо и бурятского улигера / Н.И. Филиппова // Вопросы языка и литературы народов Сибири. – Новосибирск, 1974б. – С. 151-155.

160. *Филиппова, Н.И.* Собственные имена персонажей олонхо / Н.И. Филиппова // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока : матер. Всесоюз. конф. фольклористов. – Якутск, 1978. – С.167-170.

161. *Филиппова, Н.И.* Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика : автореф. дис. ... к. филол. н. / Н.И. Филиппова. – Якутск, 1990. – 23 с.

162. *Фролов, Б.А.* К истолкованию числовой символики палеолита / Б.А. Фролов // Сибирский археологический сборник. Древняя Сибирь. – Новосибирск : Наука, 1968.

163. *Фролов, Б.А.* Представление о числе «7» у народов Сибири и Дальнего Востока / Б.А. Фролов // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск : Наука, 1974а. – С. 294-303.

164. *Фролов, Б.А.* Числа в графике палеолита / Б.А. Фролов. – Новосибирск : Наука, 1974б. – 240 с.

165. *Хабунова, Е.Э.* Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий) / Е.Э. Хабунова. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. – 256 с.

166. Хакасский героический эпос / запись и вступ. ст., подгот. текста, примеч. и коммент., прил. В.Е. Майногашевой. – Новосибирск : Наука. Сиб. предпр. РАН, 1997. – 479 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

167. *Хамаганова, Е.Э.* О сюжетно-композиционных особенностях тибетских преданий с мотивом «Посещения ада» / Е.Э. Хамаганова // «Джангар» и проблемы эпического творчества : мат. междунар. науч. конф. (22-24 августа 1990 года). – Элиста : АПП «Джангар», 2004. – 542 с.

168. *Харузин, Н.Н.* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России / Н.Н. Харузин // Этнографическое обозрение. – 1896. – Т. 28. – № 2-3. – С. 70.

169. *Хексельшнейдер, Э.* Немецкий славист о русском эпосе: дис. Вильгельма Вольнера, 1876 / Э. Хексельшнейдер // Сов. этнография. – 1981. – № 2. – С. 116-121.

170. *Хисамитдинова, Ф.Г.* Мифологический словарь башкирского языка / Ф.Г. Хисамитдинова. – М. : Наука, 2010. – 456 с.

171. *Хроленко, А.Т.* Жанровая специфика эпитета / А.Т. Хроленко // Учен. зап. Курского гос. пед. ин-та. – 1971. – Т. 92: Научно-практические очерки по русскому языку. – Вып. 4-5. – С. 86-101.

172. *Хроленко, А.Т.* Числительные в разных жанрах фольклора / А.Т. Хроленко // Научные труды Курского пединститута. – 1972а. – Т. 8 (102): Научно-практические очерки по русскому языку. – Вып. 6. – С. 72-88.

173. *Хроленко, А.Т.* Числительные в современной советской частушке / А.Т. Хроленко // Там же. – 1972б. – С. 65-72.

174. *Хроленко, А.Т.* Что такое лингвофольклористика? / А.Т. Хроленко // Русская речь. – 1974. – № 1. – С. 36-41.

175. *Хроленко, А.Т.* «...И жар холодных числ...» / А.Т. Хроленко // Русская речь. – 1975. – № 4. – С. 38-42.

176. *Хроленко, А.Т.* Лексика русской народной поэзии: на материале лирической песни : пособие для студентов-филологов по лингвофольклористике / А.Т. Хроленко / под ред. Г.В. Денисевича. – Курск, 1976. – 64 с.

177. Хроленко, А.Т. О составе поэтической фразеологии русской народной лирической песни / А.Т. Хроленко // Научные труды Курского пединститута. – 1978. – Т. 186: Специфика фольклорной лексики и фразеологии. – С. 49-68.

178. Хроленко, А.Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни / А.Т. Хроленко. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1981. – 163 с.

179. Худяков, И.А. Верхоянский сборник: якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки, записанные в Верхоянском округе / И.А. Худяков. – Иркутск, 1890. – II. – 311 с.

180. Худяков, И.А. Краткое описание Верхоянского округа / И.А. Худяков / под. ред. чл.-кор. АН СССР В.Т. Базанова. – Л. : Наука, 1969. – 439 с.

181. Цивьян, Т.В. К семантике пространственных и временных показателей в фольклоре / Т.В. Цивьян // Тартуский гос. университет : сб. ст. по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1973. – С. 13-17.

182. Чанышев, Я.А. К этимологии тюркских числительных первого десятка / Я.А. Чанышев // Теория и практика этимологических исследований. – М. : Наука, 1985. – С. 78-82.

183. Червинский, П.П. Семантический язык фольклорной традиции / П.П. Червинский. – Ростов н/Д : Изд. Рост. ун-та, 1989. – 224 с.

184. Эвенкийские героические сказания / сост. А.Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд. 1990. – 392 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

185. Эргис, Г.У. Очерки по якутскому фольклору / Г.У. Эргис. – М. : Наука, 1974. – 404 с.

186. Эрнитс, Э.К. К происхождению числительного 'один' в разных семьях языков / Э.К. Эрнитс // Сов. финно-угроведение. – 1973. – № 3. – С. 161-173.

187. Эрнитс, Э.К. К происхождению числительного 'один' / Э.К. Эрнитс // Сов. тюркология. – 1987. – № 2. – С. 77-79.

188. Якобсон, Р.О. Работы по поэтике: Переводы / Р.О. Якобсон / сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. – М. : Прогресс, 1987. – 464 с.

189. Яковлев, В.Ф. Сэргэ (коновязь) / В.Ф. Яковлев. – Ч. I. – Якутск, 1992. – 64 с.; Ч. II. – Якутск, 1993. – 78 с.

190. Якутский героический эпос «Кыыс Дэбиллий». – Новосибирск : Наука, 1993. – 222 с.

191. Ястремский, С.В. Образцы народной литературы якутов / С.В. Ястремский. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – 226 с.

192. Cassirer, E. Philosophie der symbolischen Formen, T. I. «Die Sprache» / E. Cassirer. – Berlin, 1923.

193. Poppe, N.N. Zur Hyperbel in der epischen Dichtung der Mongolen / N.N. Poppe // Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft. – Leipzig – Wiesbaden, 1962. – Bd. 112.

194. Ramstedt, G.J. Kalmukisches Wörterbuch / G.J. Ramstedt. – Helsinki, 1935. – S. 67.

195. Sagaster, R. Zur Zahlensymbolik im mongolischen Epos / R. Sagaster // Fragen der mongolischen Heldendichtung. Asiatische Forschungen. – Wiesbaden, 1981. – Bd. 72.

Приложение 1

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	10-..	Итого
АБ	34	32	131	27	3	22	53	155	54	15	39	565
ЭС	5	3	15	8	4	3	8	2	11	5	11	75
ТНЬБ	2	13	26	6	1	1	12	35	29	-	6	131
©Б	2	7	39	5	2	3	14	35	55	4	21	199
НБС	20	22	94	12	3	7	10	40	41	2	24	275
КК	104	153	227	49	8	18	66	115	272	19	147	1178
МЭС	72	29	66	20	11	4	23	48	60	14	46	393
КД	13	29	95	11	6	17	39	58	62	8	17	355
Итого	252	288	693	138	38	87	225	488	584	67	311	3171

Приложение 2

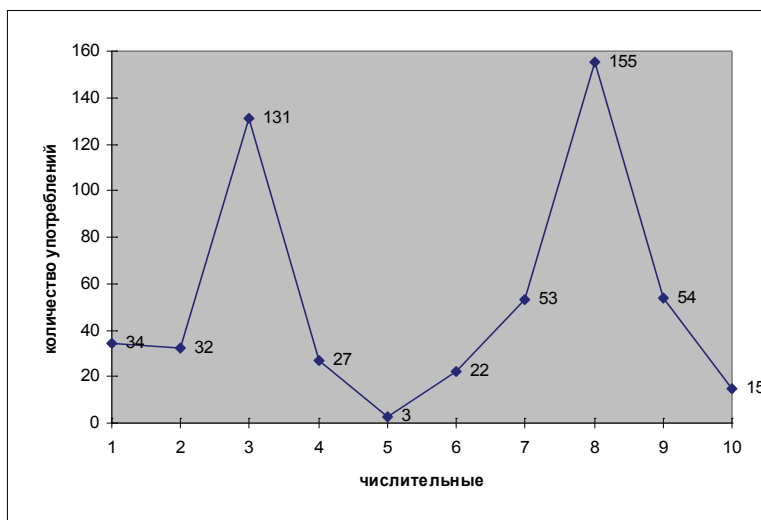

Рис. 1. Функционирование числительных в олонхо «Ала Булкун»

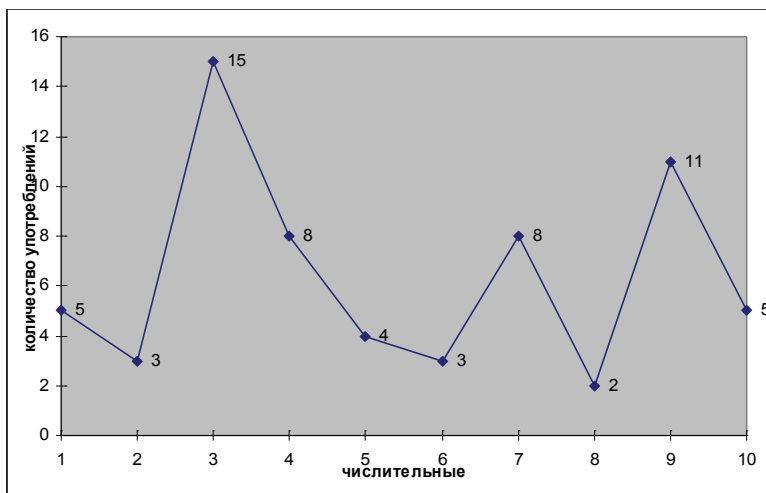

Рис. 2. Функционирование числительных в олонхо «Эр Собохо»

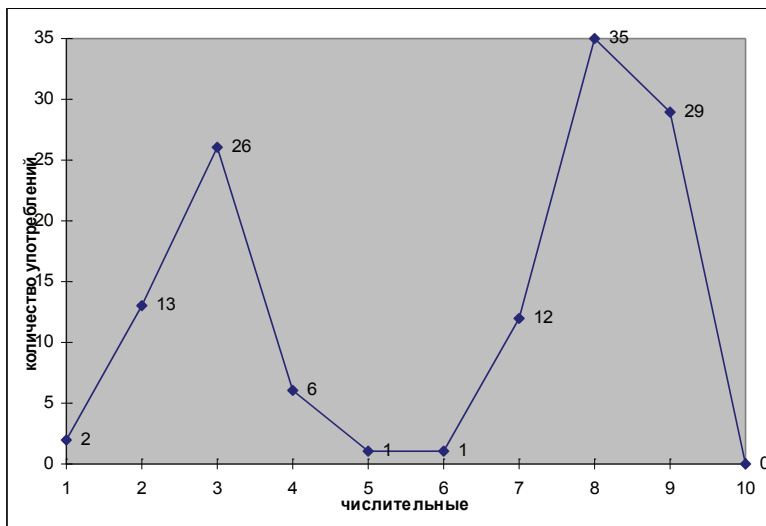

Рис. 3. Функционирование числительных в олонхо «Тойон Ньургун Бухатыр»

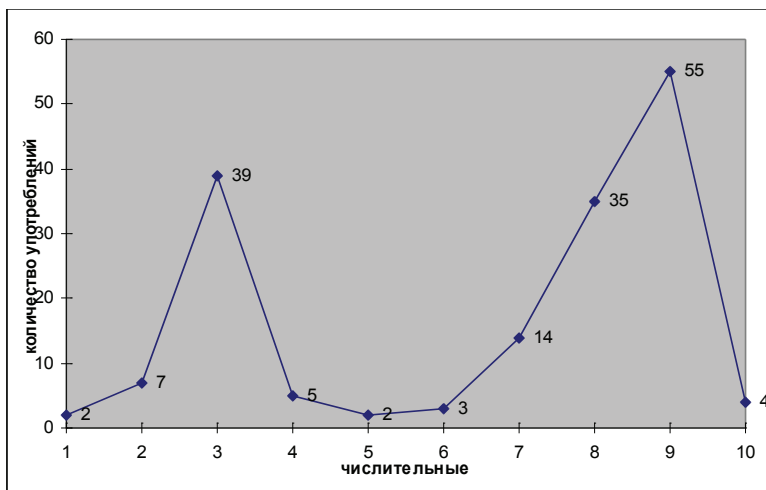

Рис. 4. Функционирование числительных в олонхо «Өлбөт Бэргэн»

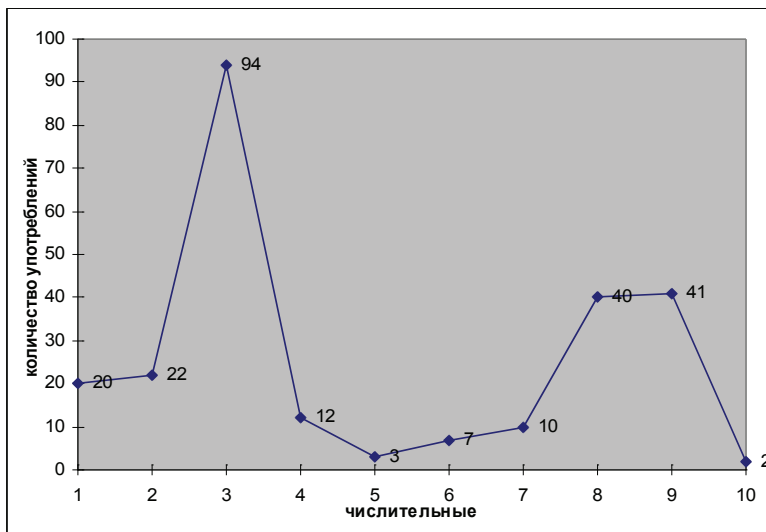

Рис. 5. Функционирование числительных в олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур»

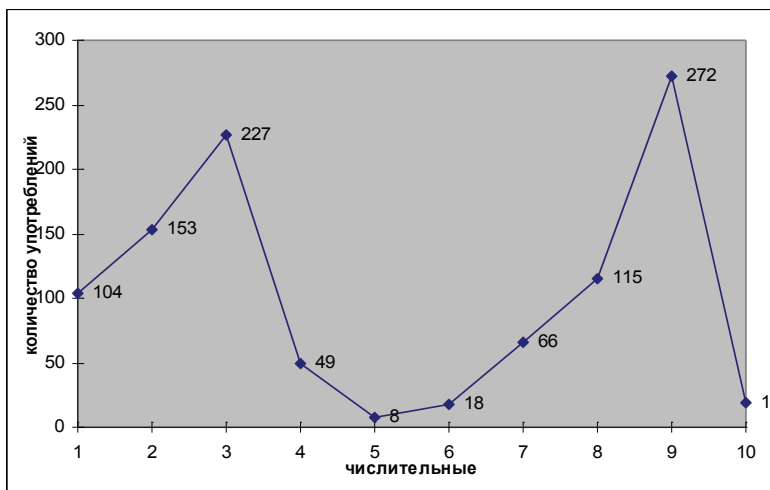

Рис. 6. Функционирование числительных в олонхо «Кулун Куллустиур»

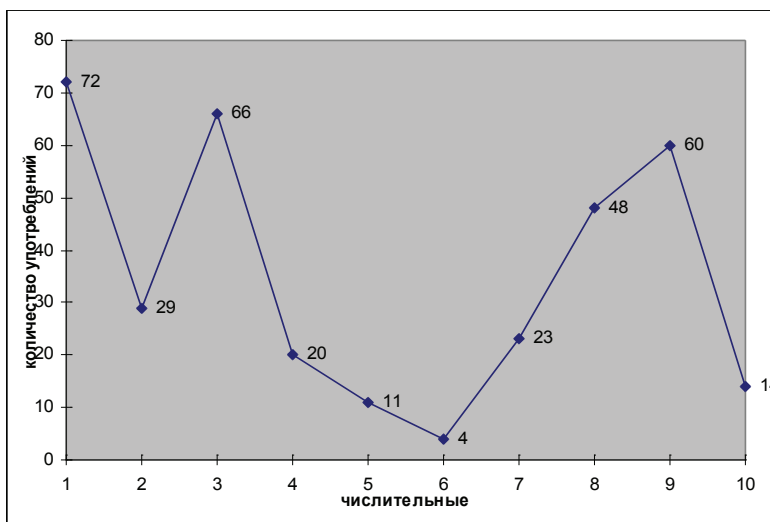
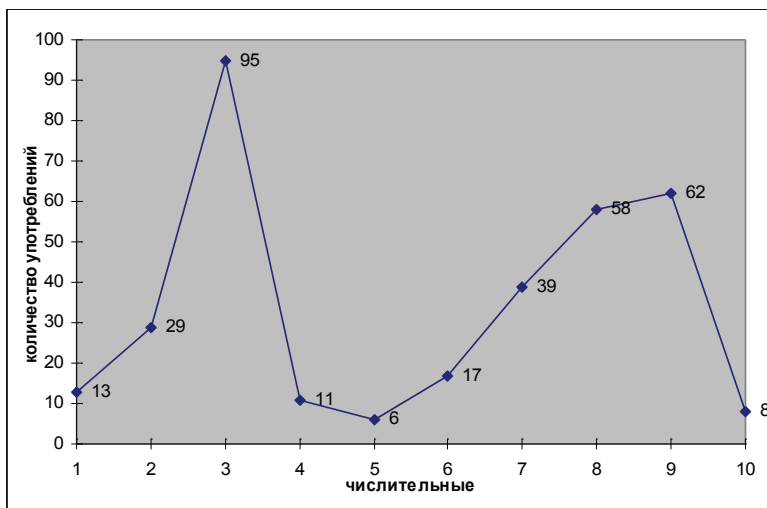
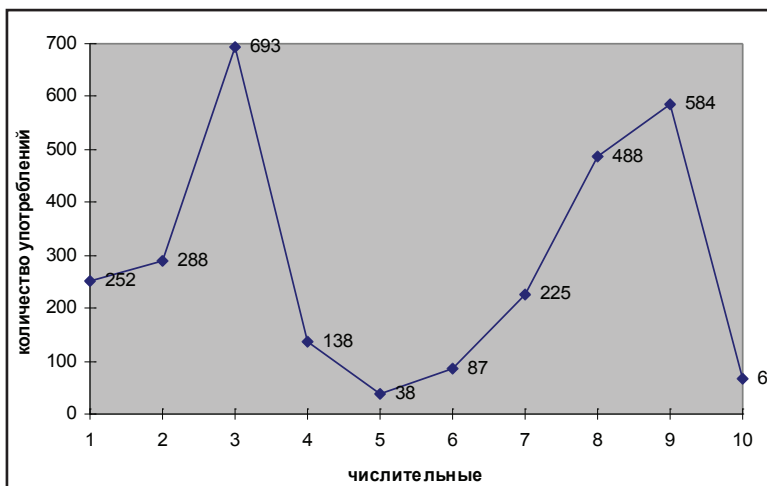

Рис. 7. Функционирование числительных в олонхо «Модун Эр Соботох»

Рис. 8. Функционирование числительных в олонхо «Кыс Дэбилийэ»

Рис. 9. Усредненная величина функционирования числительных в олонхо

Научное издание

Избекова Евдокия Игнатъевна

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В ОЛОНХО: СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА

Редактор *М.В. Хорчоева*

Компьютерная верстка *Л.М. Винокурова*

Оформление обложки *П.И. Антипин*

В оформлении обложки использованы рисунки Дь.А. Бойтунова

Подписано в печать 05.09.2014. Формат 60x84/16. Печать цифровая.

Печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 11,87. Тираж 200 экз. Заказ № 221.

Издательский дом Северо-Восточного федерального университета,
677891, г. Якутск, ул. Петровского, 5.

Отпечатано в типографии ИД СВФУ